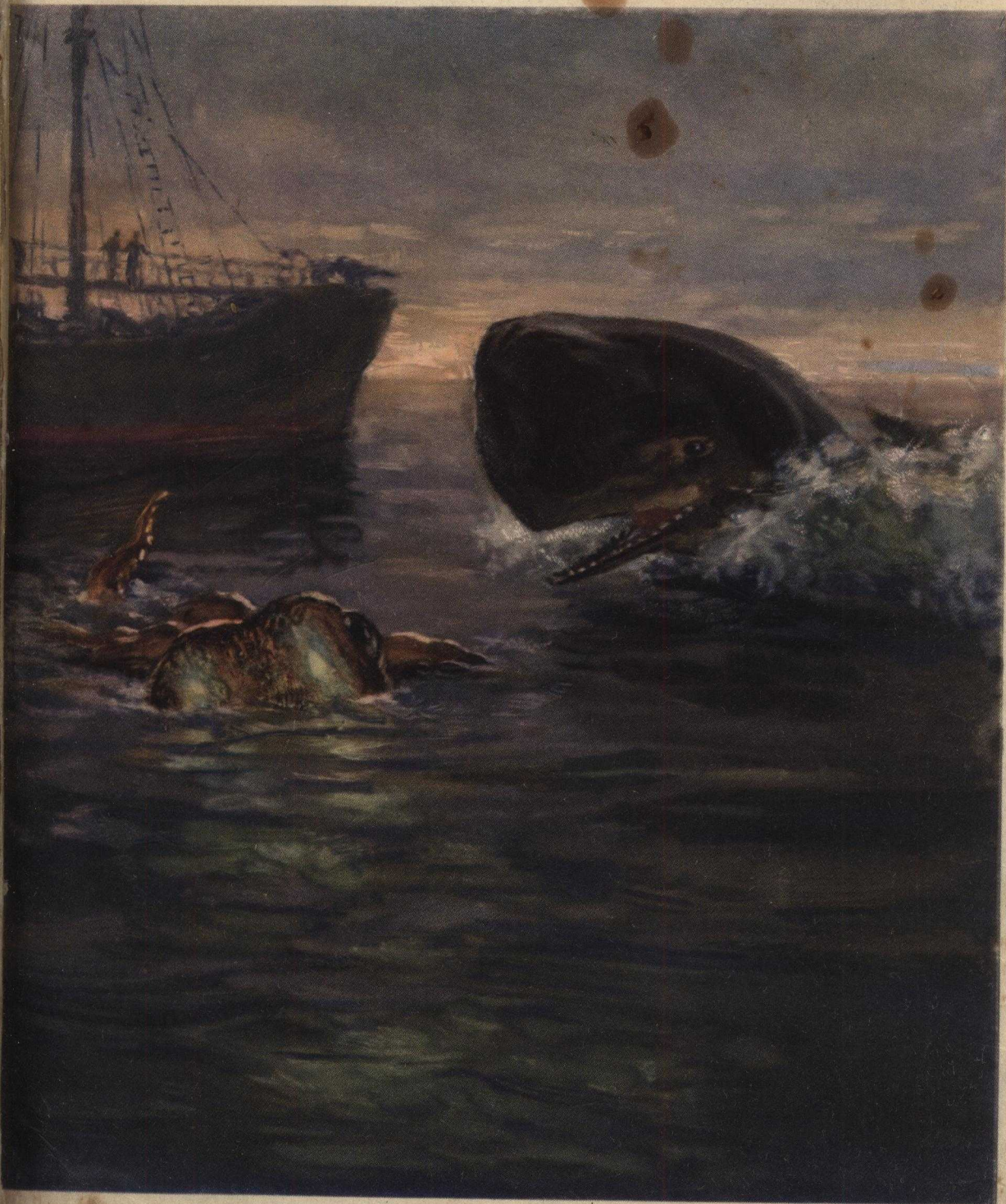

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

2

В ДОЗОРЕ.

Рисунок И. Бруни.

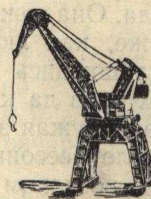
П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№2 ФЕВРАЛЬ 1955

В этом номере

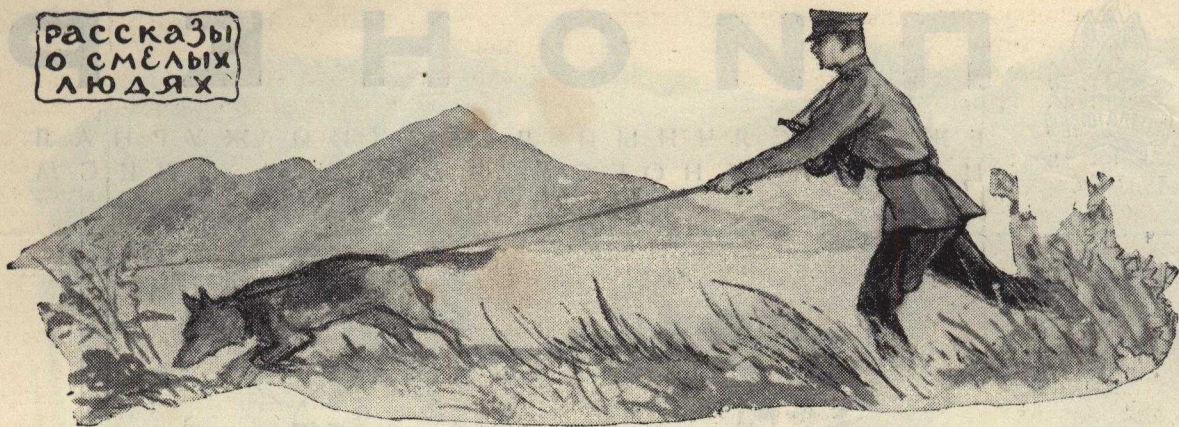
На берегу Аракса. (Рассказы о смелых людях.) — Ю. Бессонов. Рисунки А. Алейникова	2
Родники.— Продолжение. Повесть Нины Емельяновой. Рисунки А. Кокорина	5
Три значка.— Стихи Е. Трутневой. Рисунки В. Константинова	30
За правое дело.— Лев Кассиль	32
Битва морских гигантов. (Из записок путешественников.)—И. Акимовский. Рисунки В. Цельмера	33
Закон моря.— Рассказ Андрея Иванова. Рисунки Н. Цейтлина	36
Скрипач.— Рассказ в стихах Б. Заходера. Рисунки Е. Афанасьевой	42
Народные сказки.— Рисунки П. Кирпичёва	44
Подвиг художника.— И. Халтурин	49
В одной дружке.— Письма и заметки ребят 358-й школы	52
На кофейной гуще.— Фельетон Льва Успенского	58
Лодочный мотор.— Рассказ Иосифа Дика. Рисунки Ф. Лемкуля	62
Почему и отчего	67
Смелая мысль, умелые руки.— Н. Митрофанов	69
В мире книг	73
Кляксы	77
В часы досуга	79

На обложке:

рисунки Н. Кольчицкого
«Битва морских гигантов».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На берегу Аракса

Ю. Бессонов

Рисунки А. Алейникова.

На заставу после ночного наряда они возвращались вдвоём: ефрейтор Коряков и его напарник, молодой пограничник Трегуб.

Розыскная собака шла у ноги Корякова и, предвкушая скорый отдых, радостно повизгивала. Она тоже пробыла ночь на границе и так же, как люди, утомилась, напряжённо прислушиваясь к едва уловимым шорохам сухих трав да к плеску Аракса, за которым лежала чужая земля.

После бессонной ночи, в утренние часы перед восходом особенно клонит ко сну, и пограничники шли молча.

Быстро светало. Солнце, ещё скрытое за горизонтом, уже озарило снеговую вершину Арарата. Он одиноко стоял за Араксом по ту сторону границы — великан выше облаков, — его видно было из долины, как на ладони.

До казармы оставалось не больше километра, когда Коряков обернулся и ещё раз посмотрел в сторону границы, где он провёл ночь в дозоре.

В долине было пустынно. Пересохшие оросительные каналы чёрными траншеями тянулись к реке. Они напомнили Корякову летний зной и нестерпимую июльскую жару, когда ртутный столбик градусника поднимался в полдень до 60, а ночами не спускался ниже 30 градусов. Если бы не воды Аракса, орошавшие землю, солнце иссушило бы её, превратив в пустыню. Уцелели бы разве только заросли тамариска, среди которых вилась тропинка к заставе.

Аракс лежал ещё во мгле, окутанный сероватой дымкой. На этом участке он был неглубок, и нетрудно было найти брод на его по-

логий излучине, подходящей почти к самым зарослям тамариска.

Это беспокоило Корякова: водная преграда здесь была легко преодолима. Всю ночь он прислушивался к плеску Аракса, до сих пор ещё стоял у него в ушах звон струй и шум перемываемого течением прибрежного песка.

В кустарнике прошуршала по иссохшей земле змея. Овчарка насторожилась было, но тотчас же, склонив голову набок, посмотрела на Корякова и, словно успокаивая его, помахала хвостом.

И опять кругом стало тихо. Только под ногами пограничников чуть слышно шелестели сухие стебли примятых травинок.

Застава была уже близко. Всё ярче розовым светом разгорались вершины дальних гор. Утро приходило ясное, небо не туманилось ни одним облаком. И вдруг в этой утренней тишине раздался выстрел.

Овчарка вздрогнула, словно её неожиданно ударили плёткой, и, торчком поставив уши, застыла на месте, ожидая команды.

— Где это? — проговорил Коряков, глядя в сторону, куда глядела овчарка. — На участке соседней заставы?

— Далеко, — сказал Трегуб.

— Не дальше двух километров...

Раздалось ещё несколько выстрелов.

Коряков потянул поводок и негромко приказал овчарке:

— Вперёд!

Собака бросилась было прямо на звук выстрелов, но Коряков остановил её и, протянув руку в сторону Аракса, повторил:

— Вперёд!

Решение у него созрело мгновенно. Нужно было спуститься к реке и устроить засаду у брода, чтобы отрезать врагам путь к отступлению, если они будут уходить.

Овчарка, почувствовав себя на преследовании, резко рвала поводок. Налегая на ошейник, она тащила за собой Корякова. Позади шумели кусты тамариска. Это бежал вслед за Коряковым Трегуб. Но он сразу отстал, без помощи овчарки ему бежать было трудно.

Коряков не оборачивался. Успех дела зависел теперь только от быстроты действий. Надо было скорее добраться до Аракса и там, на участке соседней заставы, встретить нарушителей. Коряков не сомневался, что нарушители пойдут напрямик к границе. Они должны выйти к броду. Здесь путь короче. Они тоже сейчас торопятся выйти к реке прежде, чем там появятся пограничники.

Коряков бежал что было сил, стараясь не сдерживать овчарку.

Они миновали заросли тамариска. Перед ними лежали колхозные поля. Высокие копны пшеницы, снопов по восемьдесят, стояли почти правильными рядами. За ними вдалеке чернела оросительная канава. Справа темнели кустарники тамариска.

Солнечные лучи ещё не опустились в долину и освещали только вершины гор. Здесь, в низине, было пасмурно, как в осенний ненастный день.

Опять раздались выстрелы — один, другой. Теперь они прозвучали ближе и гулко разнеслись по реке.

Сомнений не оставалось: это отходили к границе преследуемые дозором нарушители.

Овчарка рванулась вперёд, но Коряков остановил её и обернулся. Трегуба видно не было, он, должно быть, сильно отстал.

Овчарка нетерпеливо повизгивала.

— Тихо! — сказал ей Коряков.

Укрывшись за копной, он оглядел местность, определив, что находится километрах в двух от своей заставы. Но из низины заставу не было видно: её прикрывали высоты, заслонившие горизонт.

«Но где же Трегуб? — подумал Коряков, глядя в чернеющий кустарник. — Может, в этих чёртовых зарослях

он потерял меня из виду и забрал слишком вправо?..»

Коряков оглядел копны пшеницы ряд за рядом и прислушался. Кроме плеска Аракса, ни один звук не нарушал тишины. Но тишина на границе обманчива. Опасность могла притаиться везде: за любой копной пшеничных снопов, в пересохшей оросительной канаве, в кустах тамариска.

«Нарушители должны выйти где-нибудь здесь, у брода», — подумал Коряков, приглядывая себе позицию. Он искал место с хорошим кругозором и широким обстрелом, чтобы, заняв его, надёжно прикрыть подходы к Араксу. Он наметил отдельную копну поближе к броду и, не теряя времени, побежал к ней.

Но когда он пробежал полпути и до копны оставалось не больше ста шагов, где-то совсем близко от него басовито прожужжала пуля, и тотчас же грянул выстрел... Они почти слились в один звук — жужжание пули и резкий удар выстрела, — значит, стрелявший находился недалеко.

«Пуля «жакан»... Как шмель, жужжат только разрывные пули «жакан»...»

Коряков пригнулся, побежал быстрее, но вдруг что-то с силой ударило его в бедро, и нога подогнулась, словно ему подставили подножку. Он споткнулся и упал на землю, всё-таки успев крикнуть овчарке:

— Лежать!..

Он не сразу понял, что ранен.

Овчарка легла рядом с ним, растянувшись на брюхе и прижав к земле вытянутую острую морду.

Коряков попробовал ползти к копне и не мог: ноги стали такими тяжёлыми, что не было сил оторвать их от земли. Бок палило жаром, как будто в кармане вспыхнули

Преодолевая острую боль, Коряков плотно притиснул приклад автомата к плечу и нажал спусковой крючок.

в коробке спички. Инстинктивно Коряков засунул руку в карман. В натёкшей горячей крови он нащупал острые края пробитого пулей металлического портсигара.

Коряков вытащил из кармана окровавленную руку и приладил автомат, прижав приклад к плечу.

Он напряжённо осматривал поле, но нигде не видел нарушителей границы.

Его мутило, и копны плыли перед глазами, как грозные валы в шторм, вал за валом. Он сплюнул горьковатую слюну и сжал зубы.

Копны плыли и плыли перед глазами, но он напряжённо осматривал всё вокруг. Его стало лихорадить, холод сковывал тело, точно под ним была не сухая земля, а глубокая лужа, наполненная стылой водой... Автомат стал непосильно тяжёлым. Нестерпимо хотелось лечь и прижаться горячей головой к земле. Шум Аракса доносился глуше, и Корякову казалось, что это не река бьётся о берег, а его собственная кровь с едва уловимым плеском стекает в набежавшую под ним кровавую лужу.

«Хорошо бы остановить кровь... Сделать перевязку...»

Он на мгновение отвёл глаза от снопов в сторону зарослей. Трегуба всё не было.

Коряков опять перевёл взгляд на поле. Он искал нарушителей границы. Он должен остановить их, должен продержаться, пока не подоспеет помощь с заставы.

Он знал, что первый же выстрел, который они с Трегубом слышали ещё там, в кустарниках тамариска, должен был послужить сигналом тревоги. Но сколько времени пройдёт, прежде чем пограничники выйдут к Араксу и отрежут от реки нарушителей?

Десять минут? Пятнадцать? Здесь может быть полтора километра...

Его опять начало мутить, и горькая слюна наполнила рот. Веки сами собой сомкнулись, и он уронил голову.

На мгновение перед закрытыми глазами возникла застава и пограничники, бегущие с крутого холма к Араксу. Он даже узнавал их лица — так ярко представились ему в эту минуту боевые товарищи. Все они были с оружием и бежали сюда, к копнам.

Коряков собрал всю свою волю, приподнял голову и открыл глаза. Его ослепил яркий свет. Казалось, земля вокруг вспыхнула рыжим огнём. Он не понял, что это поднявшееся над высотами солнце загло осеннюю ниву.

Всё стояло теперь в рыжем слепящем тумане — и копны пшеницы и дальние горы. До боли в глазах Коряков вглядывался в

этот зыбкий туман, боясь пропустить нарушителей.

И вдруг он услышал выстрелы. Они доносились чуть слева, от чёрной канавы. Нет, это стреляли не нарушители границы, это стреляли пограничники. Дробь автомата рассыпалась по реке, и в ответ ей застучали глуховатые удары крупнокалиберных ружей. Коряков понял, что это отстреливаются удирающие враги.

И тут он увидел за копной, метрах в двухстах, человека. Он осторожно вышел на жнивье и, пригнувшись, побежал к соседней копне, ближе к Араксу. Слева показался ещё один, за ним ещё...

Нарушители бежали по полю и навскидку стреляли в сторону оросительной канавы.

Они были уже близко, и один, долговязый, держа ружьё наперевес, бежал прямо на Корякова. Превозмогая острую боль, Коряков плотно притиснул приклад автомата к плечу и нажал спусковой крючок.

Как эхо очереди собственного автомата, он снова услышал ответные выстрелы.

Долговязый замертво рухнул на землю. Остальные нарушители исчезли.

«Теперь нужно ждать нападения», — подумал Коряков, и почти тотчас же над его головой прожужжали пули «жакан».

Руки Корякова дрожали, он едва справлялся с тяжестью автомата, но как только враги пытались выйти из кустов, он снова и снова нажимал спусковой крючок...

К нему подбежал Трегуб и наклонился над ним, разматывая бинт.

— Мной не время заниматься. Преследуй нарушителей... — еле проговорил Коряков.

Потом, теряя сознание, он услышал рядом частые выстрелы, но уже не мог видеть, что это подошла помощь.

Он очнулся на носилках и почувствовал опоясывающие его тугие бинты. Кругом стояли пограничники.

Коряков пошевелился, и все обернулись к нему.

— Их задержали? — спросил Коряков.

— Задержали. Это ты, Саша, задержал их, — сказал Корякову сержант. — Их было пятеро. Если бы ты во-время не подоспел сюда, они ушли бы на ту сторону. А сейчас лежи спокойно...

Теперь не стало перед глазами рыжего тумана, и Коряков удивительно ясно и отчетливо увидел всё сразу: и высокое небо, и мягким жёлтым светом горящее под солнцем поле, и овчарку, тянувшую свою острую морду к его руке, и заботливые лица друзей, обступивших носилки.

Р О Д Н И К И

(Продолжение)

Нина Емельянова

Рисунки А. Кокорина.

Талант

Больше всех сказок я любила сказку про Василису Прекрасную и могла слушать её каждый день. Вместе с Василисой мы шли по дремучему лесу к дому бабы Яги, и череп двумя лучами освещал нам дорогу. Но самое чудесное происходило, когда Василиса за одну ночь справлялась с любой работой.

Вечер. У нас в комнате на сундуке сидим мы с Дуняшей и Митей (с тех пор, как мы встретились на Трубной, он иногда приходит к нам играть) и слушаем, как отец рассказывает нам сказку о Василисе Прекрасной. На столе горит лампа, мама, склонив голову, подрубает на руках тоненький платочек, и на лёгкой ткани красиво двигаются её пальцы. А Василиса тем временем выносит царю-батюшке вышитую ею за одну ночь нарядную рубашку!

Вдруг в окошко стучат. Мама открывает дверь и радостно вскрикивает:

— Ну, наконец-то! Мы уж и ждать перестали!.. Давай сюда чемодан. А это подушки? Нет, нет, я возьму...

Кто-то раздевается в передней, и в комнату с молодым оживлением входит невысокая женщина, поправляя рукой крутые завитки тёмных, чуть тронутых сединой волос. Пока она здоровается с отцом, я вижу, что волосы у неё подстрижены на затылке, и это меня удивляет так же, как и Дуняшу: у всех женщин, которых мы с ней видели, были длинные волосы.

Но чёрная с серебром шапка волос на небольшой её голове очень красива. И вот она подходит ко мне, неожиданно берёт двумя руками мою голову, прижимая уши, поворачивает к себе и наклоняется. Я вижу два карих глаза, они внимательно и любовно смотрят на меня, ласковый их свет греет, и я уже люблю эти немного печальные глаза. И вдруг замечаю, что щёки и лоб женщины густо покрыты маленькими ямка-

ми и только около губ чуть морщится улыбочкой гладкая, молодая кожа.

Так вот она какая, Клавдичка; мамина двоюродная сестра! Это о ней мама предупредила меня: когда увидишь Клавдичку, не рассматривай её лицо: оно сильно изуродовано оспой.

Но ведь первыми пришли и познакомились со мной удивительные ласковые глаза Клавдички, я совсем не замечаю, что её лицо изуродовано, и, закинув обе руки ей на шею, утыкаюсь в белую, складочками блузку.

Всегда бывает интересно ждать человека, который где-то существует, но ты никогда его не видела. Мама часто говорила: «Вот Клавдичка приедет, вот Варя от дедушки Никиты Василича приедет». Я думала, что они обе большие девочки, с косами, а вот она какая, Клавдичка!

Меня всё в ней привлекает: её белая блузка с высоким воротником, длинная чёрная юбка, схваченная в талии широким поясом, маленькая рука и густой низкий голос.

— А ну, показывай своих друзей, — говорит Клавдичка. — Так это Дуняша? Очень хорошо! Митюшка? Ну, здравствуй, Митюшка.

И внезапно в передней кто-то шумно хлопает дверью, и оттуда слышится:

— Вот! А вы говорили, я заблужусь, а я совсем не заблудилась!

И в комнату заглядывает девочка. Драповое её пальтишко всё осыпано крупными каплями дождя, тёмные волосы рассыпаны по плечам, улыбающееся лицо её сияет радостью. Ну и девочка! Но мне почему-то жалко, что у Клавдички оказалась такая девочка, — это, наверно, её дочка.

— Вот, Грунечка, я привезла Лёлю к родным, надо же учить девочку: исполнилось десять лет! — И строго: — Что такое, Лёля, ты не можешь сначала раздеться, а потом войти?

Девочка раздевается, и вот она вошла.

Смелое круглое личико осматривает нас всех, и глаза её с лукавством останавливаются на Дуняше и Митюшке. Она проходит мимо нас, чтобы поздороваться с мамой, и по дороге пальцами щёлкает Митюшку по лбу. Он конфузливо улыбается и отстраняет голову, но не обижается. Кажется, эта девочка может делать всё, что ей вздумается!

— Лёля! — укоризненно говорит всё замечающая Клавдичка и обращается к отцу: — Вы знаете, Саша, перед вашим переулком она отстала от меня, хотела подобрать какую-то кошку, которая в этом вовсе не ну-

ждалась, и когда я сказала, что ухожу, наконец задержалась, чтобы я беспокоилась. Но, — Клавдичка смеётся и хорошеет, — этого она не дожждётся, я не умею напрасно беспокоиться, если вижу, что у человека есть голова на плечах. Конечно, я пошла спокойно вперёд.

— Значит, у меня есть голова на плечах? — звонким голосом говорит Лёля, повёртываясь к нам и морща свой гладкий лоб. — Вот и прекрасно!

Никогда я не слышала, чтобы дети так разговаривали со взрослыми, и догадываюсь, что девочка «представляется» перед нами. Мы, трое, сидим, как очарованные, и кажется, Дуняше и Митюшке так же нравится эта девочка, как и мне. Мне она кажется совсем большой; а она, как только что сказала Клавдичка, всего на три года старше меня, Дуняше она почти ровесница. Но Дуняша против неё кажется маленькой, робкой и даже некрасивой.

— Девочки, а во что вы играете? — спрашивает Лёля, подходя к нам, поднимаясь на носки и снова опускаясь.

— ...Замечательные способности... — слышу я краем уха густой голос Клавдички. — Негде совершенно учить, нужен рояль, учитель... да многое нужно.

Клавдичка машет рукой и закуривает вынутую из коробочки папиросу. Женщины — и курит! Это очень удивительно.

— А он? — спрашивает отец.

— Работает один, тянет, как вол. На приём к нему за двадцать вёрст идут. А то сам пойдёт: ломит по грязи, по любой погоде; чуть не замёрз в степи прошлую зиму. Ноги отморозил, едва отёрли... Любят его.

— Не женился ещё?

— Ну, едва ли женится: однолюб. Не надышится на неё! Это же форменный портрет матери! — Клавдичка показывает глазами на Лёлю, оживлённо рассматривающую мою куклу Марфушу. Вот интересно: девочка рассматривает чужую куклу, но как она это делает! Она приподнимает Марфушу над собой, заглядывает ей в курносенькое лицо, кивает ей и говорит: «Здравствуйте, Марфуша! Какие у вас растрёпанные волосы!» Марфуша кланяется ей и... тоненьким голосом отвечает: «Моя мама меня не причёсывает и не одевает...»

— Это правда? — спрашивает меня Лёля взрослым тоном и качает головой на мою нахмуренную физиономию. — Видите, Марфуша мне сказала при всех, она не жаловалась, но правда, со своей дочкой вы обращаетесь... как мачеха.

Лёлино выразительное личико чуть-чуть омрачается, она садится между нами, отодвигая Митюшку, и он радостно уступает ей место. Болтая длинными ногами и стучая башмаками о край сундука, Лёля говорит:

— Мачеха — это когда у детей не родная мама, а чужая. Моя мамочка умерла, я её даже не помню. Тогда была какая-то тяжёлая болезнь, и мамочка вместе с папой лечили людей. Мамочка заразилась и умерла. Но папа сказал, что «никогда другая мама не войдёт в наш дом»...

— А Клавдичка кто?

— Тётя Клавдичка — это тётя Клавдичка! — уже смеётся Лёля. — Она папина сестра, только не двоюродная, а родная. И как-то так выходит, что я тебе тоже какая-то сестра... А что вы сейчас делали? — спрашивает она Дуняшу.

— Нам её папа сказку рассказывал про Василису Прекрасную, — отвечает Дуняша.

— А ты чего сидишь так смиренно? — Лёле надо всех расшевелить, она взъерошивает митюшкины волосы и задумывается. — Мы тебя сейчас женим на Марфуше! — решает она. — Я видела, как справляют свадьбу. Это очень интересно!

— Не хочу, — отнекивается Митюшка, но Лёля сажает Марфушу рядом с ним, отходит немного, смотрит и вдруг бежит к маме.

— Тётя Груня, — говорит она, — нам надо подвенечное платье. Что можно взять?

— Возьми вон кисейную занавесочку...

Лёля деловито берёт из стопы только что выглаженного мамой белья занавесочку, говорит, что она «годится», и прикладывает её к марфушиным волосам. От тяжести занавески парик Марфуши, давно уже отклеившийся и надеваемый, как шапка, слезает совсем и обнаруживает круглое, срезанное отверстие в пустую марфушину голову. Там виден валик с грузиком, соединяющий оба глаза. Когда-то она с помощью этого валика могла закрывать и открывать глаза, но это было давно, и сама Марфуша не помнит, что у неё было это свойство; теперь в ней что-то испортилось.

— Да, — говорит Лёля. — Это теперь уже не Марфуша, а грудной ребёнок: уа-уа...

И, смешно сощурившись, она подхватывает Марфушу, закутанную в занавеску, качает её, как ребёнка, и поёт, обращаясь к Мите:

Митенька, душенька,
Где твоя Марфушенька?..

— Лёля! — говорит от стола тётя Клавдичка. (Раз Лёля назвала мою маму тётей,

наверно, мне надо так называть Клавдичку!). — Пошли бы вы хоть в кухню, ведь невозможно разговаривать.

— Лёля, — говорит мой отец, — а ну-ка подойди сюда! — Он смотрит на неё внимательно и берёт из футляра скрипку. Он задумчиво прижимает скрипку подбородком, долго держит смычок в руке и потом берёт одну ноту. Он кивает Лёле.

Поняв его, она легко и свободно серебряным голоском поёт эту же ноту. Отец, скосив на неё глаза, переходит к другой ноте.

И эту Лёля берёт легко, весело, ей это доставляет удовольствие.

— А ну, вот так...

Отец играет какую-то прелестную мелодию, много раз слышанную мною, которую я не могла спеть даже приблизительно. Серебряный голос Лёли звучит, как скрипка, даже ещё лучше.

— Флейта! — одобрительно говорит отец.

И тут я вижу, что Лёля испытывает удовольствие не оттого, что мы трое слушаем её, она больше не «представляется», она радуется сама для себя. Какое-то незнакомое чувство тянет меня к этой девочке и одновременно отталкивает. Мне не хочется, чтобы она была у нас, и вместе с тем я не могу глаз отвести от её весёлого круглого личика с открытым розовым ртом, откуда звучит звонко, как флейта, её голосок.

Отец опускает скрипку, гладит Лёлю по голове и задумчиво, непривычно долго укладывает скрипку в футляр. Он вздыхает, и я слышу этот вздох.

— Слух и голос великолепные, — говорит он. — И как я вспомнил себя! Когда-то так же Фёдор Карлович пробовал мой слух. Голоса у меня никогда не было, а слух его поразил. Великое благо — иметь талант, но талант не лежит спокойно, он требует проявления. Ему необходимо общение, нужны люди, которых он будит. Талант растёт, опираясь на душевную взволнованность окружающих. Но, чтобы пробиться с ним, надо много учиться. А на какие гроши было учиться? Лёле надо учиться музыке.

Клавдичка отводит руку с зажатой в пальцах папирской, как будто говоря, что хорошо, если Лёле удастся учиться.

— Нет, сколько у нас талантов, которым не дано хода! — возмущённо говорит отец. — Возьмите Петра. Да ведь и я бы мог быть хорошим музыкантом...

Мне ужасно хочется, чтобы отец мог говорить про меня с таким же волнением, как он говорит о Лёле. Мне хотелось бы тоже обрадовать его чем-то, суметь сделать что-

Так вот она какая, Клавдичка, мамина двоюродная сестра!

нибудь замечательное. Хорошо бы иметь такой голос, как у Лёли! Отец играл бы на скрипке, а я пела бы, как та женщина в белом платье, которая пела «Снегурочку».

— Хотите, я вам стихи почитаю? — говорит Лёля.

Я понимаю её: она счастлива, и ей хочется делать хорошее всем. Но стихи-то я и сама знаю. Я не успеваю сказать, что лучшие стихи прочитаю я, как Лёля становится у печки, на более свободное место в комнате, и начинает:

Дело под вечер, зимой...
И морозец знатный.

Лёля кончает последние слова, и мы все трое кричим:

— Ещё!
Взрослым лёлино чтение тоже нравится.
— Вот говорят тебе, что надо помнить, где остановиться, где помолчать, где сказать громче, где тише, — укоризненно говорит мне мама, — а ты всегда летишь, ничего не разбираешь.

— Нет, этому, — отец подчёркивает это слово. — научить трудно. Это искра. А чего «искра» не будем говорить.

Потом мы, дети, перебираемся в кухню, и начинается потеха: мы играем в прятки. Лёля прячется за дверь и выскакивает на нас,

когда мы её увидим, забирается в глубину висящей на вешалке одежды, и мы её едва находим: она ухватила за вешалку, подтянулась и повисла, подобрав ноги.

С хохотом мы вскакиваем обратно в комнату; раскрасневшаяся Лёля догоняет Дуняшу, и они, дружно обнявшись, валятся на сундук. Никогда я не думала, что может быть так весело. Я уже слышала от мамы, что Клавдичка приедет и поживёт у нас, и у меня пробуждается надежда, что Лёля тоже останется с ней.

Стучат в дверь. Мы с Дуняшей и Митюшкой, всей гурьбой, отворяем: наверно, пришёл дядя Пётр. Но на пороге стоит неизвестный человек с тёмной бородкой и держит за руку маленького, мне по плечо, мальчика.

— Клавдия Николаевна приехала? — спрашивает он и вдруг замечает Лёлю. — Лёлюшка, девочка, здравствуй! Ты меня не помнишь?

Он обнимает её, смотрит ей в лицо и, подняв руку, закрывает ею свои глаза. Мама, отец, Клавдичка — все выходят в переднюю. Отведя руку от глаз, высокий человек снимает шляпу, обнимает тётю Клавдичку, здоровается с мамой и всё глядит на Лёлю.

— Нет, как похожа, как похожа на Катю! — говорит он.

Мальчик Витя стоит молча, он ещё совсем маленький и не знает, что ему делать. Лёля и Дуняша бросаются раздевать его.

Все сидят за столом, пьют чай и разговаривают про лёлиного отца.

— Что же он сам не приехал? — спрашивает лёлин дядя. Он брат умершей лёлиной мамы. Лёля будет у него жить и учиться.

— Нельзя же, он под надзором полиции! — отвечает Клавдичка, передавая ему стакан чаю.

— И долго это будет? — неприятно спрашивает лёлин дядя.

— Это будет всегда, — отвечает густым голосом Клавдичка. — Пора вам его знать.

— Да, знать-то знаю: сестру погубил, сам не умеет жить. И остался одиноким.

— Не будем спорить, — говорит Клавдичка. — Есть разное понимание жизни. Да он и не одинок. Я никогда его не оставляю.

Лёля уже возится с Витей, и он доверчиво смотрит на неё; удивительно, но она всем нравится!

— Я взял с собой Виташку, чтобы через него скорее найти общий язык, — говорит лёлин дядя.

Клавдичка, усмехаясь, смотрит на него. Когда Лёля не совсем охотно уходит со своим дядей и Виташкой, а за ними убегают

Дуняша и Митюшка, мне кажется, что всё опустело вокруг.

Необыкновенное чувство не оставляет меня: в комнате сейчас что-то искрилось, сверкало, и вот всё затихло, и от этого больно сжимается сердце. Я слышу серебряный голос Лёли, когда она поёт за скрипкой отца, вижу её улыбку, когда она читает нам стихи...

— Мама,— спрашиваю я,— мы будем ходить к Лёле в гости и она к нам?

— Едва ли,— говорит мама и смотрит на тётю Клавдичку.— «Он» не очень-то захочет отпускать к нам Лёлю.

И тётя Клавдичка добавляет:

— Я говорила брату, что это большая ошибка — отпустить её в такую семью. Она может развить свои чудесные способности, но ведь не только в том дело, чтобы быть талантливым музыкантом, артистом. Важно направить её характер, мировоззрение. А если «он» воспитает не того человека? Ведь это же страшная вещь: они чужие нам по духу люди!

Мы долго не виделись с Лёлей; её в самом деле не пускали к нам. Но с нею в тот вечер в наш дом вошло обаяние талантливого, богато одарённого человека, и в играх с Дуняшей и Митюшкой часто кто-нибудь из нас называли Лёлей: воображая себя Лёлей, почему-то легче было читать стихи и петь песни, чем от самой себя.

Подарок

Всю зиму Клавдичка прожила с нами, и я очень полюбила её. В моей памяти она чем-то неуловимым соединяется с Кондратьевым; может быть, независимой прямоотой своих суждений, а может быть, отношением к поступкам людей. Впрочем, то, о чём я говорю, был один поступок одного человека, и человеком этим была я.

Клавдичка деятельно участвовала в жизни нашей семьи. Мама всегда собиралась дошить отцу рубашки или довязать мне рукавички, а уж когда-то потом вышить себе красивую занавеску: об этом она давно мечтала. Клавдичка, увидев кисею для занавески, сразу же поставила стул к окну, встала на него и, попросив сантиметр, смирла окно. Потом на столе появился рисунок, карандаш, ножницы, нитки, началось обсуждение. Подошёл отец, посмотрел, взял карандаш и так поправил рисунок, что он всем очень понравился. И вот уже Клавдичка дошивает отцовскую рубашку, а мама с удовольствием рассматривает начатый ею на кисее прекрасный выпуклый рисунок.

Однажды Клавдичка спросила у меня:

— Ну вот, мама к Новому году вышьет занавеску. А ты что ей подаришь?

— Попрошу у папы денег и куплю что-нибудь.

— Это не подарок,— сказала Клавдичка.

— Почему?

— В подарок надо вложить свой труд, тогда это будет приятно тому, кому ты даришь.

Труд? Значит, мне будет очень трудно сделать самой этот подарок...

— Это будет очень долго и трудно,— ответила я.

— Но зато интересно.

— А что я могу сделать?

— Всё, что хочешь.

Это меняло дело. Я сразу захотела вышить маме полотенце самым красивым узором на свете. Клавдичка не проявила никакого удивления.

— Выберем рисунок, а материал пойдём и купим вместе. Но прежде всего купим тебе напёрсток.

В первый раз я покупала сама в магазине полотно на полотенце, нитки. Купили и напёрсток с красненьким камушком.

Рисунок выбрала тоже я сама: два мальчика плывут на лодке, один сидит за рулём, другой управляет парусом. Рисунок перевели через синюю, блестящую с одной стороны бумагу на полотно, выбрав для этого время, когда мамы не было дома. И начались первые уроки шитья, которые давала мне Клавдичка.

Уроки происходили всегда без мамы, и скоро я весело сообщала Клавдичке:

— Мама уходит!

Это значило, что мы будем вышивать.

— Вот как хорошо получается! — радуюсь я вышитой мною линии борта и кормы.

Клавдичка подходит ко мне, наклоняет кудрявую голову, приподнимает и подносит ближе к глазам мою работу.

— Это придётся распороть,— говорит она весёлым тоном, как будто бог весть как интересно распарывать такую прелестную вышивку.— Нет, нет, это же какая-то верёвка лежит, а надо, чтобы была линия, передающая форму лодки. А это что? Топор?

— Да нет же, Клавдичка,— говорю я, называя её так, как зовут мама и отец.— Это руль.

— Зачем же его так зашивать? Пори, другой мой!

И я порю. И снова вышиваю. От всех этих действий полотенце принимает совершенно измятый и грязный вид.

— Вот,— говорю я с сожалением,— мама большую занавеску вышивает, и она вся, как новая. А это? Все смеяться будут.

— Не будут. Мы выстираем и выгладим твоё полотенце, ты его и не узнаешь.

— А всё-таки хорошо, когда человек всё умеет делать, ни в чём не ошибается, всех слушается и не грубит старшим...

Клавдичка кладёт на стол ножницы, которыми она вырезала из бумаги необыкновенную сквозную салфеточку, и смотрит на меня.

— А ты знаешь таких людей?

Я киваю утвердительно головой.

— Кто же это?

— Мама.

— А-а! — тянет разочарованно, как мне кажется, Клавдичка и после небольшой паузы осторожно: — Но это теперь она такая, а ведь когда она была маленькой, как ты...

Я поднимаю глаза и вижу покрытое оспинками худощавое лицо, ясные, живые глаза и в них весёлую смешливую искорку.

— Когда мама была маленькой,— говорю я убеждённо,— она была всегда послушная, не упрямая...

— Не всегда,— вздыхает Клавдичка.— Это-то, впрочем, не очень и нужно — всегда слушаться! А насчёт упрямства — ой-ой-ой, как ещё она упрямилась...

Я поражена до глубины души, но что-то в выражении лица Клавдички говорит, что это, наверно, так и было.

— А почему она упрямилась?

— Ну, потому же, почему и ты. Виновата, а сознаться не хочет, вот и упрямится.

Клавдичка замечает впечатление, произведённое ею на меня, и говорит:

— Дело, голубчик мой, в том, что человек тем и чудесен, что, увидев свой недостаток, он борется с ним, преодолевает его, и только тогда из него выходит человек!

Она говорит это таким уверенным, взволнованным и звучным голосом, лицо её освещено, глаза блестят. Я взглядываю на неё и такую запоминаю на всю жизнь.

Всё произошло так, как говорила Клавдичка: выстиранное и выглаженное, полотенце приобрело такой нарядный, новый вид, что когда я дарила его маме, то боялась: никто не поверит, что это я сама вышивала.

Но мама, и отец, и Дуняша, и Митюшка поверили и очень восхищались.

А скоро я опять поссорилась с мамой...

Я стояла напротив неё, опустив голову, и, несмотря на то, что мне следовало попросить прощения, я и не думала этого делать.

— Откуда ты такая упрямая? — спросила меня мама.

— От тебя,— вдруг ответила я.

— Повтори, что ты сказала.

— Да, я от тебя упрямая,— сказала я.

— Но я никогда не была упрямой.

— Нет, была,— повторила я с упорным желанием сказать неприятное маме.

Мама молча, вопросительно посмотрела на Клавдичку.

— Почему же ты знаешь, что я была упрямой?

— Клавдичка мне сказала, что ты была упрямая... и злая.

И в этот момент всё исчезло: упрямство, злость... Осталось на миг ощущение торжества победы. Потом и оно померкло. Что я сделала! Я не только передала то, что сказала Клавдичка, а ещё и прибавила своё слово «злая», которого она совсем не говорила.

Я взглянула на Клавдичку: она укоризненно смотрела на меня, всё лицо её стало красным от возмущения.

— Вот как? — пожала плечами мама, переноса всю досаду на Клавдичку — это было видно по гневному выражению её глаз.— Едва ли правильно на таких «примерах» воспитывать ребёнка.

Клавдичка вынула из своего деревянного портсигара папироску и закурила. Она молчала, принимая на себя всю досаду и недовольство моей матери.

— Ну, что ж,— сказала мне мама,— можешь упрямиться, раз у тебя такой плохой пример в жизни, как собственная мать.

И я поняла, что весь укор этих слов направлен опять-таки мимо меня, на Клавдичку. Это уже не меня ругали. Но как мама не заметила главного: того, что я сделала сейчас проступок, в сто раз худший, чем тот, незначительный, из-за которого загорелась наша с ней ссора!

Нерешительно подойдя к маме, я сейчас же призналась, что я была виновата, и внешняя ссора закончилась. Но дело-то было глубже: ощущение непоправимой вины перед Клавдичкой, говорившей со мной, как с подружкой, перед Клавдичкой, которую я «выдала», было нестерпимо.

Я сделала один шаг к Клавдичке, другой. Она повернула голову и посмотрела на меня не строго, но с таким сожалением, как будто говорила: так, значит, тебе нельзя довериться, значит, я ошиблась в тебе!

Я повернулась и выбежала из комнаты.

Любимейшим моим местом после нашего дома была комната Кондратьевых. В порыве глубокого и горького раскаяния и униитель-

ного сознания сделанного мною гадкого поступка я кинулась к Дуняше. Это было единственное пристанище. Дуняша любила меня, а дома любить меня уже не могли.

Я прошла по длинному тёмному коридору фабричного общежития, освещённому через полуоткрытые двери комнат, замечая на ходу то ситцевую — цветами — занавеску, то качающуюся зыбку, подвешенную у низкого потолка. В одной из комнат девочка мыла некрашенный пол.

Девочка — её звали Нюша — выпрямилась, держа в руке мокрую тряпку, и отвела рукой белокуренькие спутанные волосы.

— К Дуняше идёшь? — спросила она. — А ведь Дуняша-то хворает.

— А Катюшка где?

— Катюшку в люди унесли. — И Нюша снова нагнулась над полом.

Дверь в комнату, где жили теперь Кондратьевы вместе с другой семьёй рабочего, была закрыта и не сразу поддавалась. Она открылась только после крепкого толчка. В комнате никого не было, какая-то непривычная тишина стояла в ней. На большой кровати, покрытой сшитым из лоскутков одеялом, лежал ворох старья, и под ним кто-то тяжело дышал.

Я подошла и отвела край ватной куртки; лицо Дуняши, красное, с блестящими глазами, появилось передо мной. Я взяла маленькую её руку — она была горячая и вяло лежала в моей руке.

— Попить бы, — сказала Дуняша.

Я налила воды из самовара, но она не могла подняться, и, давая ей пить, я намочила подушку.

— Хорошо, — шепнула она, укладываясь щекой на мокрую, холодную ткань, и затихла.

Всё это время, может быть, полчаса или четверть часа, когда я сидела около Дуняши, из самоварного крана падали капли воды на чёрный поднос, в окна тускло проникал уже сумеречный свет позднего зимнего дня, и мне было так тяжело и тоскливо, как никогда не бывало раньше. Дуняша, которая непременно «пожалела» бы меня, лежала, закрыв глаза, и даже не слышала, когда я окликала её.

Может быть, она умирает, а я не знаю, что сделать! Мне и в голову не приходило побежать за мамой, как это я сделала бы раньше.

Внезапно дверь отворилась, и вошёл... Кондратьев. Это было в то время, когда его уволители с фабрики; как говорила Ксения, он «искал работу» и редко бывал дома. Кондратьев тихонько притворил за собой дверь, снял шапку, пальто, повесил на гвоздь и, стараясь тихо ступать по скрипевшим полови-

цам, подошёл к постели. Наклонившись над Дуняшей, он положил ей на лоб руку, укрыл её плотнее и сел около меня на табурет.

— Жалеешь Дуняшу? — сказал он, кладя большую свою руку мне на плечо. — Сильно горит она. Уж ты не зря ли пришла, не дай бог, болезнь перекинется! Иди-ка ты домой.

— Не пойду! — искренно и горячо сказала я; сейчас не было мне лучше и милее места, как эта комната и добрый ко мне Кондратьев.

Но он меня понял по-другому. Он сказал ласково:

— Ну, ладно, сиди. Дружба, так уж дружба. Не бросаешь подружку, так и надо. Ты не горюй: поправится Дуняша, опять будете играть... Мы с тобой сейчас вместе пойдём: может, Аграфена Васильевна лекарства даст.

— Я домой не хочу идти.

— Что так?

Доброе лицо Кондратьева располагало к хорошему разговору.

— Дома на меня все сердятся.

— За что? Что ты там напроказила?

Глубокое ощущение своей вины, отодвинутое на время беспокойством о больной Дуняше и смягчённое ласковым отношением Кондратьева, возникает с новой силой. Чуть слышно я говорю:

— Я... не напроказила, — и опускаю голову.

— Ну так это добро! — говорит весело Кондратьев. — Лишь бы сама не делала плохого. Другой раз, милый ты мой человек, behaves так, что и ма́мания напрасно поругает. У неё забот тоже немало, что-нибудь построит её, а на тебе отольётся. Ты этого к сердцу не бери, не помни обиды. У взрослых жизнь не простая, — поиграл с подружкой, поссорился, обиделся, помирился...

— Я плохое сделала, дядя Стёпа, — говорю я, едва решаясь поднять голову.

Теперь Кондратьев пристально смотрит на меня со своим настойчивым вопросительным выражением. И вдруг я рассказываю ему всё, что со мной случилось.

Рассказываю, и слёзы капают мне на грудь и на колени.

— Так вот какие дела... — медленно говорит он. — Это ты и верно сделала худо. Правду сказать тебе, очень плохой это поступок. Поссоритесь, подерётесь — это малое дело: помирился и не помнишь. А эта штука цепкая, она на совесть ложится. — Глаза Кондратьева снова ласково смотрят в мои глаза. — Больше не будешь так делать?

— Не буду... никогда... — плачу я навзрыд, чувствуя его руку на моём плече, и мне становится всё легче и легче.

В дверь заглядывает мама; она окидывает беспокойным взглядом всю комнату.

— Ты здесь? Так я и знала. А что это с Дуняшей?

— Горит с ночи,— отвечает, здороваясь, Кондратьев.— Подружка-то без меня забегала, я послал домой, не пошла.

— Иди, иди домой,— говорит мама.— Я всё сделаю, что нужно. Дайте я посмотрю.

Мама и Кондратьев склоняются над Дуняшей. Постояв немного, я потихоньку выхожу из комнаты.

Дома я подошла к Клавдичке и хотела сказать ей, что больше так не буду, как только что сказала Кондратьеву. Но язык мой не повиновался мне, я упорно смотрела на клавдичкин пояс и маленькую руку, лежащую на её коленях.

Она спокойно спросила:

— Понимаешь, как может плохо выйти из-за одного слова?

— Понимаю,— сказала я, поднимая голову.— Ты на меня не сердишься?

Так как-то случилось, что я назвала её на «ты», как отца и маму.

Хорошо или плохо?

В то время моего детства я не знала, как живёт наша семья,— хорошо или плохо. Данила-дворник говорил, что «хозяева», как наш «Микитин», живут «и не сравнить, насколько лучше», чем мы, а очень много людей — хуже; но я не знала, почему люди живут лучше или хуже. Мне казалось, что никого нет лучше моего отца, моей матери и ни у кого в доме нет таких хороших вещей, как папина скрипка, мамина швейная машинка, её тёплый большой платок и голубые чайные чашечки. Эти чашечки она ставила на стол, только когда приходили гости; это называлось «праздник».

На мой взгляд, наша семья жила очень хорошо.

Хорошее было в том, что отец всё умел делать, и на это бывало страшно интересно смотреть. Столы и скамейки, красивые полки и даже большой книжный шкаф, стоящий у нас в комнате, были сделаны его руками. Я любила смотреть, как отец, прижав доску коленом к скамье, со звоном резал её пилой, строгал рубанком и, подняв доску на уровень глаз, смотрел, ровно или нет она выстругана.

Он с удовольствием проводил рукою по гладкому, хорошо пахнущему дереву, и я за ним вела свою руку по шелковистой поверхности. Отец легко мог отпилить мне от этой доски кубик, палочку, сделать скамеечку или

— Жалеешь Дуняшу? — сказал Кондратьев.

волчок. Иногда он давал мне кисть и разрешал покрасить сделанную им скамеечку. И, радуясь, что мне доверяется серьёзная работа, я водила кистью с великим старанием.

Не раз я слышала в корпусе, где жили фабричные, как кто-нибудь играл на гитаре, на гармонике, но гораздо лучше их играл на скрипке мой отец. Когда я слушала его, передо мной сами собой появлялись разные картины.

В руках отца чудеса происходили каждый день, и одним из чудес была пересадка цветов весной. На окнах у нас стояло много цветов в глиняных горшках: моя мать очень их любила.

Отец приносил в кухню хорошей, чёрной земли, светлого рассыпчатого песку и, подстелив рогожу, насыпал всё это горками на полу. Сюда же он выносил из комнаты цветы, которым стало тесно в их горшках.

Он брал растение одной рукой как-то особенно аккуратно за стебель около самого корня, поднимал над полом и легонько ударял молотком по горшку. Разбитые черепки отваливались, и в руке у отца оказывался «куличик», какие я делала из сырого песка, только он весь был оплетён жёсткими на ощупь белыми корнями. Это была точная форма горшка.

Отец обминал куличик обеими руками, постукивал им по полу, и старая земля отваливалась.

— Вот как тесно было корням, — говорил он, — смотри, как переплелись! Вот мы их сейчас распутаем немножко.

Он отгибал корни, а некоторые из них подрезал и отбрасывал.

— Ну, теперь берись за работу. Ставь сюда на пол новый горшок. Положи маленький черепок на отверстие в доньшке: это чтобы земля не высыпалась. Теперь давай две горсточки песка.

Он опускал растение с освобождёнными корнями в новый большой горшок, где корням было совсем свободно, а я засыпала корни свежей землёй, придавливая слегка пальцами.

— Ну вот и хорошо. Молодчина! — говорил он. — Девочка — первый сорт!

Слышать это было очень приятно, как и видеть растение в новом горшке. Блестящие листья ожившего цветка свободно размещались над лилово-чёрной землёй, и это освобождение бедного, стиснутого растения радовало нас обоих.

Маленькие растеньица отец пропускал между указательным и средним пальцами, перевёртывал плоску на ладонь, и горшок

снимался сверху, как колпачок. Это уж был просто фокус.

— Фокус-покус! — говорил он.

По вечерам отец подходил к столу, зажигал керосиновую лампу под четырёхугольным абажуром — она называлась «конторская» — и придвигал к себе счёты и тоже «конторские» книги. Они были длинные, толстые, испещрённые столбиками цифр. Засыпая, я каждый вечер видела освещённое огнём лампы склонённое над столом его лицо.

Нет, никогда не сидели праздно за столом отец и мать, всегда они оба делали какую-нибудь работу, ничего не приходило к нам в дом без их труда.

Только в самом раннем детстве я думала, что одна загадочная вещь всё-таки появляется сама. Праздники я узнавала по тому, что накануне мама убирала комнату тщательнее, чем всегда, и с вечера ставила тесто в большой жёлтой макитре. Я очень любила смотреть, как она это делает.

Засучив рукава и подвязав передник, мать доставала пакет с мукой, банки с солью и сахаром, дрожжи, несколько яиц, наливала тёплую воду в большую глиняную макитру, подсыпала туда всё по порядку и вымешивала узкой деревянной весёлкой. Потом она накрывала макитру чистым полотенцем, снимала передник и уходила из кухни, говоря: «Пойдём, тебе пора спать».

Но я догадывалась, что, когда я засну, мама выйдет в кухню и, как делала в сказке Василиса Прекрасная, сложит всё приготовленное в печку. Потом она вернётся в комнату, отколет шпильки, заплетёт потуже длинную свою косу и спокойно ляжет спать. Наутро она встанет весёлая, чистая, быстрая, откинёт моё одеяло и скажет: «А ну, вставай, посмотри-ка, что там появилось у нас!»

И на столе в кухне будет стоять необыкновенный, высокий душистый хлеб с красивыми украшениями — городками — наверху. Это принесут маме, как приносили Василисе Прекрасной, по её приказанию, хлеб, какой она едала у своего батюшки. Об этом рассказывалось в сказке. Вот появление этого замечательного хлеба и казалось загадочным.

Однажды перед днём моего рождения я проснулась ночью. Что-то разбудило меня. У противоположной стены на большой кровати спал отец, а матери около него не было. В кухне слышались её шаги: наверно, сейчас она как раз высыпает в печку всё приготовленное! Я потихоньку слезла с кровати, подошла к двери в кухню и открыла её.

В русской печке, которую редко топили, ярко горел огонь. У стола перед посиневшим на рассвете окном стояла мать и ловко раскатывала мягкое тесто. Руки её так и мелькали над столом. Увидев меня на пороге, она обернулась ко мне, спросила, улыбаясь: «Что же ты не спишь?» — и, вытянув длинную полосу теста, быстро свила её жгутом и положила на стол красивый крендель.

— Это ты сама делаешь? — спросила я. — А я думала...

— Что же ты думала?

Не зная, как ответить, я спросила ещё:

— А почему ты ночью встаёшь?

— Во-первых, сейчас уже утро, — ответила мама, — а встала я рано потому, что днём мне будет некогда.

И в самом деле, днём ей всегда бывало некогда: в будни она шила, готовила, убирала комнату, а в праздник приходил кто-нибудь из тех людей, которых я помню с детства.

В ту ночь мама посадила меня в кухне на сундуке и накинула мне на плечи свой большой платок. И хотя я ясно видела, что мягкое, пышное тесто подхватывают, выкалывают и разрезают ловкие мамини руки, что это её голова с большой русой косой наклоняется над столом, мне она всё-таки казалась Василисой Прекрасной, одарённой чудесным умением делать вкусный хлеб из белой сыпучей муки.

Огонь, струящийся в печи, лизал верхний её тёмный свод, и свод прокаливался, становился светлым. Золотые, жаркие поленья разваливались и потрескивали, обдавая жаром моё повернутое к печи лицо. В чугунок с водой падал огненный уголёк и с шипением угасал, а на тёмную поверхность воды ложилась отсветы пламени.

Мать быстро раскатывала тесто на столе, иногда ласково взглядывая на меня, и не прогоняла спать. На чёрных листах перед ней смешно надувались, делались пышными и толстыми причудливо завитые плюшки.

— Тесто всегда так «подходит», — сказала мама. — Потрогай, какое оно стало мягкое.

И я потрогала пальцем мягкое, но упругое тесто.

Потом она разбросала по всему поду печи золотые угли, прикрыла печь заслонкой, и, когда — очень скоро — угли померкли, она разгребла их и стала сажать сначала плюшки, а за ними нарядный каравай.

От печки мне было тепло, а на мерные движения знакомых рук матери было очень хорошо смотреть. Я всё смотрела и не помню, как заснула тут же, на сундуке.

Проснувшись утром, я быстро соскочила с кровати и побежала в кухню: там на столе стоял красивый каравай, сделанный мамини руками.

Вот как интересно было жить в нашей семье!

Раз в такой день пришла к нам Маша, и я похвалилась:

— Вот какой каравай у нас! Это моя мама испекла!

— Моя мама тоже так умеет, — ответила Маша.

Вот так так! Мне это почему-то не понравилось: мне хотелось, чтобы мамин хлеб был особенный, появлялся, как в сказке, мне так больше нравилось. Но какое же это волшебство, если и её мама умеет печь так же хорошо?

— Но моя мама всё равно сделает лучше, чем твоя, — упрямо сказала я. — Ты же сама кушала.

— Ну, нет, — ответила Маша, — у мамы тоже красиво получается, только моя мама на людей печёт, не себе.

— Почему не себе?

— Мы купить не можем, у нас денег нет... — Словом «мы» Маша объединила себя со своей матерью и сделала это так уверенно, что сразу показалась мне гораздо старше и умней меня.

Выходило, что машина мама делала необходимое дело, и хотя пекла такой же хлеб для людей и получала за это жалованье, ни сама она, ни Маша его не ели.

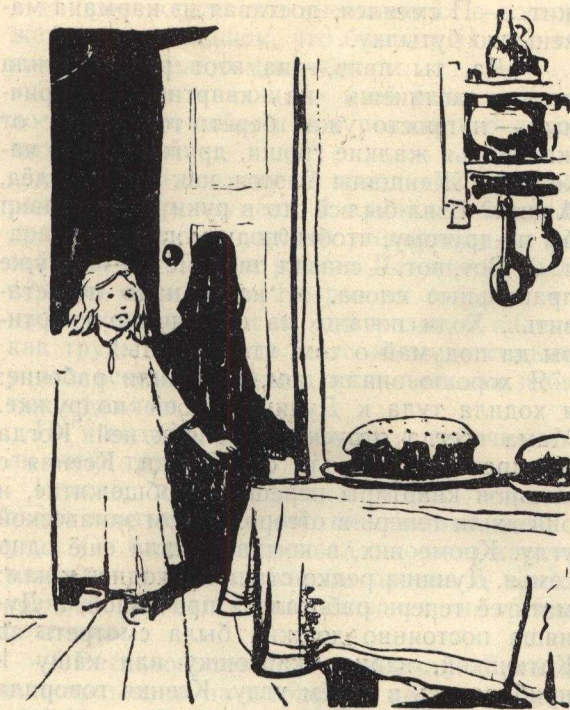
Какое-то разделение людей на таких, которые могут покупать, и других, которые работают, но не могут покупать, приоткрылось мне. Но ещё не видно было, что в этом хорошо и что плохо.

Лучше или хуже?

К нам приходили разные люди. Одни были родные: дедушка Никита Васильевич, брат отца, дядя Пётр, Клавдичка, которая даже одно время жила у нас; другие — знакомые. С ними со всеми в дом входило что-то интересное, особенное для каждого. Чаше других бывали у нас дедушка Никита и дуняшина мать Ксения.

Дедушка Никита Васильевич входил всегда неторопливо и приносил что-нибудь завернутое в клетчатый носовой платок. Это оказывалась или булочка, или горсть орехов, или фарфоровая куколка для меня.

Соседка наша, говоря про дедушку Никиту Васильевича, употребляла лишь увеличительные слова: «ножищи», «ручищи» и даже

Проснувшись утром, я быстро соскочила с кровати и побежала в кухню.

нюхательный табак называла «табачище». Но мама рассказывала, что дедушка Никита был самой искусной сиделкой. У него дома больная жена Меланья Михайловна, и дедушка вместе с дочкой Варей ухаживает за ней. А когда дядя Пётр в детстве болел страшной тогда болезнью, оспой, около него оставался дедушка Никита Васильевич. Во время оспы тело покрывается нарывами, невозможно удержаться, чтобы не расчёсывать их. Мальчик метался по кровати, а дедушка сидел, держал его руки и прикладывал к волдырям пропитанные маслом тряпочки, унимавшие зуд, менял холодные компрессы на голове. Так после страшной оспы у маленького его племянника не осталось ни одной оспины на лице.

— Дедушка, — спрашиваю я, — мама говорит, ты дядю Петю вылечил. Ты доктор?

— Что ты! — Дедушка Никита Васильевич долго смеётся и гладит меня по голове. — Доктор — это учёный человек, он болезнь признал, а я только делал, что он приказывал, я человек неучёный.

Но мне всё равно кажется, что дядю Петра вылечил именно дедушка Никита. Какой же он неучёный? Он всё знает: как жаворонки приносят весну, когда день прибавляется и когда убавляется. И говорит всегда так складно: «Пётр и Павел дня убавил»; «При-

шёл Спиридон-Солнцеворот, повернул солнце на лето, зиму на мороз».

Вот я сегодня похвалилась, что встала рано-рано... А он ответил:

— Не радуйся раннему вставанию, радуйся доброму часу на работу!

Я беру маковник из большой бабушкиной руки и словно вижу, как он сидит, наклонившись над больным мальчиком, большой, заботливый, неторопливый, каким и сейчас он вошёл к нам в дом.

Ксения же всегда прибегала с выбившейся из-под платка тонкой светлой прядью волос, лоб её проборождён мелкими складками, бледное лицо с большими испуганными глазами доверчиво обращено к матери.

— Аграфена Васильевна, — говорит она, — дайте, пожалуйста, пятнадцать копеек, мой не получил вчера... С теми будет восемьдесят копеек.

Мать встаёт, подходит к комоду, достаёт монету и маленькую синюю юбку.

— Вот юбка Дуняше, — говорит она, — вчера я не успела дошить.

— Ой, — говорит Ксения, — мне уже советно было спрашивать, а у неё последнее платьишко свалилось. Я заплачу вам.

— Тут работы немного, — отвечает мама. — Ничего я не возьму.

Мать моя умеет шить, и жёны рабочих иногда просят её сшить платье или рубашонку детям. Её называют доброй; она, наверно, в самом деле такая, хотя иногда сердито пробирает меня. Но отказать человеку в просьбе она не может.

Мать вспоминается мне в прекрасные минуты её душевного участия к человеку, когда лицо её принимало выражение внимательно-го желания помочь, когда, склонив голову с гладко причёсанными густыми русыми волосами, заплетёнными в косу и тяжело свёрнутыми на затылке, она выдвигала ящик комода и доставала что-то, торопливо говоря: «Это нам не нужно, это так лежит».

Навсегда запомнился мне болгарский черноглазый мальчик с матерью. Они сидят у нас в кухне, а моя мама вынесла им из комнаты какую-то тёплую крепкую одежду и ставит на стол хлеб. По стёклам окна текут струи дождя. Осень.

Я помню смуглые голые плечи женщины, выступающие из рваной пёстрой сорочки, и голубые белки её глаз с чёрными огромными зрачками, чёрные ресницы и тёмные, усталые веки. Она посадила рядом с собой мальчика с кудрявой головой, полуголового и худого. Грудная кость и рёбра у него обтянуты тонкой кожей и выпирают. Перед мальчиком

стоит тарелка с супом; он подносит ложку ко рту, обжигается и вскидывает ресницы, такие же густые и длинные, как у матери.

В детстве моём, я помню, часто ходили по улицам Москвы такие женщины; они называли себя болгарками и рассказывали о турках, которые хозяйничали в их стране и грабили их города и сёла.

У нас во дворе говорили, что это цыганки и дети с ними — не родные их дети, а краденые. С детьми же они ходят для того, чтобы люди их больше жалели и охотнее давали им разные вещи.

Но женщина с мальчиком у нас в кухне были мать и сын: выражение огромных голодных глаз женщины, обращённых к мальчику, и взметнувшийся к моей матери взгляд её, где благодарность смешивалась с завистью, не могли обмануть. И у матери в глазах было доверие и участие к другой матери.

Дядя Пётр пришёл к нам в тот день и застал на кухне болгарку с сыном. Потом, вечером, он сердито говорил моей матери:

— Правильно, голодного накормить надо, с этим я не спорю! Но я просто советую тебе посмотреть поближе около себя.

— Я понимаю, про что ты говоришь, — ответила ему мама. — Близкую нужду я тоже вижу и стараюсь помочь, но что я могу? Ты знаешь, что мы сами едва сводим концы с концами.

Мама часто говорит про эти «концы», а мне всегда представляется: ходит какой-то человек и старается подтянуть один конец большой верёвки к другому...

— Я про то и говорю, — нахмурившись, так же сердито сказал дядя, — что такой личной помощью ничего не изменишь, всё нужно менять другим путём...

Мне непонятно, на что он сердится сегодня. Обычно, когда к нам приходил дядя Пётр, всё оживало. Если в доме не было денег, дядя Пётр смеялся и говорил, что это «в порядке вещей». Мама раз спросила его:

— Почему ты считаешь, Петя, что это в порядке вещей?

Дядя Пётр ответил:

— Потому что Саня — мелкий служащий и честный человек.

С отцом они всегда подолгу разговаривали, и в пепельнице, стоявшей на столе около дяди Петра, накапливались окурки. Бывало, он приходил очень усталый, спрашивал:

— Саня, нет ли у тебя водочки? Как ты живёшь без водочки? Иногда непременно надо выпить... Дома Лизавета Сергеевна не велит, в кабаки не хожу, брат вина не дер-

жит... — И смеялся, доставая из кармана маленькую бутылку.

— Да, ты прав, — на этот раз — ответила мать, — заглянешь на квартиры фабричных — и просто ужас берёт: тот принёс от жалованья жалкие гроши, другой болеет чахоткой... Женщины бьются, как рыба об лёд. А дети? Взял бы всё это в руки и переставил бы по-другому, чтобы люди могли жить.

— Вот, вот, — сказал дядя Пётр, — это уже правильные слова. И надо, надо переставить... Ходи почаще на фабричные квартиры да подумай о том, что видишь...

Я хорошо знала дом, где жили рабочие: я ходила туда к Дуняше, моей подруге. Мама всегда отпускала меня к ней. Когда Кондратьева уволили с фабрики, Ксения с вольной квартиры перешла в общежитие, и они жили теперь в отгороженном занавеской углу. Кроме них, в комнате жила ещё одна семья. Дуняша редко стала приходить к нам: мать её теперь работала в прачечной, а Дуняша постоянно должна была смотреть за Катюшкой, варила картошку или кашу и прибиралась в своём углу. Ксения говорила всем, что Кондратьев поступил на другую фабрику, далеко от нашей, но живёт в общих спальнях и поэтому пока не может взять её с детьми к себе. Дуняша же как-то сказала, что отец «попал в чёрный список» и потому его нигде не принимают на работу. Этот страшный список долго представлялся мне листом чёрной бумаги, и на нём написано: «Кондратьев».

Мама и теперь отпускала меня к Дуняше, но с условием — не заходить на общую кухню и в казармы. В общей кухне были грязные лавки и столы. Густой, тяжёлый запах стоял в ней от постоянной стирки белья, которое сушилось тут же на протянутых у потолка верёвках. В казармах же часто ссорились и ругались; рабочие жили тесно; на длинных нарах, на тощих тюфяках всегда кто-нибудь спал. На грязном асфальтовом полу около нар валялись стоптанные сапоги и опорки.

Прежде в маленькой комнатке у Кондратьева было чисто: Ксения добела выскребала некрашеный пол, чисто промывала маленькое окно с щелястой рамой и прибивала ситцевую занавесочку. Кондратьев был «непьющий»; это слово обозначало очень завидное качество человека. Когда Ксения заходила к маме и рассказывала ей о ком-нибудь из рабочих, она всегда разделяла их:

— Ну, этот непьющий, как и мой Стёпа; это же ей такое счастье, Аграфена Васильевна, непьющий муж попался!

И произносила это «непьющий» с восторженным удивлением, что бывают люди с таким замечательным качеством.

Зато слово «пьющий» в её речи встречалось гораздо чаще, и она роняла его легко, махнув рукой.

«Пьющие», заходя в праздники на фабричный двор, шумели и кричали, затевали драки, и Данила угрюмо уговаривал их разойтись. Но даже в ругани Данилы не было слышно осуждения. Не раз он говорил, что наши ткачи пьют от плохой жизни. Я видела, как трудно и тяжело было жить их семьям: у них всегда голодали дети, плакали избытые мужьями женщины...

Но я видела, что и непьющие рабочие жили очень трудно.

Иногда приехавшего хозяина встречал около конторы рабочий, ожидавший здесь с утра. Он быстро сдёргивал с головы картуз, кланялся и тихим голосом просил о чём-то хозяина. Хозяин останавливался и громко повторял:

— Расценок, говоришь, сбавили? Заявляешь претензию за штраф? А не хочешь расчёт? На твоё место десяток у ворот, — и проходил, не глядя, мимо просившего.

Однажды зимою во дворе фабрики я увидела, как хозяин выходил на крыльцо конторы, отдавая последние распоряжения старшему приказчику, стоявшему за его спиной. Лошадь, запряжённая в санки, стоя у забора, нервно переступала ногами. Кучера не было. Данила, завидев хозяина, побежал в свою «дворницкую», куда ушёл греться кучер. Приказчик стоял в дверях конторы без шапки; рыжеватые волосы его, подстриженные в кружок, блестели на солнце, будто смазанные маслом; широкое красное лицо с плутоватыми глазами обращено к хозяину.

— Ну, ступай! Делай, как я приказал, — закончил хозяин и спустился с крыльца.

Приказчик быстро повернулся и исчез в тёмном коридоре.

Хозяин оглядел двор, покрытый снегом, весь испещрённый следами проходивших тут людей. На снегу были видны разноцветные пятна от вылитой краски. В это время к нему подошёл старик-красильщик, высокий суровый человек с нахмуренным лицом, и снял шапку. Ветер шевелил его седые волосы.

— Чего тебе? — спросил хозяин.

— Такое дело, Павел Никанорыч, — сказал старик, — уволили вы меня, а ведь я на вас сорок лет работал... Сколько же из моих рук знаменитых материй вышло, это надо подсчитать. Вспомните, а была ли где порча или брак?

— Чего же тебе надо? — повторил хозяин. — Что полагается, ты получил. Иди, иди восвояси, — и махнул рукой.

Но старик не собирался уходить.

— И думаешь, ты со мной по справедливости обошёлся? — с обидой сказал он. — Немного ведь я с тебя получил. Я к тебе не милостыню просить пришёл. А надо мне вот что: уволили меня не за провинность, а по старости моих лет, значит, должно быть мне вспоможение. А то что же, мне по миру идти после трудовой жизни?

— Данила! — закричал хозяин.

— Ты в красильне пять минут не вытерпел, — продолжал старик, не давая перебивать свою речь, — а я всю жизнь в ней пластался. И улучшений никаких не видел. У нас баки с кислотой да с красками до сих пор открытые стоят. Мне воздух ядовитый и сырость все лёгкие съели... Бумага, доска желтеют за сутки в этом воздухе, а тут ведь человек.

Хозяин ступил в сторону, но старик загородил ему дорогу и продолжал:

— Ты нам простой вытяжки не мог установить, сами уж трубу деревянную в окно вывели. А ведь я тебе новые краски производил. Самоучка, а не уступал учёным красоварам... «Секрет» свой не утаил, тебе же от этого денежки в карман текли. Лазоревый колер-то — это моя краска...

Кучер выбежал из даниловой сторожки, натягивая на бегу рукавицы; подбежал, огладил лошадь, встряхнул синюю полость с медвежьей опушкой. Искрясь на солнце, посыпался осевший на ней иней. Хозяин шагнул мимо старика, отводя рукой загородившего дорогу человека.

— Проходи, проходи! — вдруг резко и властно закричал на него старик. — Ты человек проходящий. Спеш! Что от тебя, от твоей жизни на земле останется? Пшик останется!..

Кучер уже подавал лошадь, и хозяин тополиво прошёл к саням. На большом пустом дворе остался стоять только высокий, худой старик, странно величавый перед быстро мелькнувшим хозяином.

— Что мне полагается, говоришь, я получил?! — кричал старик. — А что, и то правда! Уважение людей получил, меня каждый на фабрике уважает. Меня люди по имени-отчеству зовут, а тебя кличут...

Подбежавший Данила откинул полость, и хозяин шагнул в сани.

— Расчёта захотел? — бросил он дворнику. — Убери его со двора долой! Городовому скажи. — Он грузно опустил на сиденье своё

большое тело. Данила угодливо подобрал полы шубы, запахнул полость и побежал стремглав открывать ворота.

В воротах мелькнул высокий задок саней, на выезде резко качнулась широкая спина хозяина и над нею острая, колпаком, каракулевая шапка. Данила закрыл ворота.

— Алексей Герасимович, — сказал он с уважением, подходя к старику. — Зайди ко мне в светёлку, погрейся. Плюнь на него, старого кобеля. Человек живёт хуже не знаю кого!

Тот же Данила, который утверждал, что хозяин живёт лучше нас, теперь говорил совсем другое о его жизни. У хозяина была фабрика, шуба, лошадь, дом, и этим он жил лучше, то есть богаче, нас и тех, у кого не было всего этого. Но выходило, что хозяйского «лучше» не надо было желать: оно не принесло ему уважения людей, — наверно, оно было плохое, самое «худшее»...

На другой день я спросила Данилу:

— Вот ты говорил, хозяин богатый. А что же он старику ничего не дал?

— Эге, брат! Хозяин растёт на наших грошах. Кабы он стал раздавать, он бы и хозяином не был. А вот Герасимыч полвека работал — и нынче руку будет протягивать.

— Старик у тебя теперь живёт?

— Старик-то? — спросил он. — А что?

— Он бедный?

Данила ответил загадкой:

— Небогат, но побогаче нас с тобой. Уважением мирским! Так-то!

На фабричном дворе

В шесть — семь лет я не могла ещё понимать, что совершается передо мной и какие события развёртываются на фабричном дворе перед окнами нашего флигеля. Вероятно, многое из виденного мною тогда я запомнила потому, что оно повторялось не один раз и об этом рассказывалось впоследствии взрослыми, когда я была уже старше. Но некоторые стороны жизни я замечала в то время, и постепенно они выступали всё резче, конечно, потому, что я сама подрастала.

Так, большой фабричный двор перед нашими окнами не только меняется весной и летом, осенью и зимой, но по-иному представляется мне и в разные времена моего детства. То это широкое, громадное пространство, где можно бегать с утра до вечера, гоняться за Чоком, смотреть, как Данила бежит отворять ворота «Микитину», и прятаться от девочек за углом фабрики или за ржавыми станками, сваленными у забора.

То это тёмный, сузившийся от вечерней темноты двор под крупными звёздами, и голос Кондратьева негромко поёт любимые его песни. То по хрустящему снегу мы идём с дедушкой Никитой Васильевичем, и синие тени ложатся от нас на белый, блестящий двор. И вдруг этот двор преобразается: пятна красной, зелёной, оранжевой краски выступают на снегу; в ворота группами входят ткачи, собираются у конторы; слышится говор недовольных, раздражённых людей. За воротами раздаётся пронзительный свисток полицейского...

То, что на фабрике главным среди всех был хозяин, я усвоила с самого детства. У него была фабрика, фабричный двор, контора, флигель, где мы жили, и дома, где жили рабочие. Хозяина, одного человека, боялось и слушалось много рабочих. Хозяин имел силу заставить всех их служить ему. Когда рабочим надо было увидеть хозяина, они иногда по нескольку часов дожидались его, стоя во дворе в любую погоду.

Самые сильные впечатления всегда появлялись перед глазами, словно изображённые на картине. И я через много лет помню фигуры людей: как они стояли, какое чувство выражалось на их лицах и какая одежда была на них в это время.

Вот рабочие собрались у конторы получить жалованье и ждут хозяина. Высокий сутулый ткач, которого все зовут «дядя Паша», говорил сейчас, что получка у него «грошовая», работает он «до полного изнеможения, а хозяин ещё старается урвать непосильный штраф. И жаловаться некому». Все, наверно, видят, что у дяди Паши худое, изнурённое лицо, он тяжело дышит и часто кашляет. Дуняша рассказывала, что он недавно упал во время работы в ткацкой и двое рабочих вынесли его во двор. Как же можно у больного брать штраф, когда ему надо лечиться? Вот и сейчас он закашлялся, и на губах его показалась кровь.

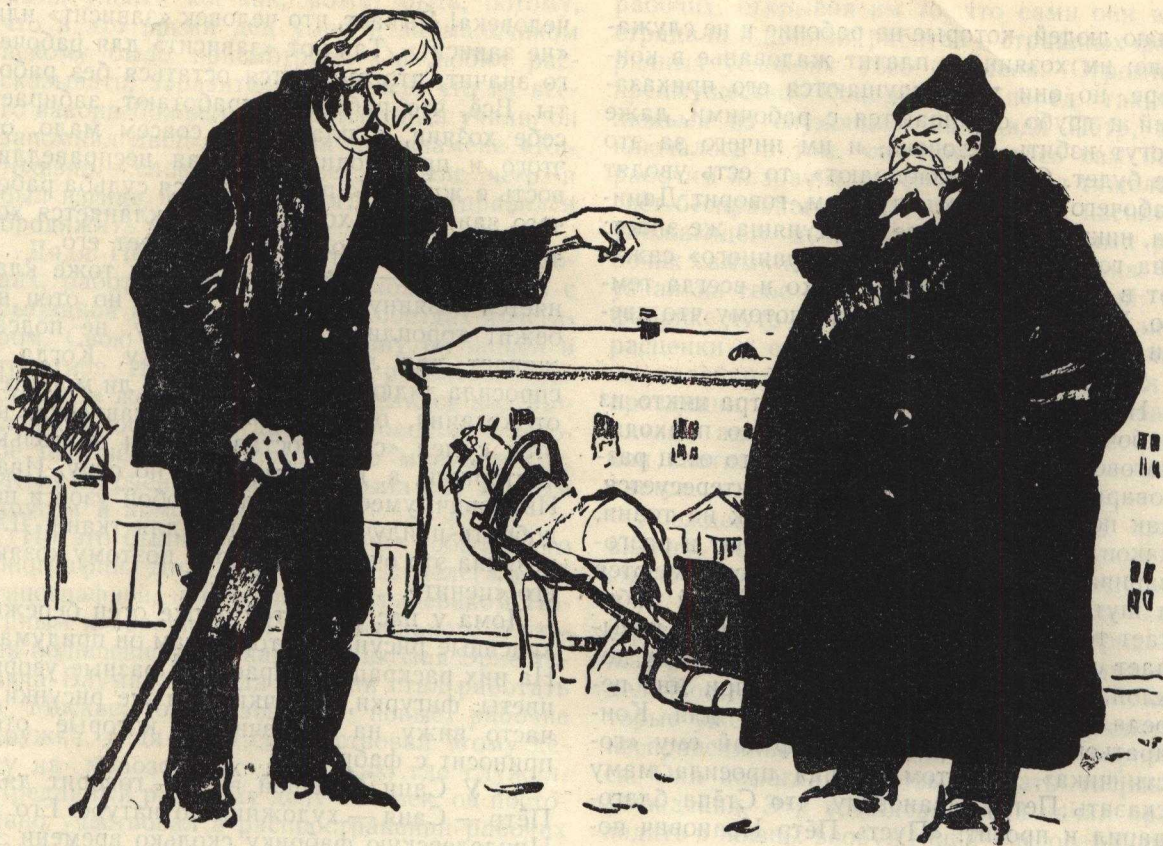
Дядя Паша кашлял гулко, придерживая рукою грудь, никак не мог перестать. Потом махнул рукой и отошёл, сел на лежащее у флигеля бревно. Он тяжело дышал, сплёвывал в сторону и затирав сапогом.

Две молодые ткачихи подошли к нему. Одна сказала:

— Тебе, дядя Паша, в больницу надо: кровью плюёшь.

— В больнице чахотку не лечат, — ответил подошедший Данила.

— Красный-то ситец моей кровью крашен, — сказал дядя Паша и тяжело вздохнул.

— И думаешь, ты со мной по справедливости обошёлся? — с обидой сказал старик-красильщик.

— Зато Павел Никанорыч поправляется, вон какой гладкий! — ответили ему.

В это время «Микитин» как раз привёз хозяина. Выйдя из пролётки, хозяин пошёл в контору сквозь самую гущу тесно столпившихся в дверях людей. И всю массу рабочих словно разрезает ножом; все расступаются, пропуская его, хотя только что проходил мастер из красильной и кричал: «Да пропустите же, идола!» — и рабочие вовсе не торопились его слушаться.

Перед хозяином же все не только расступились, а и картузы сняли: вот как его боятся! Боятся, что хозяин рассчитает. Дуняша говорит, что если хозяин не даст денег, рабочим будет нечего есть, и они умрут.

Но кроме рабочих — ткачей и красильщиков, — на фабрике есть управляющий, ткацкие мастера, красовары и химики, конторские служащие. Какие это люди? Эти люди тоже боятся хозяина, это всем заметно: они идут или бегут ему навстречу и почтительно издали кланяются; когда хозяин поднимается на несколько ступенек к двери конторы, управляющий или мастер старается поддер-

жать его рукой под локоть, как «батюшку» — священника, — который приезжал на двор фабрики служить молебен в день хозяйских именин. Как и рабочим, хозяин всем им тоже платит жалованье.

Я думаю, что они не умрут, если хозяин не даст им денег, потому что и управляющий, и мастера, и конторские служащие одеты тепло и чисто, не так, как рабочие. Они не ходят в растоптанных валенках или в лаптях и холщовых штанах, заплат на их пиджаках тоже не видно. Некоторые служащие носят шубы, пальто или поддёвки, на голову надевают меховые шапки, и хорошие картузы, и даже шляпы. Они похожи на хозяина не только одеждой, а тем, что они тоже грубо кричат на рабочих, будто рабочие им самые большие враги. Среди служащих есть такие, которые потихоньку жалуются хозяину на рабочих.

В этом разъединении людей, которое так явно замечается на фабрике, и управляющий, и мастера, и конторщики стоят на стороне хозяина. Рабочие их не любят и не разговаривают с ними при встрече. И ещё я

знаю людей, которые не рабочие и не служащие; им хозяин не платит жалованье в конторе, но они тоже слушаются его приказаний и грубо обращаются с рабочими, даже могут избить человека, и им ничего за это не будет. Они и «забирают», то есть уводят рабочего с фабрики, и потом, говорит Данила, никто не знает, где он. Дуняша же знает: она говорит, что такого «забранного» сажают в тюрьму, где очень плохо и всегда темно. Из тюрьмы нельзя уйти, потому что двери там запираются на замок.

Эти люди — полицейские.

Но вот моего отца и дядю Петра никто из рабочих не боится, рабочие часто подходят поговорить с ними. Особенно часто отец разговаривает с красильщиками, интересуется, как получился новый его рисунок на ткани, каков он «в работе». Рабочие стоят и разговаривают с ним, иногда они вместе смеются и шутят. Вот и Кондратьев, который работает теперь на другой фабрике, всегда посылает с Ксенией и с Дуняшей моему отцу поклон. Дядя же Пётр однажды при мне передал Ксении какой-то свёрток для Кондратьева и сказал: «Вот, передай ему «гостинчика». А потом Ксения просила маму сказать Петру Ивановичу, что Стёпа благодарил и просит: «Пусть Пётр Иванович посылает ещё».

Уже через много лет я спросила у отца: могло так быть или нет? И, удивившись, как я могла это запомнить, он сказал, что действительно тогда дядя Пётр передал Кондратьеву напечатанные для рабочих листки. Всю правду узнавал рабочий из этих листовок: в них было написано, что богатство хозяевам создают рабочие, а сами живут в тяжёлом труде. И что им надо бороться против хозяев, за лучшую жизнь. Но для рабочего было самым опасным, когда у него находили на фабрике такой листок; за это его рассчитывали, забирали и сажали в тюрьму. Поэтому многие рабочие, как и служащие, чтобы не быть на подозрении, в обращении с хозяином тоже были покорными, а иногда даже казались угодливыми. Об этом я услышала позже от дяди Петра.

— Ты думаешь, если, завидев хозяина, рабочий срывает картуз с головы, то это он делает из уважения, из любви? Нет, девочка, уважать и любить хозяина, какой бы он ни был как человек, рабочим не за что. А снимает он шапку, покоряясь обстоятельствам, потому что пока ещё зависит от хозяина.

— А что значит «зависит»? — спросила я.

— О, это важное слово в жизни каждого

человека! Бывает, что человек «зависит» или «не зависит». Так вот «зависит» для рабочего значит, что он боится остаться без работы. Всё, что рабочие выработают, забирает себе хозяин, а платит им совсем мало, от этого и происходит огромная несправедливость в жизни. И поскольку вся судьба рабочего зависит от хозяина, он и кланяется хозяину, хотя нисколько не уважает его.

Мой отец — тоже служащий и тоже кланяется хозяину, когда его видит, но отец не бежит торопливо ему навстречу, не подсаживает под локоть в пролётку. Когда я спросила дядю Петра, «зависит» ли мой отец от хозяина, он ответил, что «зависит», но отец сумел «себя поставить»: он не только конторщик, а, как и мой дед по отцу, Иван Иванович, умеет составить любой узор и подобрать наилучший рисунок для ткани. Для хозяина это очень выгодно, и поэтому хозяин его «ценит».

Дома у нас в толстой папке отец бережёт красивые рисунки, которые сам он придумал. На них раскрашены красками разные узоры: цветы, фигурки, бабочки. Эти же рисунки я часто вижу на образчиках, которые отец приносит с фабрики.

— У Сани большой вкус, — говорит дядя Пётр. — Саня — художник по натуре. Его на Цинделевскую фабрику сколько времени зовут, так хозяин, как огня, боится, что он туда уйдёт. Вот он себя и «поставил».

Выходило, что хозяева сами делать ничего не могут: машины есть, а надо, чтобы ткали на них ткачи, рисунки на ситец — и то нарисовать сами не могут. Над этим ситцем дядя Паша всё здоровье потерял; Герасимыч на хозяина всю жизнь проработал. Двор — и то подметает Данила! Когда хозяин захотел посадить в дальнем углу двора молодой сад, он сам ни одной ямки не выкопал, всё делал Данила, а хозяин только указывал.

Да, различие между хозяином и рабочими было очень большое — хозяин прикажет, и все должны его слушаться: как он хочет, так и будет. Я до тех пор так думала, пока не случилось это увольнение Герасимыча — старика-красильщика — и все те события, которые за этим последовали.

Мой отец и дядя Пётр, как я не раз слышала от отца, были дружны с самого детства. Пока мой дед служил у француза-фабриканта, детей учили: у отца были большие способности к музыке, его отдали к немцу-скрипачу; второй же, младший, брат, Пётр, несмотря на то, что имел прекрасную па-

мать, учился кое-как, может быть, потому, что в это время дед умер и за мальчиком некому было присмотреть. Он любил рассказывать, заразительно смеясь, что из всего закона божьего, которому тогда учили, он запомнил лишь и ответил на экзамене «Катехизис — слово греческое», — после чего и был изгнан из школы. Тогда он отправился бродяжить по Волге.

Дядя Пётр плавал матросом на пароходах, работал на пристанях, ходил на лов с рыбацкой артелью, ездил на поездах кочегаром. Свою Лизавету Сергеевну он нашёл в трактире, где она плясала и развлекала гостей. Он женился на ней, поселился под Москвой и поступил куда-то счетоводом, а вскоре перешёл на Морозовскую мануфактуру. Жёну он очень любил; она была ему верным другом и помощником.

Но это были только внешние события его биографии. Дядя был связан с нелегальной типографией, встречался с большевиком Ногиным и хорошо знал замечательного деятеля большевистской партии Николая Эрнестовича Баумана. Когда Бауман стал работать в Москве, организовывая новые рабочие кружки, дядя Пётр способствовал этому делу на морозовских фабриках, где служил. Преданный рабочему делу человек, он постоянно участвовал в распространении рабочих газет и листовок на фабриках; в его квартире под Москвой встречались рабочие. Он не был членом социал-демократической партии, он знал, что ему мешало: великим несчастьем и помехой он считал своё пристрастие к вину. Иногда он не бывал у нас по нескольку дней: болел.

Как и у брата, у дяди Петра был хороший музыкальный слух. Он играл на гитаре многие замечательные произведения. Я помню, как, сыграв что-нибудь, он задумывался и говорил: «Вальс Чайковского». Или: «Это милый Балакирев», «Жаворонок», вот... подобрал». Но таким он бывал только среди близких людей, и то не часто.

К тому времени, как мой отец женился, дядя Пётр уже работал на Морозовской мануфактуре; его хорошо знали рабочие и на других фабриках, где всё больше и больше выдвигались такие личности, как Кондратьев.

Сколько я себя помню, и отец и дядя Пётр ценили Кондратьева не только за его мастерство ткача. «Вот это человек!» — говорили они про него. Позже я узнала, что Кондратьев был одним из тех рабочих-передовиков, которые, ясно увидев в революционной борьбе цель своей жизни, вели за собой массу

рабочих, открывая им то, что сами они выстрадали и поняли, работая в страшных фабричных условиях того времени. Огромное преимущество Кондратьева перед такими людьми из служащих, как дядя Пётр, заключалось в том, что Кондратьев сам был рабочим и, значит, на себе испытал тяжёлый гнёт бесправного труда на хозяина, насилия, унижающего душу, лишения хозяевами рабочих самых необходимых прав человека. Он узнал на себе цену хозяйских обещаний: на фабрике чуть не каждые полгода сбавлялись расценки и ежедневно штрафовали рабочих за малейшую ошибку. Работая ночами и в праздники, он слышал ходовые фразы фабричной администрации, что «рабочий — такая скотинка, которая в отдыхе не нуждается...»

Убеждения человека складываются правильно, когда он глубоко узнаёт жизнь и смело откидывает старое, мешавшее ему видеть. Так и Кондратьев, задумавшись над страшной несправедливостью жизни, продолжал вглядываться и думать обо всём, что видел. Постепенно он вошёл в круг людей, которые уже поняли причины этой страшной несправедливости и знали, как с ней бороться. Они помогли ему выработать твёрдые убеждения. Эти убеждения он и начал проводить в жизнь: вооружённая массовая борьба против царского самодержавия — вот что должно было привести рабочих к освобождению, вот о чём неустанно говорил им Кондратьев. Его лицо и он сам необыкновенно ясно вспоминаются мне не только потому, что он был отцом лучшей моей подружки, а, главное, потому, что я чувствовала отношение к нему людей — моего отца, матери, тещей, дяди Петра и даже Данилы. Да он и не мог не вспоминаться тому, кто знал его. Кондратьева уважали и любили, как уважают человека, чувствуя в нём достоинство, приобретённое и выращенное им самим.

Расчёт

Вечером отец вернулся из конторы раньше, чем обычно. Он сел молча к столу, всё постукивал пальцами по клеёнке и молчал. Мать спросила:

— Что там у вас случилось?

— Хозяин приказал найти, у кого живёт старый красильщик Алексей Герасимыч, и отправить Герасимыча в участок, а того, кто его пустил без хозяйского разрешения, переселить в общежитие.

— А у кого он живёт?

— У Гвоздева Павла, ты знаешь его. Ткач наш, большой чахоткой.

Участок мне представлялся странным местом: как будто это кусок двора, а может быть, угол в комнате, но почему-то тёмный, без света, огороженный, и оттуда нельзя выйти. Я раз спросила маму, что такое участок, она ответила: «Ты мала ещё, не поймёшь, вырастешь большая, узнаешь».

— За что же старика в участок? — спросила беспокойно мама.

— За то, что справедливо укорил хозяина. Выбросили человека, работавшего сорок лет, изумительного знатока красок: его «лазоревый колер» славу фабрике создал. В участке прикажут ему убираться с фабрики, из комнаты, где ему дал угол Паша Гвоздев, а Павла — в общежитие, хотя он и болен чахоткой.

— Но... — сказала мама, — кто же скажет, где Герасимыч живёт?

— Уже всё известно. Этот мерзавец Тишкин — его недавно поставили помощником мастера в ткацкой — улучил минуту, когда никого из служащих и рабочих не было поблизости, подскочил к управляющему Федоту Осиповичу и шепнул. А управляющий доложил хозяину. Так что хозяин только проверяет, кто из служащих скажет, а кто утаит.

— Просто не верится, — сказала мама, — как могут люди выдавать своих.

— Своих? А для такого человека нет своих. Он хочет хорошего только для себя, он никому не свой. И хозяин его выбросит, если он не будет ему полезен.

На другой день, когда мы с ребятами лепили снежную бабу в маленьком дворике и она плохо складывалась, а Данила особенно усердно разметал пышно нападавший за ночь лёгкий снег, на крыльцо конторы вышел хозяин. Молча он прошёл через двор, оглядывая все его углы, остановился и подозвал Данилу.

— Ты зачем тут приставлен? — со сдержанным гневом спросил он, показывая на ржавое железо у забора, красиво украшенное снегом. — Тебе некогда позаботиться о хозяйском добре?

— Да ведь оно примёрзло, — сказал Данила, поддавая валенком под низ тяжёлого железного вала, как будто мог его отбросить одним толчком. — Снег сойдёт, уберу.

Наверно, это был довольно убедительный довод, потому что хозяин ничего ему не ответил.

— А это что? — показал он на выступавшие в конце двора пятна разноцветной кра-

ски, как раз в том месте, где из-под снега поднимались ряды тоненьких деревьев — недавно насаженный сад. — Сколько раз приказывал во дворе не лить!

Данила, разметая сегодня двор, всё подваливал снег к корням деревьев и обнажил пятна краски. Пестрота двора как будто удивила самого дворника, он стоял молча.

Хозяин долго ругал Данилу, показывал рукой направо и налево, а нам всё это казалось очень интересным, хотя мы и боялись выйти из-за угла фабричного корпуса, чтобы не попасть на глаза рассерженному хозяину.

— Расчёт получишь, будешь ходить по-прошайничать... — наконец сказал он, презрительно выпятив губы.

Вот оно, самое страшное на фабрике слово: «расчёт»! Но — удивительно! — Данила не испугался. Он всё стоял, равнодушно глядя перед собой. Потом сказал:

— Наверно, доброго слова от вас никто не слышал сроду.

И молча продолжал размахивать метлой, хотя двор был уже разметён.

— И не услышите! — закричал хозяин.

В это время отец спустился с крыльца конторы и пошёл вглубь двора. Я подбежала к нему, но он удержал меня непривычным мне, отстраняющим жестом руки. Я остановилась, не зная, что делать.

Хозяин, завидев приближающегося отца, повернулся ему навстречу.

— Ну что? — спросил он.

— Павел Никанорыч, — сказал отец твёрдо, — я по поводу давешнего. Не следует этого делать. Отмените ваше распоряжение.

— Что-о?! — протянул хозяин.

Он стоял, широко расставив ноги, засунув руки в карманы узких брюк, из-под которых ярко блестели чёрные носы калош. Покачиваясь, он смотрел на отца. Его маленькие глаза ещё сузились, толстые губы крепко сжались.

Отец стоял прямо и смотрел серьёзно и спокойно. Ветер отвёл в сторону прядь густых его волос.

— Выбрасывать на улицу человека нельзя, — сказал он. — И кого выбрасывать, Павел Никанорович? Красильщика, проработавшего на вашей фабрике сорок лет. Он ещё отцу вашему служил.

Отец говорил, а хозяин как-то странно слушал его. Я и раньше замечала, что, встречаясь друг с другом, люди становились не такими, какими они бывали каждый в отдельности. И это было удивительно!

Вот, например, Тишкин, про которого вчера говорил отец. Один он сидит на брёвнах во дворе у нашего флигеля, смотрит на свои сапоги, изредка бросая зоркий взгляд на проходящего мимо рабочего. Мокрые мелкие окурки разбросаны около его ног, он встаёт, бросает последний и придавливает его толстым сапогом. Лицо у него серое, неприветливое. Один глаз у него сильно косит. Но вот из дверей фабрики выходят рабочие. Тишкин уже среди них, разговаривает, смеётся, заглядывает людям в глаза. «Наше дело — как все, так и мы», — говорит он. Тишкин — другой человек!

Так и лицо хозяина сегодня изменяется на моих глазах. Из брезгливо-равнодушного оно становится удивлённым. Взгляд сосредоточивается на лице стоящего перед ним отца, брови нахмуриваются. Отец прямо смотрит в глаза хозяина и продолжает говорить...

— Захотели составить компанию дармоедам? Пожалуйста! — наконец язвительно перебил его хозяин. И, повысив голос: — Можешь получить расчёт. И... — это громко, на весь двор, — вон с фабрики!

Отец молчал, смотрел, потом дёрнул плечами, повернулся и пошёл.

— Стой...те! — закричал хозяин. — Стойте же!

Но отец не остановился. Он дошёл до двери флигеля и скрылся за ней.

События

Рано утром меня разбудил шум во дворе. В комнате горела лампа с привёрнутым фитилём, и отец, наклонившись, смотрел в окно. За стёклами стояла мутная синева зимнего пасмурного утра.

— Не идут? — спросила, входя, мама.

— Нет, конечно. Пойду, посмотрю.

Отец вышел, накинув на себя пальто. Когда он открывал дверь, в комнате на минуту стало слышно, как во дворе кто-то крикнул и ему отозвалось несколько громких голосов. Дверь закрылась, и снова сквозь заклеенные рамы со двора стал доходить лишь многоголосый шум, разбудивший меня.

Обычно рабочий день на фабрике начинался в семь часов утра. Летом я просыпалась спозаранку вместе с отцом. Мама, сколько я помню, всегда вставала раньше нас. Просыпаясь же тёмными, зимними утрами, я часто видела, что отец уже ушёл.

Отца долго не было, потом он вернулся и сел к столу, как был, в пальто и шапке.

— Ну что? — с беспокойством спросила мама, подходя и останавливаясь перед ним.

— Наши страшно взволнованы, их прямо не узнать, — ответил отец, — кричат открыто, никого не опасаясь, что в одиночку ничего не добьёшься, что рабочим надо поддерживать друг друга и всем вместе бороться с произволом.

— Что же будет? — сказала мама.

— Говорят, — продолжал отец, — что рабочие на Цинделевской и других фабриках прекратили работу и вышли на улицу с пением революционных песен, то и нам надо идти. Не знаю, будут ли сегодня работать.

— А ты пойдёшь в контору?

— Мне, как ты знаешь, вчера было приказано «убираться с фабрики», — отец зло усмехнулся. — Значит, не пойду.

Уже став взрослой, я не раз замечала, что дети, не понимая смысла какого-нибудь события, чувствуют по настроению старших, по их взглядам и отдельным словам, хорошее оно или дурное, доброе или злое. И я помню по своему детству, как беспокойное ощущение чего-то непонятного, происходящего вне нашей семьи, иногда овладевало мною. Это тревожное чувство возникло и в то тёмное зимнее утро. И многоголосый гул за окном, и привёрнутый фитиль керосиновой нашей лампы, и фигура отца, бездейственно сидящего за столом, — всё пугало меня сегодня.

Как хотелось мне в трудное это утро услышать за дверью тихий голос Клавдики, но она ещё вчера уехала к Лёле, предупредив маму, что, вероятно, останется там ночевать! Она уезжала и раньше, но ни разу ещё Клавдишка не оставалась у тётиных родных больше, чем на один день; она говорила, что ей там «неуютно» и хочется скорее домой. «Домой» — это значило к нам. Сегодня и Клавдики не было.

Мама спросила:

— Полицейских много?

— Никого нет, — ответил отец.

— Ну, слава богу! — воскликнула мама. — Может быть, так обойдётся.

И я по тону её голоса поняла, что она боится за фабричных и беспокоится о том, что там, во дворе, для них как-то может «не обойтись».

— Боюсь я за них, — продолжала мать. — Вдруг и у нас так будут стрелять, как в Петербурге. Какое страшное время! Представить только, с каким чувством шли тысячи людей к царю с просьбой облегчить их невыносимо тяжёлую жизнь! Они же верили, что царь поможет им. Шли семьями, даже детей взяли с собой. И... — она вздрог-

нула и, прижав руку к щеке, с выражением боли в глазах, горестно взглянула в мою сторону: — ...приказать стрелять в безоружных, доверчиво настроенных людей! Нет, не могу поверить: они же шли с хоругвями, несли царские портреты...

— В том-то и беда, Груня, — ответил отец, беря руку матери и глядя ей в лицо, — что люди — с просьбой, хотя наивно было думать, что царь поддержит рабочих против фабрикантов или одним своим словом облегчит их жизнь... И священник этот, который вёл рабочих, кто он? Пётр утверждает, что провокатор.

Это было совсем непонятное мне слово; я видела, что отец и мать говорят о своих «взрослых» делах, не замечая, что я проснулась.

— Священник? — в ужасе воскликнула мама. — Не может быть!

Отец пожал плечами и посмотрел на меня.

Как сегодняшнее утро отличалось от тех светлых и ясных, когда отец шутил со мною и мама, улыбаясь, наклонялась ко мне! Сейчас они оба только потому взглянули на меня, что не хотели, чтобы я поняла. Такие взгляды я знала; взглянуть так во время разговора было всё равно, что сказать: «Девочка здесь, она поймёт то, что ей рано ещё знать».

— Ну, раз проснулась, пора вставать, — сказал мне отец.

Но мне, совсем не понимавшей и даже не могущей вообразить, сколько это — тысяча человек, представляется такое страшное, что я боюсь вылезать из кровати и плотнее заворачиваюсь в одеяло: раз люди были безоружные, а по ним стреляли, значит, наверно, их всех убили, убили очень много людей!

В детстве я многое из сказанного при мне взрослыми понимала неверно и часто преувеличивала услышанное в плохую сторону. Особенно такие неверные преувеличения получались, когда я видела, что взрослые что-то скрывают от меня.

Чем старше я становилась, тем чаще замечала, что взрослые иногда замолкали при детях или говорили так, чтобы было трудно понять их. Тогда, не договорив, они взгляды друг на друга, как это случилось и сегодня, или употребляли им одним понятные слова. Но хотя я иной раз и не могла понять, про что говорят при мне, то, как говорят, я понимала всегда; это хорошо понимают все дети. Интонация, жест, сопровождавший обращение к другому человеку,

упрёк или умолчание придавали выразительность словам, даже когда их нарочно произносили так, чтобы не привлекать моего внимания. Таким образом, внимание как раз привлекалось, и услышанная фраза крепко врезывалась в память.

— Почему вы с мамой перестали разговаривать? — помню, спросила я в то утро.

— Потому что тебе об этом ещё рано знать, — ответил отец.

Такие ответы я слышала не раз и всегда понимала их по-своему, но достаточно верно: взрослые не хотели, чтобы дети знали о плохом или страшном.

У взрослых была своя, особенная жизнь. Они не хотели показывать детям всего, что в ней происходит, может быть, не умея объяснить им, какое место среди совершающихся событий занимают они сами. Поэтому всё, что случалось, было как будто только одной стороной обращено ко мне, а другая должна была оставаться невидимой для меня. Но этого как раз и не происходило: хотя «большие» и думали, что я ничего не понимаю, но в свои семь лет я замечала многое. Ведь сколько девочек немногим старше меня уже работали на фабрике!

Если в таких, как наша, семьях детей хотели и старались уберечь от тяжёлых впечатлений жизни, то в семьях рабочих дети вместе со взрослыми сами жили этой тяжёлой жизнью. Играя с девочками, видя, как живут их отцы и матери, я, конечно, не только не оставалась в стороне от самых различных впечатлений, но с особенной жадностью схватывала их, может быть, именно потому, что они отличались от тех, которые давала мне жизнь моей семьи. И хотя я часто совершенно неверно понимала то, что открывалось передо мной, объяснить это мне не спешили. События же происходили большие.

...Кто-то прошёл по коридору и сильно постучал в дверь. Вошёл рыжий приказчик.

— Федот Осипыч приказали вам выходить работать, — сказал он.

Отец взглянул на мать, прошёл по комнате и остановился у окна. В окно было видно, как непривычно медленно втягивались группы рабочих в открытые двери фабрики. Скоро большой двор опустел. Рабочий день начинался с запозданием.

— Так что же сказать Федоту Осипычу? — спросил приказчик.

— Скажи, я сейчас приду.

И когда приказчик вышел, отец добавил:

— В такое время я не пойду с фабрики, где все рабочие меня знают и доверяют мне, туда, где никто не знает.

Много лет спустя, глядя на картину Маковского, изображавшую расстрел безоружных, доверчиво идущих к царю людей, я необычайно ясно увидела, как всё происходило до этого схваченного художником момента. Сначала рабочие шли спокойно, неся образа и портреты царя, женщины вели за руку своих детей, и — вдруг! — ряды этих торжественно настроенных людей смешались и побежали, оставляя на снегу тела раненых и убитых товарищей. Эти женщины, с ужасом в глазах прижимавшие к себе детей, и похожий на Герасимыча человек в распахнутом на груди полушубке были хорошо знакомы мне: они были такие же рабочие, как и ткачи Никитинской фабрики. Тогда я почувствовала, что эта картина уже возникла во мне в то далёкое утро моего детства, когда я всё-таки поняла, что тысячи людей пошли к царю с просьбой облегчить их «невыносимо тяжёлую», как сказала мама, жизнь, а царь приказал стрелять в них. Думали, что царь хороший, а оказалось, он жестокий человек. Вот как ошиблись люди! В то утро мне шёл восьмой год.

События продолжают

Днём мы играли во дворе с моей новой подружкой Лизунькой. Дуняша давно уже жила на Пресне. Кондратьев теперь поселился во дворе дома, где жил дедушка Никита Васильевич, и взял к себе Ксению и детей. Дуняша иногда прибегала к нам вместе с дедушкой Никитой Васильевичем, с матерью же только присылала поклоны; когда Ксения уходила, Дуняша оставалась с Катюшкой.

Погода в тот день была мягкая; человек десять ребятшек присоединились к нам, и мы затеяли игру «в школу и учительницу». Надо было надеть картонные шпильки на указательные пальцы и такими длинными пальцами писать на снегу буквы и цифры или рисовать, что говорила «учительница». Тот, кто написал первый, бежал застучивать палочкой-выручалочкой, а у кого сваливалась на бегу шпилька, тот проигрывал.

В это время из дверей фабрики стали выходить рабочие.

— На обед гудка ещё не было, а выходят, — сказал Ваня, высокий, худенький мальчуган из той комнаты, где прежде жила Ксения с Дуняшей и Катюшкой. — Чего-то случилось, что ли?

Мать его работала в ткацкой. Он беспокойно побежал навстречу выходившим тка-

— Это что, бунт? — визгливо спросил управляющий Федот Осипыч.

чам, и мы с Лизунькой тоже пошли следом за ним.

Рабочие выходили сегодня из дверей фабрики не так, как всегда: что-то горячее, порывистое выливалось с ними во двор. Они шли дружно, сообщая, во дворе не растекались вправо и влево, а останавливались, сохраняя впечатление плотной массы людей. Под открытым небом лица их были похожи друг на друга выражением серьёзной и хмурой сосредоточенности и вместе с тем резко непохожи своими характерными чертами. Лица, молодые и старые, гладкие и морщинистые, глаза, измученные, робкие, колющие или неукротимые, горящие, были обращены в одну сторону — к конторе, к закрытой её двери. Обычно женщины, выходя в обеденный перерыв, громко разговаривали между собой, сегодня же они шли торжественно, сурово сжав губы, и когда одна звонко крикнула: «Шабаш, кончили работать!» — её остановили.

Из двери конторы вышел управляющий, Федот Осипыч, немолодой уже, плотный человек с маленькой бородкой клинышком, в накинутой на плечи шубе. Он стоял, смотрел молча на собиравшихся среди двора рабочих, потом спросил громко и визгливо:

— Это что, бунт?

— Нет, это протест за убийство невинных людей! — прозвучал из толпы спокойный, звучный голос. Голос был такой зна-

комый! Мне показалось, что я увижу сейчас Кондратьева, но я не могла рассмотреть его в толпе.

Получив ответ, управляющий сделал несколько шагов к стоявшим во дворе.

— Протестовать можно, не бросая работу.

Тот же звучный голос ответил:

— Чем? Протестовать нужно тем, что вас бьёт по карману.

— Нас это по карману не бьёт. Это вы за копейку готовы бастовать, хотя мы и можем всегда договориться.

— Это прежде бастовали за копейку, теперь дело другое: мы за свои политические права боремся, теперь нас копейкой не обманешь.

— Ну что ж! Тогда уволим зачинщиков — и дело с концом.

— Всех не уволите и в тюрьму не посадите... — сказал невидимый в толпе человек с голосом Кондратьева.

Толпа угрожающе подвинулась к управляющему. Послышались выкрики:

— Старика Герасимыча выбросили!.. Вот кого вы увольняете! Какой же он зачинщик? Он весь век работал...

— Кто вам дал право старика в участок водить? — крикнула из толпы женщина. — Герасимыч не вор и не пьяница, а вечный труженик.

— Про старика вопрос малой важности, — махнул рукой управляющий. — Пусть мастер Сенечкин доложит о нём. Мы с ним и будем разговаривать.

— У нас к Сенечкину доверия нет, — ответили ему.

— Ну так о старике можете сами хозяина просить. Герасимыча никто не тронет. А к чему такая демонстрация?

— Будто не знаете, к чему? — язвительно выкрикнул кто-то.

— О старике вопрос вовсе не малой важности, — снова сказал всё тот же хорошо знакомый мне голос. — Хозяева, конечно, привыкли не видеть в рабочем человека. Мы на вас и не надеемся. Только на себя!

— Вот как! — насмешливо сказал управляющий. — Мы это уже слышали. Грамотные!

Теперь мне кажется, что все эти фразы особенно звучно раздавались и как бы запечатлевались в воздухе и в памяти. Что-то в них я по-своему понимала и, главное, что рабочие заступились за Герасимыча. Понимала и то, что не всегда бывает так, как хочет хозяин. Вот когда все рабочие вышли во двор и заговорили про своё, управляю-

щий сразу пообещал им, что Герасимыча никто не тронет.

В то время как фразы перебрасывались от рабочих к управляющему и обратно, толпа постепенно обтекала управляющего так, что он оказался в середине её, и голос его слышался теперь из глубины толпы, как и голоса рабочих.

В ворота громко застучали. По двору к воротам пробежали два сторожа, Данила и вслед за ним рыжий приказчик. Как будто их только и ждали, в ворота ввалилось несколько полицейских в чёрных шинелях с револьверами на шнурах и со свистками. Управляющий выбрался из толпы. Сейчас же раздался пронзительный свисток, тревожно вскрикнули в толпе женщины.

Мама выбежала на крыльцо, ища меня глазами, и, увидев, крикнула:

— Домой, иди! Домой!

— Пре-кра-тить! — повышая голос, выступил вперёд околотовный надзиратель. — Рас-хо-дить-ся! — В светлой своей шинели, в фуражке с красным околышем, он стоял, повелительно вытянув руку.

— Не шуми! — закричали ему.

Кто-то громко выругался, его сейчас же остановили голоса окружавших его рабочих:

— Спокойно, товарищи! Не надо беспорядка.

В ворота вбежало ещё несколько полицейских, придерживая болтавшиеся на боку шашки. Я и сейчас вижу, как всё это происходило. И снова засвистели свистки.

Словно в ответ на них, вся масса стоявших рабочих, не расступаясь, двинулась к воротам, оттесняя полицейских в сторону, приобретая на ходу порядок и превращая сосредоточенную силу в стройное движение. Сразу несколько голосов, и среди них высокий женский голос, заглушая свистки, начали:

Смело, товарищи, в ногу,

Духом окрепнем в борьбе...

И, как будто давно и дружно спевшиеся, мужские голоса подхватили:

...В царство свободы дорогу

Грудью проложим себе...

И вот со двора уходят уже последние рабочие. Мы с мамой видим в окно, как за воротами ряды их поворачивают налево, нам слышен их мерный твёрдый шаг. Широко и вольно звучит песня:

Вышли мы все из народа,

Дети семьи трудовой...

С улицы слышались окрики, свистки, кто-то проскакал мимо ворот на коне. Шествие повернуло на широкую улицу, песня всё удалялась и удалялась... Издали отчётливо донеслось:

...Свергнем могучей рукою
Гнёт роковой навсегда...

Всё, что произошло в этот день, особенно врезалось мне в память: ещё не бывало, чтобы рабочие так уверенно собрались и вышли с фабричного двора на улицу, несмотря на свистки и окрики полицейских. В первый раз я увидела, что наши ткачи могут быть сильнее хозяина и полиции, могут не зависеть от них.

Сильными они стали потому, что действовали сообща и что в эти дни почувствовали поддержку всего трудового народа. На сотнях фабрик и заводов, во всех крупных промышленных центрах страны, повсюду происходили такие демонстрации протеста; ими рабочие отвечали на расстрел царём безоружных людей, веривших ему. Были такие люди — большевики, — которые предупреждали народ, что в рабочих будут стрелять... Но тогда большая часть рабочих ещё вери-

ла, что царь поможет им. Всего один день, который народ назвал «Кровавым воскресеньем», показал рабочим, что царь им враг, что он стоит на стороне хозяев фабрик, земель, заводов!

Рабочих людей в стране многие тысячи, их руками делается всё необходимое человеку для жизни, а хозяев гораздо меньше, но они забирают всё то, что производится рабочими. Сила хозяев только в том, что они владеют фабриками, машинами, деньгами и царь защищает их.

Теперь эти тысячи рабочих людей, охваченные гневом за гибель своих братьев-рабочих, поднялись все вместе с таким единением, какого ещё не бывало до того, и почувствовали, что они большая сила, что не хозяева, не царь, а только они сами могут устроить свою жизнь. Рабочим надо не только требовать от хозяев улучшения условий своей жизни, но решительней идти на борьбу за свои политические права, и прежде всего на борьбу с самодержавием.

«Долой самодержавие!» — вот с каким лозунгом выходили теперь рабочие на улицу. Всюду рабочие шли спокойно и уверенно,

Вся масса рабочих двинулась к воротам, оттесняя полицейских в сторону.

с пением революционных песен, и хотя их пытались разгонять, но рабочие держались стойко, даже и против царских войск. Наступало необыкновенное время открытой борьбы рабочих — начиналась первая русская революция!

Ещё днём, после ухода рабочих, на опустевшем дворе появился отряд полицейских; как будто осматривая что-то около фабрики, они то останавливались у дверей ткацкой и красильной, то обходили двор вдоль забора. Данила с одним из сторожей сопровождали их всюду.

Я гуляла во дворе, когда в воротах показалась Клавдичка; в серой своей шапочке и с муфтой она казалась большой девочкой. Я кинулась ей навстречу и, не отпуская её руку, так и вошла вместе с нею в дом.

— Почему ты не пришла вчера? — спросила я, стараясь помочь ей раздеться.

— Лёля упростила меня остаться, — ответила Клавдичка, — она скучает там.

Это было новое освещение лёлиной жизни; мне казалось, что ей всегда и везде весело. Я спросила:

— А ты возьмёшь меня к Лёле, когда пойдёшь в другой раз?

— Если мама позволит, возьму.

Я с надеждой взглянула на маму.

— Там видно будет, — ответила она.

Пришёл дядя Пётр и неожиданно привёл Дуняшу. Как всегда, он сразу подошёл к печке и стал греть озябшие руки. Всю зиму он ходил в осеннем пальто и сильно мёрз.

— Я от дяди Никиты, — сказал он, — взял с собой Дуню. Ксения просила. Говорит: пусть пробежится, она заработала.

— Кто заработал? — спросила я.

— Дуня.

— Дуняша, как ты заработала?

— А так, — ответила она смущённо, — я на подённую вместо мамки ходила, полы в трактире мыть.

— Как же тебя Ксения пустила? — спросила мама.

— Мамка сильно хворала, — ответила Дуняша, — а папаня уезжал, денег не стало, я и побежала вместо мамки.

Дуня была закутана в тёплый ксенин платок, её беленькое личико покраснелось на морозе, и, когда она разделась, я увидела, что на ней надето славненькое клетчатое платьице.

— Это мне тётя Малаша сшила, — сказала она. — Она хорошая, Катюшку по всякий день к себе зовёт. И дедушка Никита Васильевич её очень любит.

В это время дядя Пётр рассказывал мне, что сегодня в Москве было несколько рабочих демонстраций.

— С Кондратьевым вчера встретились в одном месте, — сказал он. — Необыкновенный человек! Вожак!

— Я раньше не понимала, как он не боится оставить семью «на произвол судьбы», — задумчиво сказала мама. Эти слова она часто говорила, обозначая ими, что кто-то остался один, беспомощный; с таким человеком случается всё, и он уже не может ждать ничего хорошего.

— А теперь? — обёртываясь и пронзительно глядя на неё, спросил Пётр.

— Теперь понимаю, но сама бы не могла, — горячо ответила мама. — Для матерей этот путь неимоверно труден.

— Однако этим трудным путём идут многие женщины.

— Девушки, которые не знают, что оставляют...

— Идут и матери. Да ты знаешь ли, как та же Ксения помогала Кондратьеву тем, что в его отсутствие не падала духом? Она всегда прокормит детей своим трудом.

— Ну, а куда бы я пошла работать?

— Значит, Ксения с двумя детьми может пробиться, а ты, грамотная женщина, не можешь? А почему? Какая разница? Ты боишься подумать о том, что видишь. Жизни не бойся, Груня, а то она тебя бояться будет.

Из этого разговора я поняла, что есть люди, которые борются за то, чтобы рабочим жилось лучше! Мама тоже хочет, чтобы рабочим жилось лучше, но что это за трудный путь, которым ей надо пойти, я не знала.

Вечером дядя Пётр сказал, что теперь он доведёт Дуняшу до дома: он идёт в ту сторону.

— Оставь её ночевать у нас, Петя, — сказал отец. — Да и тебе не остаться ли? Нынче около нас что-то уж больно много полиции.

— Мы выйдем за ворота и поглядим, — ответил дядя Пётр. — С Дуняшей нам веселей будет идти. Одевайся, Дуняша.

Дуняша быстро надела свой полушубочек, обвязалась платком. Я тоже накинула шубейку.

— Куда ты? — спросила мама.

— Я только за ворота, поглядеть! — крикнула я, выбегая во двор.

Так хорошо было во дворе! Всё затихло, ушли и полицейские, только в будке у ворот сидел Данила в тулупе. Маленький фонарик, висящий на стене, освещал горев-

В будне у ворот сидел Данила в тулупе.

шей в нём свечой запавшие под тёмными бровями глаза Данилы и широкую бороду.

— Куда это ты побегла? — спросил он меня.

— Я только за ворота, Дуняшу проводить.

— Дальние проводы — лишние слёзы! — сказал Данила. — Вот, Пётр Иванович, там, на углу, ходят, интересуются документами...

— Кто ходит? — спросил дядя Пётр.

— Пехотный патруль, — лениво протянул Данила, вглядываясь в лицо дяди Петра умными, пристальными глазами. — Похоже, выстрел был. Не слышали?

Мы с Дуняшей первые выскочили на улицу; около фабричных ворот горел фонарь,

освещая тёмные доски забора, бросая светлый круг на серый, выбитый снег. Дальше один фонарь был разбит, а за ним через большой промежуток фонари, казалось, горели тусклее... Оба сторожа, тоже в тулупах, как и Данила, ходили взад и вперёд вдоль забора. Мимо ворот ехал извозчик; санки, прикрытые полостью, раскатывались в неровных колеях.

— Не слышал. Спасибо.

Дядя говорил отрывисто, оглядывая улицу. Она была такая, как всегда, и чем-то другая.

— А «те» ушли? — спросил дядя Пётр.

— В дворницкой сидят... — тихо ответил Данила. — Чего-то ожидают.

Издали на улице слышались какой-то сыпучий звук многих шагов и железное звяканье или постукивание по мостовой. Звук мерно нарастал и приближался.

— Д-да, — сказал дядя Пётр. — Нарываться не стоит. Ну, вот что, девочки, идите-ка домой. Ты, Дуняша, заночуешь. А я зайду, мамке твоей скажу.

Он надвинул шапку и пошёл в узкий переулок напротив фабрики.

Взявшись за руки, мы с Дуняшей перебежали через двор и, румяные, оживлённые, вбежали в комнату.

На другой день утром Дуняша убежала домой. Мама сказала ей:

— Ты иди, Дуняша. Может быть, Пётр Иванович не зашёл вчера к вам и мама ваша беспокоится.

Когда через день или два снова появился у нас дядя Пётр, мама и ему повторила: может быть, он не заходил к Кондратьевым?..

— Не могло этого быть, — сердито отрезал дядя, — я ведь живой, как же я не исполню, обещанного?

(Продолжение в следующем номере)

ТРИ ЗНАЧКА

Е. Трутнева.

Рисунки В. Константинова.

„ЮНЫЙ ТЕХНИК“

Самолёт-игрушка
 Полетел, как птица.
 Над лесной опушкой,
 Над лугами мчится;
 С бойким ветром
 споря,
 В облака ныряя,
 А внизу, как море,
 Нива золотая.
 Пролетел над нивой,
 Над зелёным бором;
 Лёгкий и красивый,
 С золотым узором.

Над селом несётся
 И над быстрой речкой,
 А мотор в нём бьётся
 Чётко, как сердечко.
 Крылья, точно струны,
 Чуть звенят в полёте.
 Сделал «техник юный»
 Этот самолётик.
 Для него не трудно,
 Просто всё и ясно.
 Он значок нагрудный
 Носит не напрасно.

„ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ“

Он в саду пришкольном
 Знает каждый кустик.
 В сад с мячом
 футбольным
 Никого не пустит.
 Враг лихой рогатки,
 Птичий друг давнишний,
 У него в порядке
 Яблони и вишни.
 Он идёт по саду —
 Яблонька лепечет:
 — Плодожорку надо
 Разыскать под вечер.
 Цветом я богата;
 Гусеница злая
 Заползла куда-то,
 А куда, не знаю.

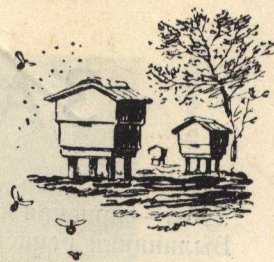

Пусть синичка ищет
Вместе с коноплянкой!
Вон они как свищут,
Вьются над полянкой.
Он поправит ветки
На кустах помятых;
Он не ставит сетки
Для друзей пернатых.
Птенчиков синицы
Буря сбросит с веток —
Он поднимет птице
В птичий домик деток.
В дружбе с ним и

пчёлы

И скворцы с дроздами.
Осенью у школы
Полон сад плодами!
Для него, ребята,
Всё в природе ясно.
Он значок юнната
Носит не напрасно.

«ЮНЫЙ ТУРИСТ»

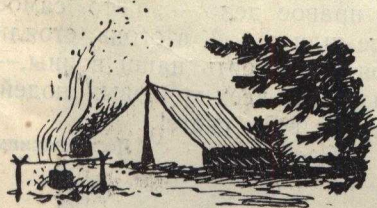
Для него находки
Припасают горы.
Он плывёт на лодке
В водные просторы
И под крики чаек
В белой мгле тумана
Радостно встречает
Зорьку утром рано.
Он идёт по лесу,
Миновал опушку.
Долго с интересом
Слушает кукушку.
Друг он горихвостке,
Иволге приятель.
Не ему ль с берёзки
«Здравствуй!»
Крикнул дятел?
Сбился в чаще

с толку —

И ему, как другу,
Путь укажут ёлки

К северу и к югу.
Про погоду спросит —
Облака ответят,
И подскажут росы,
И расскажет ветер.
Он проходит смело
Вброд лесную речку,
Обойдёт умело
Топкое местечко.
Он палатку быстро
Ладит в час ненастный.
Он значок туриста
Носит не напрасно.
Костерок разложит
На полянке в яме —
Сосен не тревожит
Ни дымок, ни пламя.
Не начнут шептаться
Да дрожать с испуга:
Нечего бояться
Пионера-друга.

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

...Мы — красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...

Кто из людей старшего и среднего поколений не певал этой знаменитой песни! Её до сих пор помнят во всех уголках нашей страны. О трудных, славных боевых делах рассказывает песня: о той тяжёлой поре, когда мужала и крепла в забываемых боях гражданской войны Красная Армия, созданная Лениным для защиты от врагов молодой Советской Республики. О неудержимом боевом порыве славных красных конников, бесстрашно мчавшихся в бой за власть Советов, поётся в песне...

Будённый — наш братишка, с нами весь
народ!

Приказ: «Голов не вешать и глядеть
вперёд!»

Ведь с нами Ворошилов — первый
красный офицер...

Вот они, посмотри: справа на картине художника В. Кравченко два легендарных всадника Первой Конной армии, два прославленных воина-коммуниста — Ворошилов и Будённый. К ним подскакал на коне Пархоменко, один из славных их соратников в боях против интервентов и белогвардейцев. Картина, как и песня, напоминает о грозной поре гражданской войны.

Трудно приходилось тогда нашей молодой Красной Армии. Полтора десятка капиталистических держав пытались задушить Страну Советов, старались отнять свободу и землю у рабочих и крестьян, ставших хозяевами своей страны. Россия оказалась во вражеском кольце.

Но недаром пелось в песне: «С нами весь народ». Все честные трудовые люди страны поддерживали свою революционную армию. Враги были разгромлены и изгнаны.

В десятках песен, в сотнях книг, на множестве картин воспет этот бессмертный подвиг воинов Красной Армии.

В 1941 году на долю нашего народа и его армии выпало ещё более тяжкое и грозное испытание. Германские фашисты пошли войной на Советский Союз. Началась величай-

шая из всех войн, которые когда-либо знало человечество. Четыре долгих и тяжких года гремели бои. Один на один сражалась Советская Армия против несметных полчищ, согнанных фашистами со всей Европы. Но нашу армию, как и прежде, поддерживал весь народ. Неутомимо трудился он в тылу и ковал крепкое оружие для своих воинов. И каждый рабочий, готовя на заводе снаряды для фронта, каждый колхозник, везший хлеб нашим солдатам, каждый солдат Советской Армии — все знали, что они ведут борьбу за правое дело, за свободу нашей земли, за народное счастье, за мир во всём мире. Центральный Комитет Коммунистической партии во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным руководил справедливой борьбой нашего народа. И мы победили! Солдаты Советской Армии подняли над истерзанной фашистами Европой алое знамя победы, знамя мира, одолевшего войну.

В тот день, когда взвилось знамя нашей победы, на улицах Берлина вместе с новыми солдатскими песнями о Великой Отечественной войне пелись и старые, памятные: о будёновских и ворошиловских конниках, о приамурских партизанах, о славной Каховке...

И сегодня нет-нет, да и услышишь где-нибудь на лесах большой стройки, куда поднялись верхолазы, или в тракторной бригаде на целине, куда пришли работать комсомольцы, старую добрую боевую песню красных конников:

...Мы — беззаветные герои все,

И вся-то наша жизнь есть борьба!

Потому что и верхолазы, монтирующие устои для плотин новой гидростанции, и комсомольцы, осваивающие для жизни вчера ещё безлюдные просторы, и молодые солдаты, отбывающие сейчас срок службы в рядах Советской Армии, — все они сегодня ведут своими благородными делами неустанную борьбу за правое дело — за то самое дело, за которое шли в бой, в огонь, стояли и готовы постоять насмерть наши воины, — за хорошую жизнь для всех трудовых людей, за прочный мир на всём свете!

Лоз Кассиль

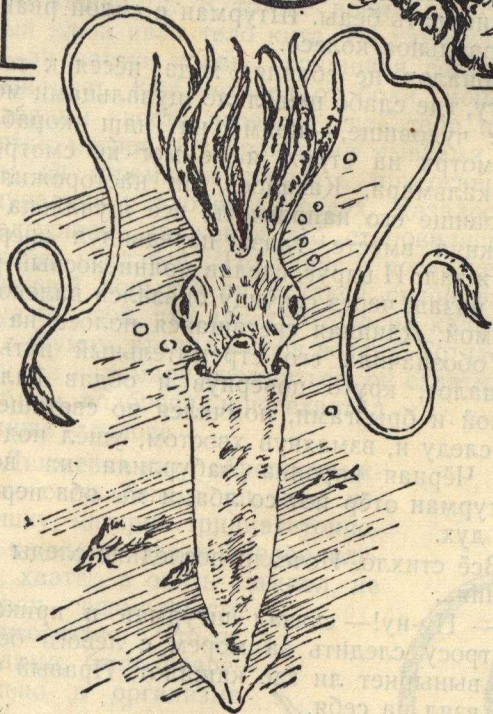
А. Я. ПАРХОМЕНКО, К. Е. ВОРОШИЛОВ И С. М. БУДЕННЫЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Выставка изобразительного искусства Украины ССР.
В. Кравченко.

НАХИМОВЦЫ.

3. Капарс.
Третья Всесоюзная выставка дипломных работ студентов
художественных институтов СССР выпуска 1954 года.

БИТВА МОРСКИХ ГИГАНТОВ

И. Акимущин

Рисунки В. Цельмера.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошёл в северной части Тихого океана осенью 1953 года.

Вместе с другими специалистами я участвовал в экспедиции Академии наук СССР. Целью экспедиции было изучение китов... И вот, исследуя убитых животных, мы столкнулись с таким интересным явлением: почти у каждого кашалота на теле виднелись глубокие шрамы и рубцы.

Известно, что кашалоты — киты, принадлежащие к группе «зубатых», — питаются главным образом моллюсками-кальмарами. Но кальмары, которых нам случалось наблю-

дать до сих пор в Тихом океане, были невелики и никак не могли нанести увечья огромным и сильным китам.

Откуда же у кашалотов следы жестоких, смертельных схваток? Кто осмеливается вступать в бой с морским гигантом — китом?

...Мне хорошо запомнилась эта душная тропическая ночь. Весь день накануне наш китобоец гонялся за крупным кашалотом, тщетно пытаясь подойти к нему на выстрел. Усилия капитана, гарпунёра и вахтенной команды не привели ни к чему: кит оказался очень чутким и опытным. Стоило только судну приблизиться, как он неожиданно уходил под воду и появлялся далеко в стороне. Однако из виду он не уходил, — видимо, место было «кормное».

Стемнело, и охоту пришлось прервать до утра. Судно легло в дрейф.

Я вышел на палубу и, погуляв, поднялся на мостик к своему приятелю — штурману.

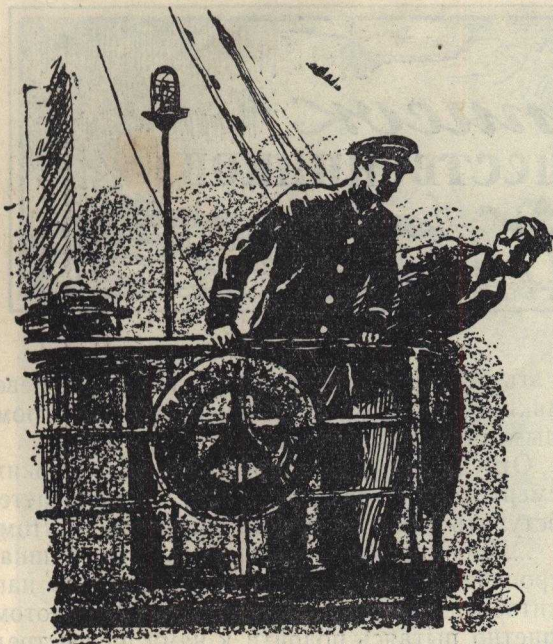
— Лежит, дожидается, — сказал он, показывая на тёмный силуэт кита.

Даже и сейчас, ночью, можно было догадаться, что это огромный, мощный экземпляр. Повидимому, кит отдыхал или «выслушивал» добычу.

Перегнувшись через перила мостика, я залюбовался картиной, к величию которой всё ещё не мог привыкнуть. Океан спал, безмолвный, поистине тихий. Лишь изредка над самыми волнами беззвучно проносились морские птицы качурки, порой плескалась рыба да кальмар выскакивал в стремительном движении из воды, молниеносно пронёсился по воздуху и гулко шлёпался в море. Тотчас же на воде появлялась тускло светящаяся полоса, отмечающая его ход. Это светились морские бактерии, потревоженные движением.

— Смотри, смотри, что это? — удивлённо спросил штурман.

Я вгляделся: почти у самого борта светилась вода, но это не было обычное тусклое мерцание бактерий — голубовато-зелёный

— Смотри, смотри, что это? — спросил штурман.

свет казался сильнее обычного и становился всё ярче и ярче...

Вдруг волны океана расступились, и на нас уставились два круглых, чудовищно огромных глаза. Они то сближались, то расходились, дико вращаясь и непрерывно излучая голубовато-зелёное сияние.

Всё это походило то ли на иллюстрацию к фантастической повести, то ли на страшный сон. Но видение не исчезало. Напротив, оно становилось всё отчётливее. Обозначились неясные очертания уродливой головы, громадный рот, окружённый щупальцами. Щупальца слабо извивались на волнах, два из них были особенно длинными. Вслед за головой показалось туловище, длинное и цилиндрическое, как обломок корабельной мачты...

— Да что же это такое?! — растерянно сказал штурман.

Но мне, биологу, изучающему моллюсков, уже всё стало ясно. Я был вне себя от восторга: несомненно, мы оказались свидетелями редкого в природе явления.

— Это кальмар, гигантский кальмар! — сказал я штурману и разъяснил, что перед нами ближайший сородич осьминога, только ещё более крупный, ещё более хищный. Он обитает в глубинах океана и крайне редко покидает их.

Не отрываясь, мы стали следить за кальмаром. Слабо шевеля плавниками, он медленно и плавно скользил по воде...

И тут раздался отчаянный крик вахтенного матроса.

— Справа по борту кит! Идёт на нас! — кричал вахтенный.

Мы взглянули и обмерли. Оставляя длинный светящийся след, с поразительной быстротой прямо на нас мчался кашалот! Если такой великан с разгону врежется в борт, — не миновать беды. Штурман с силой рванул штурвальное колесо.

Кашалот, не сбавляя хода, нёсся к тому месту, где слабо шевелило щупальцами морское чудовище, — прямо на наш корабль. Несмотря на страх, я не мог не смотреть на кальмара. Казалось, он насторожился: туловище его напряглось, все щупальца он сомкнул вместе, глаза передвинул вперёд. Он ждал. И вдруг, сделав молниеносный рывок назад, через секунду оказался далеко за кормой. Длинная светящаяся полоса на воде обозначила его стремительный путь, а кашалот, круто повернув и обдав палубу пеной и брызгами, помчался по светящемуся следу и, взмахнув хвостом, ушёл под воду. Чёрная воронка забурилась на воде. Штурман отёр пот со лба, и мы оба перевели дух.

Всё стихло. Исчезли последние следы свечения...

— Ну-ну! — сказал штурман и приказал матросу следить за морем с левого борта, не вынырнет ли где кашалот. Правый борт он взял на себя.

Прошло десять минут, двадцать, полчаса; кит не появлялся. Приближался рассвет.

Одно время нам показалось, что кит вот-вот вынырнет: на размеренной зыби вдруг появился водоворот. Но, видно, мы ошиблись: волны снова выровнялись. Светало, и мы уже думали, что не дождёмся появления, или, как говорят китобои, «выставания», кита... Но тут раздался пронзительный свист и сильный всплеск воды.

То, что мы увидели, незабываемо. Из воды, на высоту не менее десяти метров, взвилось чудовище, напоминающее сказочного дракона. Оно издавало оглушительный свист, похожий на испорченный паровозный гудок. Описав в воздухе крутую дугу, чудовище с шумом и свистом шлёпнулось в воду. Потом снова сделало гигантский прыжок, мотая головой, с которой спускались длинные щупальца, и снова ушло под воду со свистом и шипением...

Вскоре оно снова выскочило, на этот раз ближе к кораблю. Теперь уже мы разобрали, что перед нами не чудовище, а два животных: гигантский кальмар и кашалот.

Кашалот сжал кальмара своими могучими челюстями, а кальмар всеми десятью щупальцами оплёл голову кита, закрыв его единственную ноздрию. Воздух, вырывающийся из этой ноздри, и производил тот дикий, пронзительный свист.

Дёргаясь из стороны в сторону, кальмар всеми силами пытался выскользнуть из зубов кашалота. В то же время его страшный клюв рвал тело кита. Из глубоких ран текли потоки крови, окрашивая воду в бурый цвет. Кит метался от боли, мощными ударами хвоста переносил своё тело на десятки метров. Судорожными рывками головы он стремился сбросить присосавшиеся щупальца и вдохнуть воздух. Казалось, он задыхался: движения его становились всё слабее и слабее... Но вдруг в последней отчаянной попытке он с такой силой взмахнул головой, что далеко отбросил кальмара, и с шумом втянул в себя воздух. Тотчас же, не дав кальмару опомниться, он схватил его зубами, подбросил и перехватил ближе к голове.

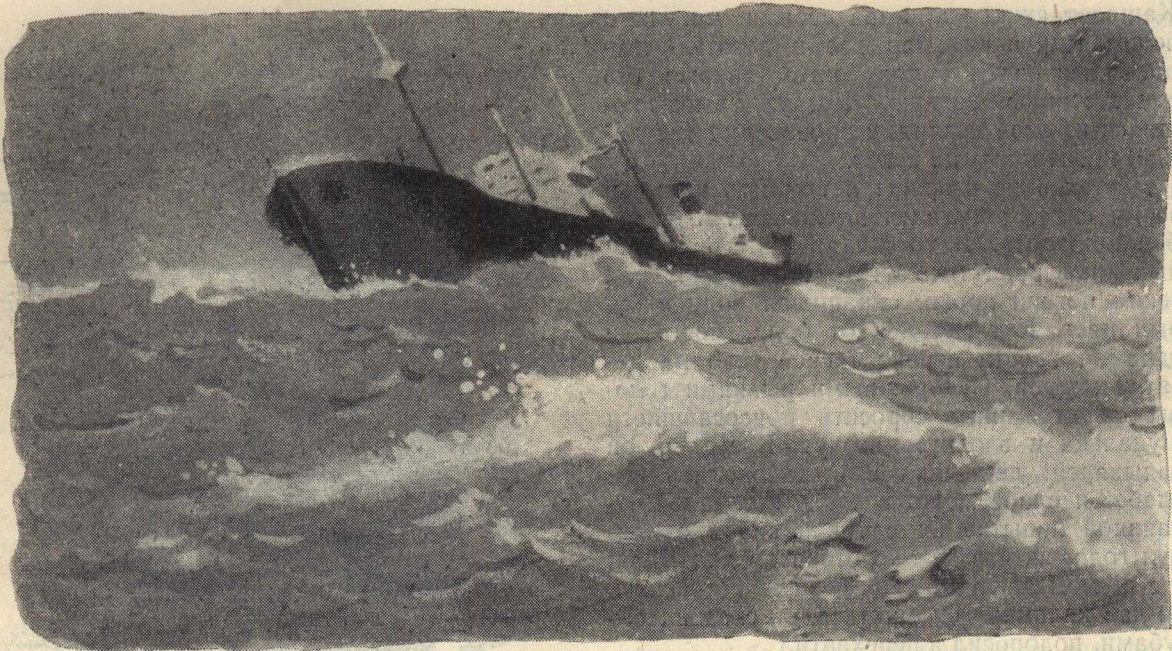
Движения кита обрели прежнюю силу. Теперь он, как игрушку, швырял тридцатитонного кальмара вверх, вправо, влево, хватал и опять швырял, не давая возможности присосаться. Что-то, видимо, было повреждено в организме кальмара, он весь как-то обмяк, щупальца безжизненными плетями мотались из стороны в сторону. Страшный его клюв попрежнему хищно раскрывался и смыкался, но он ловил только воздух и щёлкал впустую.

Схватка двух гигантов подняла в море настоящее волнение, судно раскачивало из стороны в сторону. На палубе было уже много народу — команда, научные сотрудники, разбуженные шумом и качкой... Наконец кит, мотая головой, ушёл под воду. А когда он через некоторое время появился опять, у кальмара была почти совсем оторвана голова, и кашалот на наших глазах медленно заглатывал побеждённого спрута...

Так мы воочию убедились, что гигантские кальмары, которых раньше встречали только в Атлантике, живут и в глубинах Тихого океана.

Дёргаясь из стороны в сторону, кальмар всеми силами пытался выскользнуть из зубов кашалота.

ЗАКОН МОРЯ

Рассказ Андрея Иванова.

Рисунки Н. Цейтлина.

— Ну вот, братцы, и конец ожиданиям. Погрузка закончена. Через час пойдём набирать воду — и в море.

Боцман залпом выпил стакан компота и вытер круглой, с короткими пальцами ладонью широкие седые усы.

Компот он не любил, пил его, чтобы не нарушать порядка за столом, как пьют горькое лекарство.

К удивлению матросов, кок¹ ловко поставил ему второй стакан.

Боцман так же привычно схватил его и поднёс к губам. Сделав один глоток, он опомнился, поставил стакан на стол и сердито посмотрел на кока:

— Ты что это?

— Антон Иванович, допейте, — невинно попросил кок. — Ну как я его обратно по трапу понесу?! Расплескаю ведь.

— А ты боишься расплескать?

Он открыл иллюминатор и выплеснул остатки компота за борт.

— На, неси. Теперь не расплещешь!

Кок, высокий, тоже с усами, но чёрными и короткими, собрал пустую посуду и, посмеиваясь, понёс в камбуз.

¹ Кок — повар на корабле.

Через час наша «Пятилетка», речной теплоход, ходивший как по речным, так и по морским путям, вышла из бухты и направилась по Быковой протоке в устье реки Лены набрать пресной воды.

Был поздний вечер. Незаходящее полярное солнце спокойно гуляло в небе. Только светило оно теперь не так, как в середине дня, бледнее. Море казалось уже не голубым и не синим, а золотистым. Гористый берег тоже чуть золотился. Над бухтой летали чайки. Освещённые неяркими лучами, они казались розовыми.

Теплоход зашёл далеко в устье реки. Взяли пробу воды. Она оказалась пресной, приятной на вкус. Боцман велел мне отнести пробу врачу и капитану.

Вода всем понравилась.

— Набирайте здесь! — приказал капитан.

В машинном отделении тонко запели моторы. Речная вода с рокотом полилась по широким трубам в танки — особые отсеки, специально предназначенные для питьевой воды.

За набором воды наблюдал боцман. Он не спеша ходил по палубе, иногда озабочен-

но поглядывал за борт, потом справлялся, как идут дела в машинном отделении.

— Качаем! — бойко отвечал снизу один из мотористов.

Боцман удовлетворённо кивал головой и продолжал ходить по палубе, заложив за спину руки. Он был высокого роста, и, когда я подходил к нему близко, мне становилось обидно: как много ещё нужно расти до него.

— Юнга! — позвал он меня. — Я уйду по своим делам, так ты тут за меня посмотри. Может, из машинного отделения что крикнут, — духом сообщись.

— Есть духом сообщить! — крикнул я, польщённый таким доверием.

Боцман ушёл. Я остался один. Кругом стояла тишина. Вода в реке, казалось, тоже застыла, беззвучно обтекая теплоход по бортам. Чуть дышала главная машина, тонко пели моторы, качающие воду.

Я присел на бухту свёрнутого каната. На палубе было пусто и тихо. Через несколько минут я подошёл к борту и глянул на воду. И там мне показалось всё попрежнему.

Вдруг я увидел, что от кормы вдоль борта по воде двигается небольшое масляное пятно, метрах в трёх от него плыли две серые щепки. Они дошли до носа теплохода, чуть покрутились у якорных цепей и поплыли дальше, вверх по реке.

— Ну, как дела, юнга? — услышал я за спиной голос боцмана.

— Всё в порядке, товарищ боцман! — отрапортовал я, забыв о масляном пятне и плывущих щепках.

— Как в машине? — крикнул он вниз.

— Танки полны! — ответили из машинного отделения.

— Выключай моторы!

* * *

Светлой полярной ночью мы вышли в море.

Целые сутки шли в виду берега. На вторые подались дальше, на север.

Исчезла за горизонтом земля. С моря потянуло свежим ветром. С востока небо затягивалось тонким облаком. Прощально покричав, улетели на берег последние проводящие — чайки. В море стало пустынно и серо.

В свободное от вахты время я отдыхал на палубе. Мимо, поправляя широкие усы, с бельём подмышкой, валкой походкой старого моряка прошёл боцман и скрылся за дверью душевой.

Из большого кубрика, служившего нам и столовой и красным уголком, доносилась тихая песня матросов. На верхнем мостике, ощупывая в бинокль горизонт, нёс вахту старший помощник капитана.

Оглядев море, старпом спустился по наружному трапу и скрылся в закрытой рубке.

Через двадцать минут дверь душевой с шумом открылась, и оттуда выскочил, весь в мыльной пене, боцман.

— Эй, в машине!

— Есть в машине! — донёсся снизу голос вахтенного помощника механика.

— Почему воду из-за борта даёте?

— Что вы! Сейчас только сам новый танк переключил! — крикнул вахтенный помощник механика.

— Из-за борта, говорю: солёная! — кипел намыленный боцман.

— Сейчас ещё проверю, — чуть слышно сказал внизу вахтенный.

Боцман, весь в мыле, топтался по палубе на холодном ветру, крепко жмуря глаза, чтобы их не разъедало мыло.

Я решил подойти поближе.

Услышав шаги, боцман, не открывая глаз, спросил:

— Кто тут?

Я отозвался.

— Ты, юнга? А ну-ка, слетай в душевую, принеси полотенце!

Я вынес полотенце. Он старательно вытер лицо, потом волосы. Мыльная пена осталась на полотенце. Но волосы, склеенные солёной водой, лежали некрасивыми, грубыми прядями.

Боцман пошёл в душевую и вернулся оттуда одетым.

Из машинного отделения бегом поднялся по лестнице вахтенный помощник механика.

— Ну, что? — сердито спросил боцман.

— Надо доложить капитану, — переводя

дыхание, сказал вахтенный.— В танках солёная вода!

Боцман от изумления выронил полотенце. Ветер подхватил его и понёс к фальшборту.

— Может, пробойна? — хрипло сказал боцман.

— Нет, во всех танках. Я проверил. Пресная вода кончилась.

Корабль стало раскачивать. В снастях натужно гудел ветер.

— Как же так? — недоумевал боцман.— Я же сам пробовал! Вода была пресная.

— Разумеется. И врач пил и капитану в каюту носили,— подтвердил помощник механика.

— Я сам пойду доложу капитану. Моя тут вина, мне и ответ держать. Не доглядел, старый дурак!

Застегнув китель, боцман пошёл на капитанский мостик.

Я подобрал полотенце и на расстоянии пошёл за ним.

На мостике капитана не оказалось. Он стоял на баке и о чём-то беседовал со старшим механиком Тауровым, легонько попыхивая дымком из трубки.

Мы спустились вниз.

Ветер крепчал. Море уже кипело до самого горизонта. Мутные валы с острыми пенными гребнями сердито кидались на корабль.

Но наш теплоход не раз бороздил арктические воды. Он слегка наклонялся, как это делает бык, идя на бой с соперником, и вдруг разрезал водяной вал пополам. И вода, потеряв силу, с шумом струилась вдоль борта за корму.

Капитан же совершенно не обращал внимания ни на ветер, ни на волны и даже на залетавшие на палубу солёные брызги. Море, сердитый ветер, крутые волны были для него обыденной жизнью. Так люди на суше часто не обращают внимания на шум деревьев, бегущие тени мимолётных облаков, звон насекомых в воздухе.

Боцман доложил о несчастье.

Старик говорил торопливо, срывающимся голосом. Видно, в его долгой морской жизни ещё не случилось ничего подобного.

— Ведь мы все пробовали: и врач, и я, и матросы! Вода была пресная.

— Знаю. И я пробовал,— сказал капитан и вынул изо рта трубку. Он прошёлся по палубе и опять повернулся в сторону боцмана.

Тот стоял, не шевелясь.

— Мы с вами не первый год плаваем. Как же вы не проследили, боцман?

Сказано было спокойно, но я видел, что дубленное морскими ветрами лицо капитана покраснело.

Боцман только развёл руками, приподнял и тут же опустил вниз крутые плечи. И стал он вдруг каким-то маленьким, растерянным.

— По закону моря, корабль в таком случае должен вернуться в порт,— сказал

механик, такой же внешне спокойный, как капитан.

Я подумал, что это будет ещё более страшным, чем плыть в море без пресной воды. Какой позор для всей команды, сколько ядовитых насмешек посыплется на наши головы!

Но тут же меня больно резанула другая мысль. Я вспомнил плывущие у бортов щепки. Ведь их несло вверх по течению реки! Почему? Это не был случайный водоворот.

Сердце испуганно забилося. Мне захотелось крикнуть: «Это я виноват!» Если бы я сообщил боцману о щепках, плывущих против течения, не случилось бы такого несчастья. Щепки были сигналом надвигающейся беды, а я не прочитал этого сигнала и не уберёг своих товарищей!

Но я смалодушничал и скрыл свою вину перед командой.

— Мы набирали воду во время прилива, — сказал я, пряча глаза и надеясь хоть чем-нибудь облегчить свою душу.

— Юнга прав, — переминаясь с ноги на ногу, поддержал меня боцман. — Мы не рассчитали время и вошли в реку перед самым приливом. В первом танке была пресная вода. Потом прилив пригнал в реку морскую воду, и мы набрали её во все остальные.

— Значит, будем возвращаться? — снова заговорил старший механик.

— Нет, возвращаться нам нельзя! — сказал капитан. — Груз у нас срочный, да и ушли далеко.

О капитане матросы говорили, что у него гибкий ум. Я тогда не понимал, что значит «гибкий ум». А тут увидел, что матросы правы. За этот короткий разговор капитан уже успел принять ясное решение.

— Через сутки мы дойдём до устья реки Великой, там и наберём воды.

— Что вы, Сергей Петрович! — возразил механик. — В устье Великой не только не войти, но и не подойти к нему. Мелкий бар¹ вдаётся далеко в море. Проходов в нём мы не знаем. Да и мелки они для нас и узки.

— Да, да, вы правы. В устье Великой нам не пройти! — согласился капитан. — Но воды мы всё же наберём.

— Каким образом? — вырвалось у боцмана.

— Вы хотите использовать вельбот? — спокойно спросил механик.

— Нет. Водить воду вельботом и трудно и

долго, — сказал капитан и достал из широкого кармана форменного кителя простенький синий блокнот. — Мы радируем речным пароходам на Великой. Они доставят нам воду к кромке бара.

Озабоченное лицо боцмана прояснилось. От слов капитана ему стало немного легче.

Всегда сдержанный, механик только молча кивнул головой в знак одобрения.

Капитан написал текст радиogramмы и приказал мне отнести радисту.

— У нас несчастье, — сказал я, прикрывая дверь рубки. — Вот радиogramма на реку Великую.

— Подумаешь, принёс новость! — сердито отозвался радист, не поднимая от стола с ключом чёрной кудрявой головы. — Об этом вся команда знает. Боцман, старый пень, проморгал!

Мне стало жарко, словно меня облили кипятком. Я молча ушёл из рубки. «Боцман проморгал!» Нет, это я больше всех виноват. Липовый я моряк! У меня даже нет сил сказать об этом.

* * *

Ужинали молча. Стол был почти пуст.

— И что такое случилось? Нет воды, а норму установили на хлеб?! — сказал кто-то вполголоса.

— Хлеб можно печь только на пресной воде, — ответил кок. — Значит, и его экономить надо.

Суп многие попробовали и отказались есть. Остальные съели по нескольку ложек, но потом также отставили тарелки. Кок унёс всё обратно в камбуз.

К чаю были поданы переполненные сахарницы. Сахару мы клали по полстакана, но он так и не мог убить солёную горечь морской воды.

Дальше стало ещё хуже. Путь до реки Великой мы едва одолели в двое суток. Мняющийся штормовой ветер, высокие водяные валы трепали теплоход, гасили скорость, сбивали с курса.

Питались мы главным образом мясными, рыбными и фруктовыми консервами. Но от них ещё больше хотелось пить. Помощник кока, худой и длинный молодой матрос, уже с трудом ходил по палубе, часто хватаясь рукой то за голову, то за грудь. Его укачивало. Я радовался хоть тому, что оказался совсем не подвержен морской болезни.

Остановились у бара на почтительном расстоянии, опасаясь, чтобы не выбросило на мелководе.

¹ Бар — отмель против устья реки из вынесенного рекой песка, далеко, часто на десятки километров, вдающаяся в море.

Тут же радист принял горькую весть. Речные пароходы сообщали, что не могут выйти в море из-за шторма.

— Сколько же нам ещё придется быть без воды? — спросил я радиста.

— Сколько придётся, столько и будем! — хмуро ответил радист и ушёл к себе.

Капитан прочитал радиogramму команде. Помолчал, ожидая, что скажут матросы. Но ни от кого не услышал горькой жалобы. Некоторые пытались улыбаться, словно полученная весть вовсе не была тревожной. Но весёлых улыбок не получалось.

— Кок! — позвал капитан.

— Есть, капитан! — громко отозвался кок и, поправив белый колпак, выступил вперёд.

— Уменьшить норму хлеба до четырёхсот граммов!

— Есть уменьшить норму хлеба! — уже не по-уставному, скучно ответил кок.

У всех вырвался тяжёлый вздох и замер.

— И ещё, постарайтесь приготовить что-нибудь сносное и на этой воде!

— Старался, Сергей Петрович. Много раз старался.

— Постарайтесь ещё столько раз, но сделайте. — И, повернувшись в другую сторону, позвал: — Доктор!

— Есть! — односложно отозвался судовой врач, пожилой человек с широким пухлым лицом.

— Чем можете помочь команде?

Тот удивлённо развёл руками.

— У вас есть на медпункте вода?

— Тринадцать литров дистиллированной воды.

— Два литра оставьте на всякий случай, а одиннадцать раздайте команде. Сами лично раздайте! Понятно?

* * *

Свою порцию дистиллированной воды я получил после вахты, которую нёс в машинном отделении. В этот день я заменял ма-слёнщика.

Доктор посоветовал пить воду маленькими глотками. Мне казалось, что у воды был привкус мёда, но её хватило лишь на то, чтобы смочить пересохший рот. По-прежнему хотелось пить.

На палубе стояли вёдра, разостлан был с завернутыми краями брезент. В них собиралась дождевая вода, которую нам скуподарили пробежавшие над кораблём мелкие тучи.

Я шёл мимо камбуза. Он находился посредине судна, в правом углу надстройки, над

машинным отделением. Отсюда всегда вкусно пахло борщом, котлетами, пирожками.

Но в эти дни в камбузе было тихо. Я прошёл мимо, даже не взглянув на знакомую дверь.

— Эй, юнга! — окликнул меня кок.

Он был первым матросом, с которым у меня состоялся разговор в день моего прихода на судно.

— Вот ты какой веснушчатый! — сказал он мне тогда.

— Уж какой есть! — ответил я.

— С веснушками бы лучше на суше оставаться. Там они к осени пропадают. А тут, брат, до самой зимы цветут. Вольготно им на море: сырости много.

Я чувствовал, что краснею до ушей.

Он тоже заметил это и, смеясь, добавил:

— А ты чаще красней. Они сразу пропадают, будто и нет их!

Услышав оклик кока, я вернулся. На длинном, обитом белым железом столе стояли три стакана.

— На-ка, попробуй! — кок подтолкнул мне один стакан.

Я осторожно потянул рыжую жидкость.

— Сухофрукты?

— Да. Компот из кураги, — сказал кок. — Вкусно?

— Нет. Солёный, не станут пить.

— Пробуй другой.

Второй оказался приятней.

— Такой ничего. Терпеть можно. — И я отпил ещё один большой глоток.

— А этот? — кок пододвинул третий стакан.

— Ой, совсем не горький!

— Ну вот, таким сегодня и будем кормить команду! — обрадовался кок.

У меня не хватило сил поставить третий стакан с компотом на стол. Казалось, за него можно постоять две вахты у машины. Я так и стоял с поднятым стаканом, нерешительно поглядывая на кока.

Тот понял мои мысли и, лукаво потеревив свои короткие усы, разрешил:

— Пей до дна!

Я залпом выпил компот и вдруг, расхраб-рившись, опрокинул в рот и содержимое второго стакана.

— Молодец! — похвалил меня кок. — А теперь ты помоги мне. Мой помощник слёг, на него нет надежды. Будем вместе растирать курагу.

— Что? Опять компот? — удивился за ужином боцман.

— Да вы покушайте, понравится! — сказал кок.

— Пейте, Антон Иванович, очень вкусно, — сказал я.

Боцман сделал один глоток, потом другой и вдруг начал торопливо пить мелкими глотками.

— А ну-ка, ещё один!

— Маловато у нас теперь, — притворно пожаловался кок. — Но для вас всегда найдётся.

Боцман первый закончил ужин и торопливо вышел из столовой. Он чувствовал себя неловко перед командой и старался забыть-ся за каким-нибудь делом.

В столовой сразу же начался злой разговор о нём.

— Проморгал, старый!

— Вся команда из-за него мучается!

— Списать его на пенсию пора!

Мне стало не по себе.

Лица у матросов исхудалые, морщинистые. У каждого синие круги под глазами. Полуголодные, без воды, в шторм, они исправно держат свою вахту. Да, они имеют право сердиться на виновника их беды.

Теплоход качало. Из носика чайника при каждом крене выплёскивалась вода. По столу ёрзали стаканы.

Я пытался собрать их, поставить посреди-не стола. Но у меня от волнения дрожали руки. Непослушные стаканы ускользали из моих пальцев.

Тогда я, как и боцман, сутуля плечи, вышел из столовой.

На палубе было холодно. В проходах и надстройках бился пронзительный ветер. Через борт залетали солёные брызги и хлопья пены.

Иногда теплоход ложился на борт особенно круто. Тогда под кормой оглушительно завывал в воздухе обнажившийся правый или левый винт.

Без бушлата, в одной рубе, я обошёл всю палубу и нигде не мог остановиться. Потом поднялся на мостик, к штурманской рубке. Здесь было ещё холодней. Ну и пусть! Пусть этот свирепый ветер и кипящее вокруг злое море! Только бы не думать о своей вине перед командой, не чувствовать себя таким слабодушным!

К горлу подкатил тёплый горький комок. Из глаз брызнули слёзы. Отвернувшись лицом к морю, я плакал долго, навзрыд. И только, когда стал немного успокаиваться, услышал подле себя шаги.

— Ты что, юнга? — раздался сзади голос капитана.

Я повернулся к нему.

Он глянул на меня и протянул в воздух широкую ладонь, как бы ловя ею капли дождя.

— Вроде не капает, а лицо мокрое. В чём дело?

У меня снова задрожал подбородок, и мне пришлось крепко сжать его рукой, чтобы успокоиться.

— Зачем они боцмана ругают? Не он, а я виноват во всём.

Я рассказал капитану, как видел плывущие вверх по реке щепки — верный признак начавшегося прилива, — и не сказал об этом.

— На море есть суровые законы, юнга! Море не терпит людской беспечности и зло мстит за это.

Капитан круто повернулся и, не сказав больше ни слова, поднялся в рубку.

Глядя вслед капитану, я подумал, что и ему сейчас нелегко.

* * *

Через день шторм утих. Было солнечно и тихо. Но море ещё волновалось в мёртвой зыби. Во время обеда кок сообщил, что вечером спасительного компота не будет. Кончились сухие фрукты.

Матросы приуныли. Однако через час настроение у всех поднялось.

— Идут!— кричал вахтенный матрос.

Все понимали, кто может идти к нам в такой трудный час, и кинулись на палубу.

С юга на горизонте появились силуэты речных судов. Колёсные, плоскодонные пароходы отважно вышли в ещё волнуемое море, чтобы доставить нам пресную воду.

Зыбь утихла. Первый пароход ловко пришвартовался к теплоходу. К нам вынесли несколько вёдер пресной воды для команды. Все встали в очередь.

Мы с коком оказались в числе первых. Но, глянув в конец очереди, я увидел: последним, похудевший, с обвислыми белыми усами, стоял боцман. Тогда я оставил своё место и встал вслед за ним.

СКРИПАЧ

Рассказ в стихах

Борис Заходер.

Рисунки Е. Афанасьевой.

У меня сосед — скрипач.
Да какой ещё!
Хоть плачь!

Он недавно въехал к нам.
Он тоже мальчик,
Толя.
Учится в какой-то там
В музыкальной школе.

Я звал его играть в футбол,
А он, конечно, не пошёл:
— Я занят, к сожалению,
Готовлюсь к выступлению.

Чего и ждать от скрипача!
Боится он, небось, мяча!

Да хоть бы он умел играть
На своей скрипучке!
Играл бы, что ли, всякие
Хорошенькие штучки,

А то он пилит целый день
Одну и ту же дребедень.

Идёшь ещё по лестнице,
И слышится вдали:
— Тили-пили, тили-пили,
Тили, пили, пили...

— Что он там пилит, наш сосед? —
Спрашиваю маму.

— Он не пилит, — был ответ, —
А играет гамму!

Тут мама стала объяснять,
Что надо упражняться,
Что я бы, чем мячи гонять,
Мог тоже подзаняться,
Что без ученья нипочём
Не станешь даже скрипачом.

В общем, из-за этих гамм
За уроки сел я сам.
Я ему за эти гаммы
Как-нибудь ещё задам!

* * *

А на днях билет мне дали
На концерт в Колонном зале.

Был замечательный концерт!
Я не скучал нисколько.
Вдруг,
Совсем уже в конце,
Выходит этот Толька.

В костюмчике
С воротничком,
Со скрипкой
И со смычком...

Я затрясся прямо:
Сейчас начнётся гамма!

— Давай скорее уходить, —
Толкаю я соседа, —
А то он как начнёт зудить,
Не кончит до обеда!

— Ти-и-ше! — сзади закричали.
Я и встать-то не успел.
Слышу, тихо стало в зале.
Кто-то, слышу, вдруг запел.

Неужели это скрипка?
Тут какая-то ошибка!

Я смотрю на сцену —
Нет, ошибки нет!
Там стоит со скрипкой
Толя, мой сосед!

Играет, не боится!
А ведь кругом народ!..
Скрипка, словно птица,
Поёт, поёт, поёт...

Но вот она умолкла,
А зал
Загрохотал.
Я как крикну:
— Толька!
Ну, что ж ты перестал?

Сосед толкнул меня плечом:
— Ты что, знаком со скрипачом?
И я ответил с торжеством:
— Да мы же вместе с ним живём!

.....
Домой нам было по пути.)
Он дал мне
Скрипку
Понести!..

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Рисунки П. Кирпичёва.

МОНАХ И ШКОЛЬНИК

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

Один монах обучал в школе детей. Больше всего на свете он любил поесть и поспать. И каждый раз перед тем, как отправиться к ученикам, он так наедался, что еле двигался.

Придя в школу, монах скоро погружался в дремоту и спал до тех пор, пока удар колокола не возвещал об окончании занятий.

И был среди учеников школы сын бедного крестьянина. Его звали Ли. Однажды Ли обратился к монаху:

— Почтеннейший и высокочтимый учитель! Осмелюсь спросить вас, почему вы на всех уроках спите?

— Друг мой!—ответил без всякого смущения монах.— Ведь это только кажется, что я сплю. А на самом деле я в эти минуты встречаюсь с Буддой и

слушаю его мудрые речи. Поэтому я и стараюсь спать как можно больше.

Случилось так, что Ли всю ночь ухаживал за больным отцом, а утром, придя в школу, уснул на уроке. Он спал так крепко, что даже не слышал удара колокола, от которого проснулся монах.

Увидев спящего ученика, монах пришёл в ярость. Он схватил Ли за ухо и закричал:

— Ах ты, черепашьё яйцо! Как посмел ты уснуть на моём уроке?

— Господин учитель,—молвил Ли.— Это только кажется, что я спал. Я был у Будды и слушал его мудрые речи.

— Что же тебе сказал всемогущий Будда?

— Всемогущий Будда сказал мне: «Никогда в жизни не видел я твоего учителя».

Пересказал Н. Ходза.

ПОЧЕМУ ПТИЧКА УЛИНЦЫ ОСТАЛАСЬ БЕЗ ПЕРЬЕВ

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

У мудрого феникса — царя птиц — был день рождения. Пожелать ему «десять тысяч лет жизни» собралось великое множество птиц: прилетели тонконогие аисты, чёрные журавли, серебристые фазаны, розовые пеликаны и ещё много-много разных больших и маленьких птиц; даже зловещая сказочная птица сушун — и та прилетела поздравить феникса.

Было очень весело и шумно. Свистели иволги, заливались жаворонки, громко и хрипло каркали вороны. Сотни птиц стояли справа и слева от феникса и приносили ему свои поздравления. На фениксе были надеты длинные разноцветные одежды, сидел он на высоком золочёном троне, ласково смотрел на всех и с благодарностью выслушивал пожелания счастья и долголетия.

Вдруг мудрый феникс заметил в отдалении маленькую птичку улинцзы. Выглядела она очень жалкой и ободранной, на ней не было ни одного пёрышка, и она испуганно жалась в углу. Тогда феникс обратился к птицам, что стояли рядом:

— Вы все сегодня такие нарядные пришли поздравить меня. Почему же у маленькой улинцзы нет ни одного пёрышка?

— А мы даже не обратили на это внимания. Все уже привыкли к тому, что улинцзы рождаются без перьев, — ответила иволга.

Выслушав слова иволги, мудрый феникс сказал:

— Остроклювые! Небо обидело улинцзы, и нам нужно помочь ей.

Пусть каждый из нас вырвет у себя по одному пёрышку, и мы нарядим улинцзы, чтобы она стала похожа на всех других птиц.

Все так и сделали.

Птичка улинцзы надела на себя перья и стала такой красавицей, что многие даже позавидовали ей.

И сама улинцзы была очень довольна. Она любовалась своим нарядом и наконец не выдержала, захлопала крылышками и запела:

— Чжи-чжи-ча! Чжи-чжи-ча! После феникса нет птички лучше меня. Нет птички красивее меня!

Услышали это птицы и рассердились:

— Посмотрите-ка на улинцзы! Забыла, что все пёрышки-то наши! А ну-ка отберём у неё свои перья!

Птицы окружили хвостую и вырвали у неё все пёрышки.

Насмерть перепуганная, ободранная и жалкая улинцзы снова испуганно забижалась в угол.

— Вы правильно поступили, остроклювые, — сказал мудрый феникс. — От чистого сердца помогли вы улинцзы, а она возгордилась и даже перестала смотреть на вас! Теперь-то уж никто из птиц не даст ей больше ни одного пёрышка.

Улинцзы стало стыдно, она покраснела, но, конечно, ничего не могла возразить царю птиц.

Вот почему у птички улинцзы так и нет перьев.

Перевёл и обработал
А. Гиттельсон.

ТРИ ГЛУПЦА

БИРМАНСКАЯ СКАЗКА

Однажды кролик — а вы ведь знаете, среди зверей он сльвёт мудрецом — сидел под деревом и размышлял о жизни.

— Мир полон тревог, опасность подстерегает на каждом шагу, — сказал он сам себе. — Во-первых, может случиться стихийное

Кролик и не подозревал, что три обитателя джунглей услышали его и на смерть перепугались. Это были чибис, земляной червяк и обезьяна.

Чибис пришёл в ужас при мысли о стихийных бедствиях и со слезами проговорил:

— А вдруг небо свалится на меня, когда я буду спать?! Хорошо ещё, если оно упадёт днём — я смогу улететь прочь. Но если оно упадёт, когда я сплю, оно же раздавит меня!..

Земляной червяк испугался голода:

— О, если истощатся запасы почвы, которой я питаюсь, тогда я умру, умру!..

А обезьяна сразу же подумала о ворах и разбойниках и со слезами на глазах сказала:

— Больше всего на свете я дорожу землёй. Но на ночь мне приходится покидать её, потому что я привыкла спать на дереве. Что, если воры и разбойники придут и украдут землю, пока я сплю?!

С тех пор чибис всегда спит на спине, задрав свои крошечные лапки, чтобы подпе-

бедствие, например, землетрясение, обвал или ураган. Во-вторых, всё время боишься голода: ведь запасы пищи и воды могут истощиться. И, наконец, в любой момент на тебя могут напасть воры или разбойники...

Тут кролик вспомнил о каком-то важном свидании и убежал.

реть небо, если оно вдруг рухнет. Земляной червяк тут же выплёвывает всё, что съедает, чтобы не уменьшать запасы почвы. А обезьяна каждую ночь трижды спускается с дерева, чтобы пощупать землю и убедиться, что воришки ещё не украли её.

Перевела И. Архангельская.

МОТЫЛЕК

ВЬЕТНАМСКАЯ СКАЗКА

Жил-был смелый и отважный юноша Нок Фан Ни. Родители его были бедны. У них не было ничего, кроме маленького кусочка рисового поля, и им приходилось работать у помещика из-за куска хлеба.

«Так жили предки, так будут гнуть спины на чужих полях потомки», — с горечью думал Нок Фан.

Правда, по ночам у костра бедняки шёпотом рассказывали о бунтах против господ, о справедливых и отважных борцах, которые прячутся в горах и вот-вот придут в долину, чтобы покарать богачей... Но Нок Фан не верил этим рассказам. По вечерам он уходил в джунгли. И там среди зарослей лиан он искал расщелин и трещин, ведущих вглубь скал. Нок Фан мечтал найти клад. Но вместо клада ему попадались только клубки змей, спящие мыши да родники, журчащие среди ущелий.

Нок Фан возвращался домой разочарованный и злой. С пренебрежением смотрел он на работающих родителей и выслушивал их бесконечные жалобы. А когда слышал шёпот об отважных борцах против господ, только пожимал плечами и презрительно улыбался: «Что можете сделать вы, слабые, беззащитные люди? Погодите, я один сделаю гораздо больше, только бы отыскать клад».

И он сторонился людей и предавался мечтам.

Однажды Нок Фан увидел большого мотылька. Мотылёк то садился на цветок, словно поджидая, пока Нок Фан подойдёт к нему, то поднимался и летел дальше. Казалось, он куда-то звал Нок Фана.

Но вот мотылёк залетел в гущу деревьев, припал к скале и исчез. Разыскивая его, Нок Фан внезапно увидел в расщелине ска-

лы узкий проход. Он наломал бамбука, зажжёг его и, освещая себе путь, пошел вперёд.

Дно расщелины, заваленное камнями, круто спускалось вниз. Бамбук пылал ярко, и в красном отблеске пламени Нок Фан увидел какие-то таинственные знаки на стенах. Сердце его забилося. Он был уверен, что нашёл наконец клад.

Когда бамбуковый факел догорел, Нок Фан пошёл дальше ощупью. Долго, очень долго он блуждал в лабиринте скал. Порой ему казалось, что он слышит в темноте чьи-то лёгкие шаги, шёпот, тихий смех. Но стоило ему остановиться и окликнуть таинственных невидимок, как всё затихало и только с потолка пещеры звучно падали капли воды.

Измученный бесплодными поисками, Нок Фан опустился на землю, покрытую сухим мхом, и заснул.

Проснувшись он от лёгкого дуновения ветерка. Над ним склонилась девушка в желтом платье с веером в руке. Нок Фану показалось, что он уже где-то видел ее. Да ведь это мотылек, который заманил его сюда!

Нок Фан поднялся и пошёл за девушкой. Темнота редела, впереди забрезжил голубой свет. Это был выход из пещеры. Глазам Нок Фана открылась долина: поля зрелого риса, деревья, сгибающиеся под тяжестью плодов. Когда он проходил мимо людей, они приветствовали его легкой улыбкой. Все они двигались лениво и медленно.

— Где мы? — спросил Нок Фан у девушки.

— В подземном царстве, — ответила она. — Ты будешь здесь счастлив.

— Здесь всё так же, как на земле: деревья дают плоды, колосится рис, цветут цветы...

— Да, но здесь нет времени. Поэтому здесь никто никуда не спешит. Здесь гаснут все желания и стремления, да и чего желать: деревья здесь вечно дают плоды, вечно колосится рис...

Нок Фан остался в подземном царстве. Он женился на девушке-мотылке. Жизнь их текла мирно и безмятежно. Лёжа в мягкой траве, Нок Фан слушал пение птиц, смотрел в небо, на котором никогда не появлялись ни солнце, ни тучи... Но хотя солнце и не всходило, в подземном царстве всегда было светло, так как свет излучали деревья, плоды, листья, вода и люди.

Трудно сказать, сколько прожил так Нок Фан. Но вот однажды...

Однажды Нок Фан занозил себе руку колючкой. Он почувствовал боль и увидел каплю своей крови — настоящей, красной, горячей крови. И вдруг он вспомнил своё село, родителей, братьев, сестёр, старые домики на сваях, укрытые в тени густых деревьев. Его охватила щемящая тоска по родной земле. Он уже не мог больше оставаться в подземном царстве и решил во что бы то ни стало попасть домой.

Нок Фану преграждали путь грозные скалы. Когда он, голодный и израненный, выбивался из сил, перед ним появлялись прекрасные светящиеся плоды и вечно шелестящие

тяжёлыми, спелыми колосьями поля, маня его вернуться обратно, но он упорно стремился выбраться из подземного царства, снова увидеть солнце, твёрдые и колючие кустарники, терпкие апельсины.

И вдруг подземное царство помрачнело, погасло. Нок Фан оказался снова в той же пещере, где увидел девушку.

Долго пробирался он в темноте. Наконец вышел на солнечный свет. Облегчённо вздохнув, он огляделся и побежал в сторону родного села. Но всё было странно и чуждо вокруг. Новые дома стояли у рисовых полей, незнакомые, странно одетые люди погоняли буйволов. Нок Фан дружески приветствовал их, но все смотрели на него с удивлением.

Нок Фан долго ходил по селу в поисках своего дома. Дома не было. И только громадные банановые деревья что-то смутно ему напоминали. Он вспомнил, как именно здесь сажал вместе с отцом бананы, как подавал он отцу маленькие саженцы, как засыпал землёй корни. Неужели это те деревья так разрослись? Они выглядели, как столетние гиганты.

Встретив возле банановых деревьев молодую девушку, Нок Фан спросил у неё, не знает ли она семью Ни. Девушка ответила, что она сама из этой семьи.

Нок Фан схватил её за руки, умоляя сказать хоть что-нибудь о его родителях, о братьях и сёстрах. Девушка слушала его с испугом. Наконец она ответила, что все они давно умерли... Она вспомнила даже имя Нок Фана. Да, да... Ей рассказывали, что когда-то давно-давно был такой юноша, он заблудился в пещерах, и никто не смог даже след его найти.

— Это я! Это я! — воскликнул Нок Фан.

Но девушка вырвалась из его рук и стремительно убежала.

Тогда Нок Фан понял, как он одинок, понял, что он чужой здесь. Опустив голову, он пошёл по дороге куда глаза глядят.

Нок Фан потерял своё время — то драгоценное время, которое другие тратят для труда и борьбы.

Нок Фан Ни зря прожил свою жизнь.

Записал польский писатель
Войцех Жукровский.
Перевёл А. Былинский.

НА ЖАТВЕ. ЛЕТО.

А. Венецианов.

ВОТ ТЕ И БАТЬКИН ОБЕД!..

А. Венецианов.

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

И. Халтурин

Бывают лица на первый взгляд как будто неяркие, но врезающиеся в память. Вот так же и с картинами Венецианова. Они могут не поразить при первом взгляде: нет в них ни эффектного сюжета, ни блеска красок. Но, увидев их однажды, всё будешь вспоминать и раздумывать над ними. Венецианов привлекает нас, трогает наши сердца удивительной искренностью своих картин, своим душевным отношением к жизни, своей любовью к простому народу.

Художник Алексей Гаврилович Венецианов родился 175 лет назад.

Всерьёз заниматься живописью Венецианов начал уже будучи взрослым человеком. «Я не воспитанник Академии, не готовил себя быть художником и стал им, любя художество», — писал он впоследствии.

Уже первые работы Венецианова принесли ему славу. Он мог бы стать одним из первых портретистов своего времени. Но художник выбрал другой путь. В 1820 году, сорокалетним человеком, Венецианов уехал из Москвы в своё небольшое имение Сафоновку в Тверской губернии. Здесь, в деревне, он со страстью принялся писать картины из крестьянской жизни.

«Наконец, мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких к его сердцу и к нашему, — и совершенно успел в этом, — писал о художнике один из его современников. — Подвиг Венецианова тем еще значительнее, что, без сомнения, обратит многих художников к последованию ему...»

Венецианов жил в тяжёлое, страшное время крепостного права. Крестьяне тогда считались собственностью дворян. Помещик мог проиграть крестьянина в карты, променять на какую-нибудь вещь, продать как товар. На ярмарках рядом с домашней скотиной и съестными припасами продавались взрослые крестьяне и дети, продавались семьями и в розницу. В газетах того времени появлялись такие объявления:

«В 15 части 2 кварт. в Четвертой Мещанской под № 111, продается девка, умеющая бельё шить и в тамбуре, гладить и крахмалить, отчасти кушанье готовить... Тут же продаются брильянтовые вещи и цветные каменья; да бык и корова хорошей породы...»

Крестьян не считали людьми, и, конечно, художники не их делали героями картин.

Художники XVIII века писали главным образом портреты царей и цариц, полководцев, вельмож, разряженных придворных дам. Они изображали дворцы, роскошные комнаты, дворцовые парки.

А Венецианов в одной из первых своих картин показал молотьбу, гумно. Труд крестьян посвящены и картины «Очищение свёклы», «На пашне», «Сенокос». Художник смело перенёс место действия «из дворца в хижину». Мир, который он любил и хотел изображать, — русская деревня, её природа, родная земля и те, кто на ней работают, — крестьяне.

Посмотрите картины, которые помещены у нас в журнале.

Вот «Захарка». Какой у этого крестьянского мальчика пытливый взгляд, сколько энергии, ума, воли в его лице! Видно, что это уже настоящий работник в семье. Так и кажется, что он сейчас скажет о себе, как Некрасовский «Мужичок с ноготок»:

— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я.

Образ Захарки очень близок некрасовским образам крестьянских детей; это их предшественник в русском искусстве.

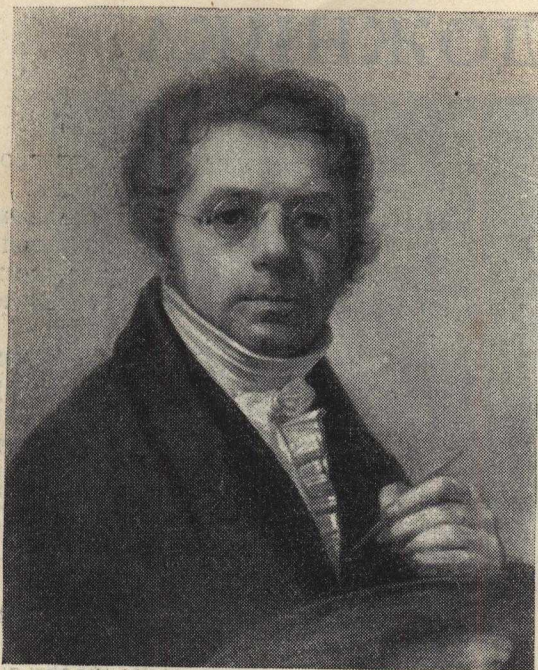
На другой картине Венецианова, «Вот-те и батюкин обед!», герой — тоже крестьянский мальчик. Он совсем не похож на Захарку, у него иной характер, — видно, мягкий, уступчивый, немного мечтательный. Венецианова интересуют эти ребятишки, и для него очень важно понять и особенности их характеров, и их обиды, радости, печали.

Посмотрите на портреты девушек — и здесь Венецианов стремится показать душу человека, прекрасную душу русской женщины из народа.

В картинах Венецианова вы видите крестьян на отдыхе и в труде. Вот картина «На жатве. Лето».

...Поля, залитые июльским солнцем, суслоны сжатого хлеба, волны золотистой ржи... Кажется, можно ехать сотни вёрст и дальше — всё будут такие поля... поля... Величавая и прекрасная родная природа. И величавые, прекрасные люди, создавшие это обильное урожаем.

Посмотрите на крестьянку на переднем

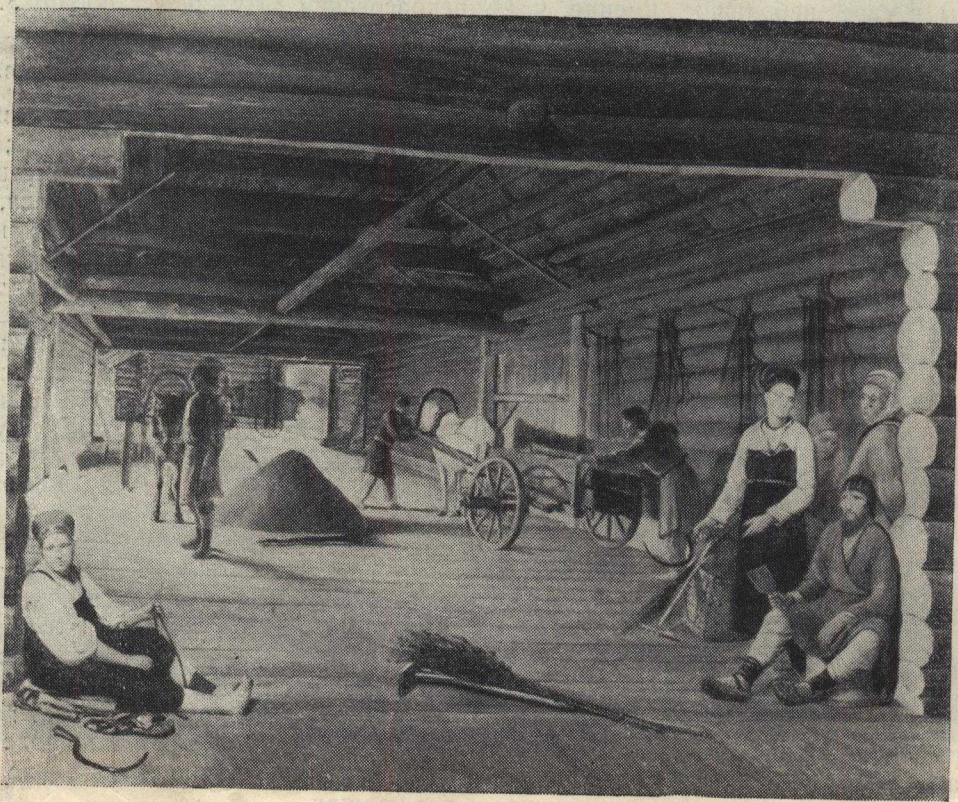
Автопортрет.

плане. От зари и до зари трудится она в поле. А вот сейчас, в короткую минуту пере-
дышки, она с нежностью кормит своего ре-
бёнка. Нелегка её доля — доля крепостной
рабы. Но художник не показал её забитой
холодкой. Облик крестьянки полон благо-
родства. Это человек, сознающий своё до-
стоинство.

Венецианов возвеличивает в своих карти-
нах образ крестьянина, показывает его бла-
городным, возвышенным. Художник созда-
вал свои картины после Отечественной вой-
ны 1812 года. Это они, крестьяне, сражав-
шиеся в рядах армии и в партизанских отря-
дах, прогнали грозного врага с родной земли.
Венецианов видел силу народа и вместе с
другими передовыми людьми России восхи-
щался ею.

Он настойчиво говорил каждой своей кар-
тиной: посмотрите, ведь это же люди, и ка-
кие люди! Они находятся в рабстве, но
смотрите, как они трудятся, сколько красоты
в их лицах, ума и пылкости в их глазах...

Его картины были немой упрёком тем,
кто держал народ в рабстве.

Гумно.

Захарка.

Девушка с бурачком.

Такая живопись не могла понравиться барам-крепостникам. Произведения подлинно народные подвергались тогда гонениям и осуждению. Когда появилась поэма Пушкина «Руслан и Людмила» — а это было примерно в то время, когда Венецианов работал над своей картиной «Гумно», — дворянское общество встретило поэму с возмущением. Оно ставило в упрёк Пушкину «простонародный» язык поэмы. «Вестник Европы» писал, что появление её так же неуместно, как если бы в «благородное собрание как-нибудь втёрся (предполагаю невозможное возможным) гость с бороною, в армяке, в лаптях и закричал зычным голосом: «Здорово, ребята!».

В те же годы гениальная музыка Глинки пренебрежительно отвергалась знатью как «кучерская музыка»... Всё, что было проникнуто сочувствием к народу, подвергалось гонению дворянского общества.

Венецианов близок в своём творчестве Глинке и Пушкину. Его также вдохновляла любовь к народу.

Этот замечательный художник навсегда останется в истории русского искусства. Он был одним из первых, кто в своих картинах создал замечательные образы русских крестьян.

Девушка с васильками.

В ОДНОЙ ДРУЖИНЕ

Как много нового можно узнать в школьных кружках! После уроков обыкновенные школьники вдруг превращаются в географов, радиотехников, садоводов, строителей, музыкантов, физиков, актёров. Здесь они не только узнают, что открыто и сделано другими: здесь они всё могут делать сами...

Хорошо, когда в школе много кружков! На этих страницах вы познакомитесь с одной из таких школ. Она находится в Бауманском районе Москвы. Это школа № 538. Прочитав, что рассказывают ребята о своих кружках, вы сами увидите, как хорошо и дружно может идти жизнь дружины, если пионеры трудолюбивы и любознательны.

«Будённовец»

Есть в Москве кинотеатр «Будённовец». Он отличается от других тем, что в нём и директор, и киномеханики, и билетёры, и дежурные-распорядители — все школьники. И это не удивительно, потому что «Будённовец» — наш школьный кинотеатр и работают в нём члены нашего кинокружка.

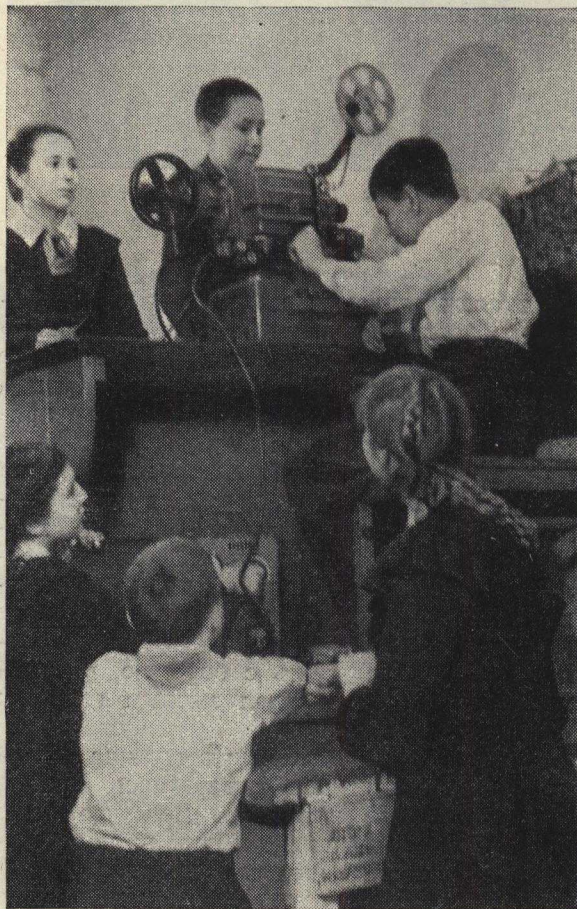
Как только появился у нас в школе свой киноаппарат, так сразу же и открылся кружок киномехаников.

Желающих вступить в него оказалось очень много. Записывались и мальчики и девочки.

В кружке очень интересно. Ведёт его студент МВТУ Лёня Искель. Он объясняет нам, как устроен аппарат, как он действует и как надо им управлять. Некоторые ребята уже научились, а остальные ещё учатся.

Иногда, конечно, бывают у нас на киносеансах ошибки и из-за них всякие смешные происшествия.

Киолента одного фильма разделена на части. Каждая часть смотана отдельным диском. И вот, когда мы показывали кинофильм «Тарас Шевченко», ребята, которые в этот день были дежурными киномеханиками, перепутали диски. После первого они пустили сразу одиннадцатый, а потом уже спохватились и показали второй. Ребят в зрительном зале сперва очень удивило, а потом рассмешило, как странно у Тараса Шевченко изменился возраст. Сначала они видели на экране молодого Шевченко, потом он вдруг сразу постарел, а потом опять помолодел. Мы тогда поняли, как нужны в нашем деле внимание и аккуратность.

У дежурных киномехаников всегда много добровольных помощников.

А то однажды было ещё так: идёт картина, пустили вторую часть, а звук пропал, киноактёры шевелят губами, но зрители ни-

чего не слышат. В кинобудке заметили беду. Чего только не делали наши киномеханики! Смотрели плёнку, проверяли киноаппарат, думали уже, что он испорчен. Так и прокрутили всю вторую часть без звука. А потом отыскивали неполадку. Дело в том, что по всей киноплёнке рядом с изображением идёт звуковая дорожка. Она в различных местах разной ширины. От неё падает на фотоэлемент в киноаппарате то больше, то меньше света, а в фотоэлементе от этого возникает то сильный, то слабый ток. Эти изменения тока передаются в прибор, который превращает их в звук. Когда на фотоэлемент совсем не падает свет, никакого звука не получается. Мы забыли открыть заслонку у фотоэлемента, вот и вышло «немое кино».

Тогда мы снова пропустили вторую часть — и зрители были очень довольны, киномеханики тоже.

Всё нам нравится в нашем кинотеатре. Только жаль, стульев не хватает. Перед сеансом мы их приносим отовсюду: из буфета, из всех классов — и всё равно мало. Но скоро начнёт работать столярная мастерская. Первое, чем займутся ребята-столяры, — это сделают скамейки для кинозала. Мы с нетерпением ждём открытия мастерской.

Очень интересно в школе, когда есть свой киноаппарат. Мы показываем не только художественные фильмы, но ещё устраиваем киноуроки по географии, по естествознанию, по истории, литературе.

*Киномеханики Дима Лонин,
Витя Жарков, Ира Терентьева,
ученики 6-х классов.*

М и р ч и с е л

Как прочесть такое число: 70 000 000 000 000 000? Мы, конечно, не знали этого раньше, когда не занимались в нашем математическом кружке. А теперь знаем. Это число означает семьдесят квадриллионов. Прочесть его трудно, а представить себе, какое оно большое, ещё труднее.

Мы, например, в кружке решали с помощью устного счёта задачу: «До какого числа может досчитать человек, если будет считать 50 лет по 300 дней в году, по 10 часов в день, по 60 единиц в минуту?» Оказалось, что за 50 лет таким образом можно досчитать до пятисот сорока миллионов. Но, чтобы сосчитать до семидесяти квадриллионов, считая с такой же скоростью, надо считать столько времени, сколько существует наша Земля, — около семи миллиардов лет.

Велика ли толщина спички? Миллиметра два, не больше. Но если взять семьдесят квадриллионов спичек и положить их рядышком, вплотную друг к другу, получится лента длиной в сто сорок миллиардов километров; это только чуть-чуть меньше, чем расстояние от Земли до Солнца.

Вот как это много — семьдесят квадриллионов! А какое самое большое число? Оказывается, такого числа нет. Какое бы огромное число ни взять, всегда к нему можно прибавить ещё хотя бы единичку.

В своём кружке мы узнаём очень интересные вещи. Когда Юля Воробейчик делала доклад, она рассказала, что первобытные, пещерные люди умели считать только... до двух! Про всё, что больше двух, они говорили «много». И деревьев в лесу «много», и зубов во рту «много».

Потом она ещё рассказала, что первыми счётами были пять пальцев руки. Люди научились считать до пяти, потом — до десяти и стали считать пятками, десятками.

Мы выпускаем стенгазету «Юный математик» и помещаем там всякие задачи, заметки обо всём, что узнаём интересного по математике, чтобы и другие ребята её полюбили.

*Эмма Эз,
7-й класс «Б».*

3

III

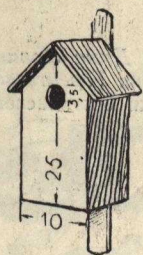
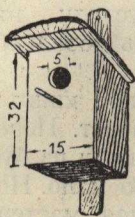
Г

八

春

PP

Г

Подготовка к весне идёт полным ходом. Прилетайте скорее, крылатые друзья!

Птицестрой

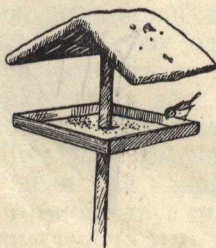
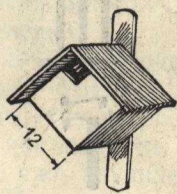
Началось это с того, что на одном из занятий кружка юннатов Анна Алексеевна сказала нам: «Приближается День птиц. Хорошо ли вы знаете наших пернатых друзей и как заботитесь о них?»

Оказалось, что только у нескольких ребят за окном есть кормушки для зимующих птиц. Остальным нечем было похвалиться. Тогда мы достали в библиотеке книжки про птиц и стали читать. Один подготовил доклад про перелётных птиц, другой — про зимующих, третий — о том, каких вредителей уничтожают разные птицы. Мы узнали, как привлекать и охранять птиц и какие гнездовья можно для них устроить. Другие ребята делали чертежи скворещен и дуплянок. Раздобыли доски, гвозди, пилы, молотки и начали строить птичьи домики. Этим делом занимались не только юннаты, но все, кто хотел. Ко Дню птиц было готово сто десять птичьих домиков: скворещен, синичников и дуплянок.

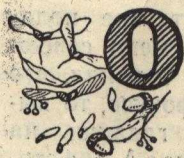
Мы нарисовали красивые плакаты и лозунги об охране птиц, смастерили костюмы и маски, нарядились птицами, построились в колонну и с песнями пошли в Зоопарк. Прохожие останавливались, читали наши плакаты и разглядывали птичьи домики, которые мы несли на шестах. В Зоопарке был интересный и весёлый праздник. Там выступали учёные, артисты, детские писатели и юннаты.

День птиц стал у нас в школе любимым праздником. Мы задолго начинаем к нему готовиться и каждый раз придумываем что-нибудь новое. У нас есть свои мастера по дуплянкам, по синичникам. Десять наших лучших скворещен развешаны на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Вера Борисова, Валя Юдаков,
6-й класс.

Сады в копилке

Однажды осенью у нас в школе появились большие плакаты: «Украсим Родину садами и лесами!», «Собирайте семена фруктовых и лесных деревьев!», «Открываем мичуринскую копилку!»

Эти плакаты нарисовали и развесили члены юннатского кружка. Они рассказали о мичуринской копилке на пионерских сборах, объяснили ребятам, где и какие семена собирать и как их упаковывать. И вот началось соревнование: кто больше семян соберёт. Пионерские отряды и звенья отправились в поход за семенами. Ребята ездили за город, ходили в парки, искали семена под деревьями, растущими на улицах и во дворах. Каждый твёрдо усвоил правило: съел сливу, яблоко, грушу — косточки в копилку.

Скоро в биологическом кабинете появились целые штабеля спичечных, папиросных и конфетных коробок, груды бумажных и матерчатых мешочков, наполненных семенами. Когда семена сдали в районную мичуринскую копилку, оказалось, что наша школа собрала семян больше всех.

Семена мы собираем не только осенью, но и летом и зимой. Учительница биологии Анна Алексеевна только напоминает нам, когда какие семена поспевают.

Недалеко от Москвы есть Мытищинский лесопитомник. Пионеры нашего района посылают туда семена, а там из этих семян лесоводы выращивают саженцы деревьев. В питомнике уже есть пионерская сливовая роща. Мы тоже собрали много сливовых косточек, — значит, в роще есть и наши деревца. Нам очень хочется посмотреть эту рощу. Летом обязательно съездим в лесопитомник.

Ещё мы собираем семена для совхоза «Москвич». Это новый совхоз. Он находится

в Акмолинской области Казахстана. Там живут комсомольцы, они приехали, чтобы поднимать целину. Конечно, они ещё не успели посадить деревья в своём посёлке. Нам захотелось помочь им. Вот мы и собираем для новосёлов посылку с семенами деревьев и цветов.

Серёжа Самойлов,
6-й класс.

Музыкальный кружок организован недавно, но члены кружка занимаются усердно. Валя Бушминская уже умеет играть на аккордеоне вальс.

Голос деда Мороза

Мы собрались у ёлки в нашем зале, когда вдруг на всю школу раздался весёлый голос деда Мороза:

— С Новым годом, ребята!

Как мы обрадовались, услышав этот голос! Ведь это было не простое поздравление, оно означало, что начал работать наш школьный радиоузел! Ребята из радиокружка под руководством наших шефов — студентов МВТУ — закончили проводку и монтаж радиоузла. Теперь жизнь у нас в школе будет ещё интереснее.

Галя Кесарева,
7-й класс «Г».

В фотокружке

записался в фотокружок и очень доволен. Фотоаппарат мне подарили давно, целых три года назад, а снимков хороших у меня совсем мало. Сначала мне казалось, что снимать легко. Но потом я понял, что это вовсе не так. То у меня изображение получалось не в фокусе, то выдержка неправильная, то фон плохо выбран. Иной раз глядишь на неудачный снимок и никак не поймёшь, в чём твоя ошибка. А в фотокружке совсем по-другому: чего не знаешь, то объяснит руководитель, и с ребятами посоветуешься. Сейчас мы общими силами хотим оборудовать свою школьную фотолaborаторию.

Мы уже решили: когда научимся получше снимать, будем выпускать фотогазету и показывать в ней всю жизнь нашей школы.

Андрей Серёгин,
7-й класс «Б».

На снарядах

В самом начале учебного года у нас был большой спортивный праздник. Все ребята с нетерпением ждали гостей. И вот они приехали. Это были прославленные гимнасты: абсолютный чемпион мира Му-

ратов, заслуженный мастер спорта бывший чемпион Москвы Корольков, мастера спорта Юрков, Буров, Липатов и Кошеляев. Все они учились в нашей школе, у того же учителя физкультуры, который учит теперь нас и руководит нашей школьной гимнастической секцией.

Начались спортивные выступления. Сперва выступали наши школьные гимнасты, и мальчики и девочки. Я тоже в их числе. Мы очень старались, чтобы всё выходило красиво и правильно! Конечно, и мы сами и ребята в зале волновались: что скажут мастера про нас?

А потом стали выступать наши гости. Вот тут-то мы увидели настоящее мастерство.

Когда Муратов выполнял какое-нибудь упражнение, у всех даже дух захватывало и стояла такая тишина, будто в зале никого нет. Как здорово у него всё получалось! Недаром же он победил гимнастов всего мира!

Когда кончились выступления, мы окружили гостей и стали расспрашивать их, в каких странах они выступали, как проходили эти состязания. А они расспрашивали, как мы учимся и как занимаемся гимна-

Отряд 3-го класса «А» решил поставить весёлую пьесу «Андрейкина радость». Декорацию к спектаклю сделали ребята из кружка «Умелые руки».

стикой. Муратов рассказал нам о том, как он стал мастером, и о своих спортивных успехах. На прощание он нам сказал:

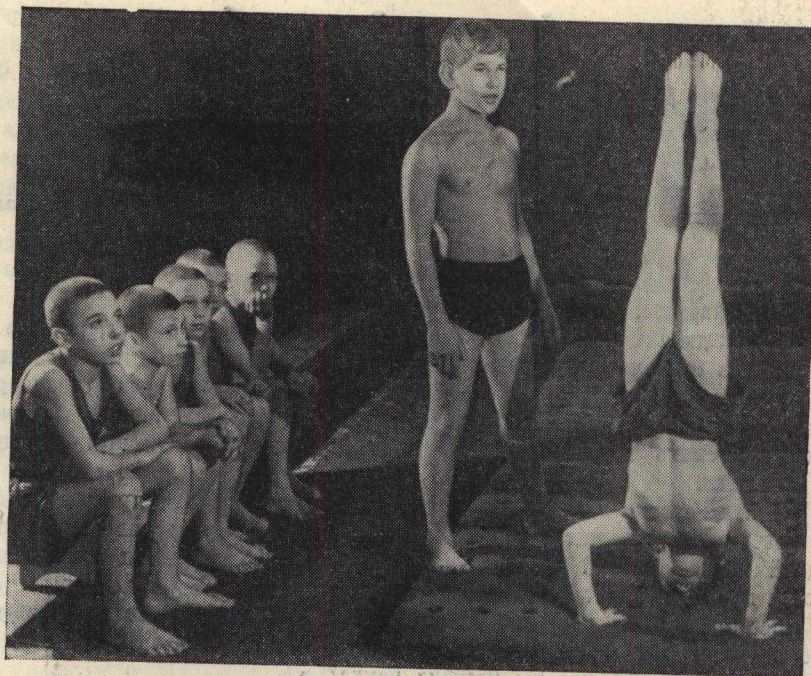
— У вас, ребята, замечательный учитель физкультуры. Любите и уважайте его!

Тут все закричали, что мы и так очень любим Виктора Александровича.

Мы рассказали, как у нас проходят тренировки. У нас всё идёт по тем же правилам, как у взрослых гимнастов в спортивных обществах.

Отработал одно упражнение, можешь идти дальше, разучивать новое. Но для этого надо сперва выполнить отработанное упражнение на зачёт, получить за него балл.

Очень неприятно, если все ребята тебя обгонят, а ты всё повторяешь одно и то же упражнение. Никто не хочет отставать, и у нас появляется такой спортивный азарт, что, кажется, гору своротил бы!

Готов ли к зачёту Слава Хованский? Хорошо ли он делает стойку? Володя Колчев внимательно смотрит. Ему Виктор Александрович уже доверяет обязанности инструктора.

А сейчас мы занимаемся особенно много, потому что готовимся к школьной спартакиаде.

Слава Хованский,
6-й класс «А».

Сражение на шахматной доске

Когда у нас открылась шахматная секция, записалось тридцать четыре человека. Мы ещё не знали, кто как играет, и поэтому наш руководитель предложил устроить турнир, чтобы мы могли помериться силами.

Турнир был в декабре. В нём принимали участие все тридцать четыре школьных шахматиста. Я набрал восемь очков из десяти и занял третье место. Но это было нелегко. Были у меня сложные партии и очень опасные положения.

Правила шахматной игры я узнал от папы, когда мне было шесть лет, и мне шахматы очень понравились. Я всюду искал противников: дома, во дворе, а потом и в школе.

А если не с кем было играть, играл сам с собой: и за чёрных и за белых.

В шахматной секции заниматься интересно потому, что мы здесь изучаем теорию,

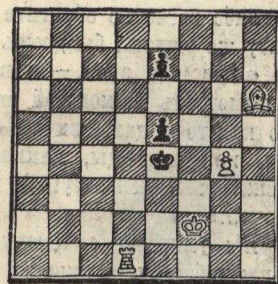
разбираем партии знаменитых шахматистов; решаем шахматные задачи.

Вот, например, задача, над которой интересно подумать. В этом положении белые должны сделать мат в два хода.

Наверно, потому нам всем и нравится так шахматная игра, что она требует точной работы мысли и умения предвидеть, что задумал другой.

Пять наших самых сильных шахматистов, победителей школьного турнира, будут участвовать в соревнованиях с ребятами из других школ. Я тоже буду играть. Мы, конечно, постараемся не посрамить свой коллектив!

Виталий Рухлов,
5-й класс «Б».

На Кофейной Гуще

Лев Успенский

Рисунки Е. Ведерникова.

Вы, наверное, читали «Приключения Гекльберри Финна»?

Однажды Гек Финн, сидя вечером в мезонине вдовы Дуглас, грустно размышлял в одиночестве о печальной судьбе хорошо воспитанных мальчиков.

«Вдруг померещилось мне, — вспоминает он, — будто слышу стон мертвеца... У меня сердце замерло от страха... Как нарочно, паук пополз по моему плечу. Я смахнул его, и — прямо на свечку, он в ту же минуту вспыхнул и съежился.

Я великолепно знал — это очень плохая примета: она предвещала беду! Я совсем струсил, мигом стащил с себя платье, перекрутился трижды на одной пятке, каждый раз крестясь, а потом туго перевязал ниткой прядь своих волос, чтобы отогнать нечистую силу. Но успокоиться не мог.

Все эти фокусы полезны, ежели ты нашёл и вновь потерял подкову. Но откуда я мог знать, что нужно делать, чтобы отогнать беду, если тебе до того не повезло, что ты погубил паука?..»

Вам смешно? А мне скорее грустно. Смелый, неглупый мальчуган вдруг совершенно одурел: крутится голый в пустой комнате на одной ножке, крестится, завязывает хохол на голове и всё из нелепого страха. Как же! Случилось нечто ужасное: он нечаянно раздавил паука! Что же происходит с Гекком?

Таким его сделала вера в приметы.

Перечитайте-ка ещё раз великолепную книгу Марка Твена, и вы сами ужаснётесь. Гек Финн жалел «воспитанных мальчиков» за то, что их по рукам и ногам связывают всевозможные приличия. А в действительности и он сам и его лучшие друзья были опутаны ещё более назойливой паутиной самых бессмысленных предрассудков, да притом ужасно мрачных и зловещих.

Увидев на небе тоненький серпик молодого месяца, вы либо полюбуетесь им, либо вовсе не обратите на него никакого внимания. А смелый Гекльберри сразу же ощутил бы дрожь ужаса.

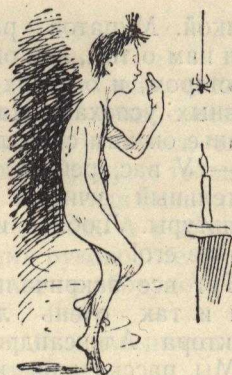
«Я всегда знал, — говорит он, — что нет на свете безумнее поступка, чем смотреть на молодой месяц через левое плечо. Старый Ганк Беккер сделал это как-то и даже кичился своей смелостью. Но что же? Не прошло и пары лет, как однажды, напившись вдрызгу пьяным, он свалился с башни и расшибся в лепешку! А все потому, что смотрел на месяц через левое плечо...»

Вы умираете со смеху: ну и чудак этот Гек! Пьяный лезет на крышу и расшибается, а виноват месяц, на который он взглянул «пару лет назад»! Что за глупость! Но Гек ведь вовсе не глуп; он суеверен. Правда, это одно другого стоит.

Трудненько жить на свете такому мальчишке. Всё вокруг грозит бедой, во всём скрыт какой-то страшный, тайный смысл.

Закричала сова — обязательно кто-нибудь в доме умрёт. Пролетел козодой — ещё того хуже. Завыла бродячая собака — и это к большой беде. Надо скорее выяснить, к кому она при этом стояла хвостом, а к кому мордой: тому-то и грозит несчастье!

Опрокинуть солонку — дурной знак. Страхнуть скатерть после заката солнца — да лучше повеситься! Начать дело в пятницу — безумие: пятница — «тяжёлый день»; вас обязательно постигнет неудача. Вот и запомни всё это и покрутись тут, чтобы ничего плохого не случилось!

Здравомыслящему человеку не то что смешно, ему просто досадно читать об этом. Понимаешь великого насмешника Твена, который всю жизнь зло издевался над подобной ерундой.

Но у героев Марка Твена есть хоть то оправдание, что они были невежественными американскими мальчишками прошлого века.

А вот скажите мне откровенно: у вас в классе или в доме нет среди ребят и взрослых таких Гексов и Джимов, которые в приметах «собаку съели»?

Я знаю одного юношу, кончающего среднюю школу. Парень он как будто неглупый, но твёрдо убеждён, что любой экзамен можно сдать на пятёрку, ничего не уча, если только во всё время испытаний не умываться. Весной на него смотреть противно: на шее чёрный воротник, руки точно в перчатках... А экзамены всё равно проходят неважно: должно быть, учителя этой приметы не знают. Впрочем, он сам объясняет неудачи тем, что его нет-нет, да и заставят вымыться.

Знаю я также одну девочку. Она никуда не пойдёт, если кошка перебежит ей дорогу. А если уж непременно нужно идти, скажем, в кино, так она, прежде чем пересечь «роковой след зверя», крутится, как Гек Финн, трижды на пятке.

А вот младшая сестра этой девочки кошек не боится, но зато, если она идёт в школу и опасается, что её спросят по арифметике, она трижды с размаху садится на задачник. По её словам, после такого упражнения, собственно, уже всё равно, как отвечать: пятёрка обеспечена. Такая удобная примета!

Есть у меня знакомая семья, куда не так-то приятно приходить. Там у всех нервная система не в порядке. И понятно, почему. Мама услышит, что Колька в комнате свистел, волнуется: ясно, теперь денег в доме не будет! Валя в отчаянии: обрывала лепестки ромашки, и на цветке оказалось чётное число лепестков, — значит, её не любят. Бабушка ходит злая: ей подарили серебряный ножик для фруктов, а дарёные ножи к несчастью. Тётя Нина в полной панике: на ёлке в Новый год остались гореть три свечки, и уж теперь, конечно, ей придётся умереть от чего-нибудь.

Фу ты, пропасть! Да как же можно жить, если верить во всё это! И, спрашивается, что же такое эти несчастные приметы? Откуда они взялись? Имеют ли они какую-нибудь силу и значение?

Попробую ответить на эти замысловатые вопросы.

Прежде всего, примета примете рознь. Точнее говоря, приметы бывают двух сортов: разумные и нелепые. И их надо уметь различать.

Есть у Пушкина великолепное стихотворение, так и озаглавленное —

Приметы

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, молодых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий
Иль бьющий в окна град...

В этих чудесных стихах поэт говорит о мудрых и полезных приметах. Явления мира связаны между собою: часто одно из них неминуемо влечёт за собой другое. Заметив первое, можно второе предсказать заранее, когда оно

ещё не произошло. Иногда эта связь очень проста, её может заметить каждый. Небо затянуло тучами: вероятно, скоро будет дождь. Сверкнула молния — это верная примета, что сейчас ты услышишь удар грома. Подобные вещи «предсказывать» так просто, что никто не видит тут ничего особенного, никаких «примет».

Но встречаются явления, которые связаны друг с другом не так просто и близко. Перед дождём ласточки начинают кружиться над землёй и водой. Перед ведром они, наоборот, весело выписывают свои виражи высоко в небе. Полёт ласточек издавна служит приметой погоды. Наши предки ещё в древности приметили связь между этими явлениями, только они не умели её объяснить.

А теперь мы знаем: ласточки не просто «танцуют» в воздухе, они гоняются за насекомыми, а насекомые устроены так, что их нежные тельца являются отличными «гигрометрами». Они чувствуют изменение влажности воздуха задолго до того, как его заметит наша грубая кожа. Приближающаяся сырость прижимает насекомых к земле — сюда за ними спускаются и ласточки.

Наблюдательные и умные предки наши, ещё не зная никакой науки, видели такие связи. Они стали предсказывать то, что ещё не случилось, но должно произойти. И такие предсказания часто были почти безошибочными. Опытных знатоков таких настоящих примет и сейчас легко встретить среди людей, близких к природе, — колхозников, охотников, рыболовов, моряков.

Но часто происходило и другое.

Когда-то в древности люди считали, что всё в природе одухотворено, всё обладает таинственной и скрытой от нас жизнью. Они думали, что вещи, растения, животные беседуют друг с другом, дружат, враждуют. Человек рождается и умирает, а они живут вечно. Наверное, древние камни или быстро бегущие реки мудрее человека. Так, может быть, они могут лучше нас знать и тайны будущего? И тот, кто научится разгадывать их невнятную речь, сможет предсказывать грядущее.

А нашим предкам очень хотелось овладеть этим искусством. Разве не удобно знать всё наперёд? Видя, что людям опытным и мудрым удаётся предвидеть ход явлений природы, они приписывали эту способность волшебству. А раз это — волшебство, то почему же, предсказывая такой пустяк, как завтрашний дождь, кудесник не сможет ничего сказать о том, что всего важнее для меня на свете: я или мой враг погибнет в бою, скоро ли выйдет замуж моя дочь, удастся ли мне овладеть богатством? Кудесник судит о дожде по каким-то «приметам». Ну, так и я буду по «приметам» судить о том, что должно случиться со мной. А что может служить такой «приметой»? Да, повидимому, решительно всё необычное, малознакомое, редкостное и особенно всё таинственное и жуткое.

Этим рассуждениям помогало и вот что. Если не знаешь действительных причин явлений, нелегко установить, какие из них зависят друг от друга, а какие — нет.

Разразилась гроза. Несколько дней спустя началось наводнение. Оно произошло после грозы и, очевидно, вследствие грозы: ливень вызвал разлив рек. Тут заключение справедливо.

Но ещё через два дня началась война. Она ведь тоже грянула после грозы! Почему же не считать, что гроза и войну предвещала?

Многие приметы, нелепые и вредные, сложились именно так. Наши далёкие предки не умели ещё отличать явления, случайно идущие друг за другом, от тех, которые друг с другом связаны, как причина и следствие. Много позднее люди подметили эту важную разницу и придумали мудрую поговорку: «После этого» не всегда значит «вследствие этого»! А в далёкие древние времена они не столько размышляли об огромном и суровом мире, окружающем их, сколько просто боялись его. Рядом с высокими горами, бесконечными далями, многовековыми деревьями, страшными животными невооружённые люди были такими слабыми и беспомощными! А особенно неодолимый страх овладевал ими в непроглядной темноте ночи, когда они не могли ничего видеть.

Очень любопытно поэтому, что во всякого рода «дурных приметах» большую роль играет именно чёрный цвет, цвет темноты, цвет мрака, а также всевозможные существа и явления, связанные с ночью.

Чёрные коты и порхающие только по ночам летучие мыши верой и правдой служат в сказках ведьмам и колдуньям. Чёрные псы, особенно когда они воют в глухую полночь, якобы предвещают несчастье. У многих народов чёрный цвет считается цветом печали, траура. Даже в человеческой выдумке — картах — и то чёрная масть считается плохой, неудачной мастью. Бесшумные совы, быстрые козодои, да и самые милые безобидные мышата — все они фигурируют в мрачных приметах, потому что их жизнь связана с мраком ночи.

Незнание и робость перед силами природы и породили большинство таких суеверных примет.

Так стоит ли верить в эти приметы?

Всем известно забавное и даже поэтичное гадание: кукушка кукует в светлом майском лесу, а девушки считают: сколько раз она выкрикнет своё звонко-печальное «ку-ку!», столько лет им и придётся прожить на свете.

Казалось бы, как знать: а вдруг да это правда?! Но подумайте вот над чем: голос кукушки в погожий тихий день слышен в круге диаметром примерно в километр. В таком круге в населённом месте одновременно слышат его десятки, иногда даже сотни людей, разных людей: ребят и седобородых старцев, молодых крепышей и умирающих больных, отчаянных забияк и девочек-тихонь. И что же, теперь всем им придётся умирать совместно только потому, что это им накуковала одна кукушка?

В детстве я узнал такую примету: если впереди стада вечером идёт в деревню красная корова, будет вёдро, если чёрная, значит, дождь. Мне очень хотелось, чтобы почаще светило солнце. Я выбегал каждый вечер навстречу стаду и непременно выгонял какую-нибудь «красуху» вперёд, оставляя позади всех её товарок чёрной масти. Моя бабушка с удовольствием отмечала, что первой прибыла красная телушка, и на другой день говорила: «Вот видите... Солнце, конечно, жарит во все лопатки!» Если же шёл дождь (что тоже случалось нередко), она сразу же забывала про эту примету и выдвигала другую: «Ну, понятно: даром у меня вчера кости ломило!» Бабушка даже не подозревала, что переменаи погоды самочинно заведовал я.

Приведу ещё третий пример, совсем из другой области.

За обеженным столом случайно сидели три немолодые женщины: русская, немка и армянка. На пол упала ложка.

— Ага! — обрадовалась русская. — Ещё какая-то женщина явится: ложка упала.

— Почему женщина? — удивилась немка. — Такая примета есть, но ведь что упало? Ложка! «Дер лёффель» — это мужской род. Должен придти гость — мужчина...

— Ну, что вы! — возмутилась русская. — Чтобы мужчина пришёл, должен ножик упасть.

Немка и тут не согласилась.

— Ножик? Неправда! Ножик по-немецки среднего рода: «Дас мессер»!

Армянка же вообще ничего не понимала в этом разговоре. Дело в том, что в армянском языке нет никаких родов: ни мужского, ни женского, ни среднего, как и в английском, как и в турецком. У этих народов такая примета просто никак не могла бы сложиться.

Вот мне и кажется, что эти примеры довольно хорошо показывают всю неосновательность и пустячность подобных примет. Разумеется, никакой связи между падением ножа или вилки и приходом гостя нет и быть не может.

Всякая такая примета есть как бы маленькое гадание. Многие приметы и выросли из различных гаданий, теснейшим образом связаны с ними. Но гадания — это особый и очень сложный вид вреднейшего суеверия. О них стоит поговорить отдельно: у них есть своё прошлое, своя длинная история. Мы это сделаем как-нибудь в другой раз.

ЛОДОЧНЫЙ МОТОР

Рассказ Иосифа Дика.
Рисунки Ф. Лемкуля.

В воскресные дни мальчишкой-первоклассником я очень любил гулять со своим дядей по Москве. Дядя Сима работал в каком-то статистическом управлении и часенько говорил, что ему по ночам снятся цифры. Он был невысоким, полным и толстой шеей и бритой головой походил на борца. Я замечал, что у дяди Симы одно ухо было маленькое, а другое — побольше, но ему об этом не говорил. А это, вероятно, произошло оттого, что он всё время дёргал себя за большое ухо.

сахар.— А теперь куда пойдём? За Можай или ближе?

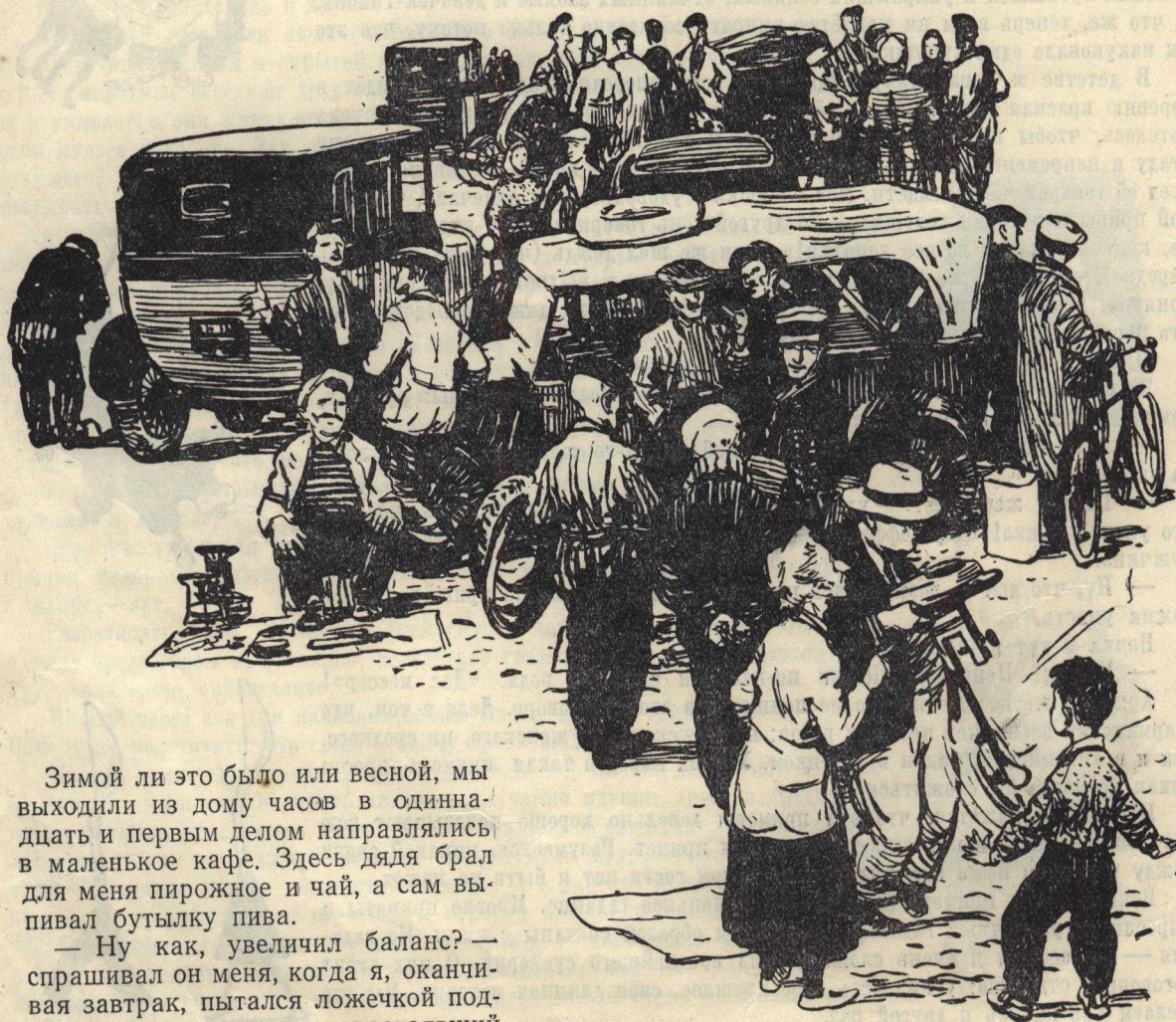
Довольный, отдуваясь, я хлопал себя по животу и тут же отвечал:

— Давай за Можай!

Дядя вытирал платком мой нос и, напевая военный марш — я вёл на губах партию барабана, — выходил из кафе.

Шагали мы с ним, куда ноги приведут.

Шли на Пушкинскую площадь, где в огромных окнах редакции газеты «Известия» красовались любопытные фотографии. Отправлялись в Сокольники на «собачью» выставку, где однажды видели самую настоящую охо-

Зимой ли это было или весной, мы выходили из дому часов в одиннадцать и первым делом направлялись в маленькое кафе. Здесь дядя брал для меня пирожное и чай, а сам выпивал бутылку пива.

— Ну как, увеличил баланс? — спрашивал он меня, когда я, оканчивая завтрак, пытался ложечкой подцепить со дна стакана нерастаявший

ту. Там в деревянную нору была посажена лиса, а на неё натравливали фокстерьера. Заглядывали мы также в окна какого-то завода, за которыми бухал паровой молот, рассматривали в витринах комиссионных магазинов фарфоровые сервизы с портретами каких-то графов, курительные трубки и парусные корабли из слоновой кости с сигнальными фонарями на мачтах.

А однажды в тёплый майский денёк мы поехали на Коптевский рынок.

Народу здесь было полно. В одном ряду продавались автомобили. Они были всех видов: приземистые и узкие, чёрные и оранжевые, с откидным тентом и без тента, с разбитыми фарами и хромированными бамперами. Тут же можно было купить и покрывало, и камеру, и бидон для бензина, и аккумулятор, короче говоря, весь автомобиль в разобранном виде.

Над другим рядом раздавалось оглушительное тарыхтение: там продавались мотоциклы. И покупатели и продавцы не щадили товар.

И вдруг среди мотоциклов мы увидели лодочный мотор. Он был похож на вертящийся круглый табурет, который ставят к роялю. Прокопчённый и замасленный, он лежал на газетке, и ржавые его лопасти

врезались в землю. Продавала его какая-то женщина. Дядя поставил мотор на подвернувшийся кирпич и начал осматривать.

— Работает? — спросил он.

— За милую душу тарыхтит, — отозвалась женщина.

— Сколько весит?

— Да кто его знает... Муж говорил, килограммов двадцать.

— А как его попробовать?

— Накинь верёвочку вот на этот кружок и дёрни за неё! — И женщина сама обмотала шнурком магнето.

В бензиновом баке плескалось горячее. Дядя дёрнул за верёвочку, и тут же мотор взревел. Нас заволокло белесым дымом, оглушило треском и осыпало пылью, которая взмыла от вертящихся лопастей. Дядя, державший мотор, завибрировал всем телом.

— Как его остановить?! — прокричал он, еле-еле сохраняя вертикальное положение.

— Да тут какую-то кнопку надоть нажать! — забежала женщина. — Эх, как его раскрутило!

— Товарищи! — крикнул дядя мотоциклистам. — Остановите!

Наконец с помощью какого-то человека в кожаных штанах спасительная кнопка была найдена, и мотор, чихнув два раза, будто недовольный, заглох.

— Кто ж его без воды пробует?... — укоризненно покачал головой наш спаситель. — Эдак его и запороть недолго. — И он пошёл дальше, перекинув через плечо, как солдатскую скатку, мотоциклетную покрывало.

— Ну и штучка, хороша! — сказал дядя и обернулся ко мне. — Покупаем, а? Поедем на дачу, рыбку будем ловить, в поход отправимся!..

— Конечно, покупаем! — ответил я, потому что сразу себе представил путешествие на лодке по бурным волнам, разные штормы и громы и открытие неизведанных островов. С дядей — я знал — не пропадёшь.

Домой мотор мы везли на такси, и дядя и я запачкали маслом себе брюки. А потом на дядю, когда он взял попку на плечо, потёк из бака бензин. Но это, конечно, была не беда, если не считать того, что дядя дома боялся закурить.

Мы соорудили над ванной деревянный помост — это я принёс из сарая доски — и привернули к нему, как мясорубку, специальными винтами мотор. Потом стали напускать воду. Вскоре «река» была готова. Я позвал всех соседей и тётю Машу, дядину жену.

край ванны. Горячие брызги полетели в нас. Этого никто не ожидал.

Мы выскочили в коридор. Из ванной повалил чёрный дым, на паркет хлынула вода с облаком молочного пара, и в коридор ворвался оглушительный треск:

— Маша! — радостно закричал дядя, стоя на пятках. — Смотри, работает!

Тётя на секунду приоткрыла дверь своей комнаты.

— Ты совсем тронулся! Тут ведь пожар будет!

Но такое обстоятельство дядю не очень огорчило. Его подбадривала наша поддержка. Я кричал и хлопал в ладоши. Токарь говорил:

— Покупка законная! Теперь в самый раз её омыть!..

После этого вечера, помнится мне, дяде ни разу не удалось запустить мотор в холодной ванне. Тётка над ним смеялась:

— А кто же тебе реку будет подогревать?

Дядя стал приглашать к себе по воскресеньям разных мастеров, и поэтому на время наши прогулки прекратились. Но всё равно я к нему приходил в выходные дни. Мастера собирали и разбирали мотор, меняли состав смеси бензина с маслом, регулировали магнето,

дёргали за верёвку бесчисленное количество раз — и всё было впустую!

Из тёкиных разговоров получалось, что из-за мотора дядя совсем забросил работу и семья уже начала владеть жалкое существование. Оказывается, дядя — эгоист и не хочет уюта. Он любит грязь и бензиновую вонь и стал водиться с какими-то типами, которые его обдуривают. У других мужья — солидные люди, а дядя, оказывается, теряет уважение всех знакомых: ходит весь в пятнах, — на шляпе и на пальто.

Но я с такими разговорами тёти Маши никак не мог согласиться. Наоборот, дядю за последнее время я куда больше полюбил. У него в доме появи-

Дядя начал запуск. Дёрнул за шнурок раз — мотор не завёлся. Дёрнул два — только фыркнул. Дёрнул ещё — не помогло.

Тётя Маша похлопала дядю по лбу и ушла в комнату.

— Дайте-ка теперь я! — сказал токарь Павел Артёмьевич и так рванул за верёвку, что всё сооружение с досками и мотором упало в ванну.

Через минуту всё опять было восстановлено.

— А что если горячей воды в ванну налить? — вдруг предложил токарь. — Ей богу, заведётся!

— Идея! — согласился дядя.

Мы зажгли газовую колонку.

Когда кипяток заполнил ванну, дядя плюнул себе в ладонь.

— Расходись! — решительно сказал он. — Пан или пропал!

И тут свершилось чудо. Мотор завёлся! Вода бешено забурлила и бросилась через

лись разные гаечные ключи и плоскогубцы, он ходил по дому в промасленных и лоснящихся, как кожа, штанах, а руки он мыл уже не мылом, а керосином и вытирал их какой-то рваной тряпкой. Я готов был пойти к нему в сыновья, и, если бы не моя собака Стёпка, которую не любила тётя Маша, но с которой я не мог расстаться, я давно бы ушёл к нему.

Но вот однажды в воскресенье, когда я пришёл к дяде, тётя Маша, открывая мне дверь, радостно сказала:

— Слава богу, отыгрался твой дядька! Заброешил свою игрушку! И ты иди-ка лучше домой.

В полутёмном коридоре я заметил в углу сиротливо стоявший лодочный мотор. Лопасти и бак с него были сняты. Видно, кто-то пытался его опять разбирать, да потом раздумал.

А вскоре в Москве началась жара. Мои папа и мама уехали в санаторий на Волгу, а меня отправили к тёте Маше на дачу.

Наш домик с толевой крышей и кособоким крыльцом стоял в трёх километрах от Икшинского водохранилища.

С утра до вечера я вертелся на лодочной пристани. Смотрел на рыбаков, которые привозили с того берега ведра живой рыбы, помогал рыбакам устанавливать на лодках «подъёмники» и, главное, нырял с мальчишками без счёта прямо с пристани в канал.

Тётя Маша мне сказала: «Ты смотри не утони, а то я отвечать за тебя буду» — и, получив ответ: «Честное слово, не утону», — моими речными делами больше не интересовалась. И это было к стати.

Тут у меня на берегу завёлся друг Толяй, сын заведующего лодочной станцией, худощавый, загорелый мальчишка с выбитым передним зубом. Ему было лет двенадцать, и делали мы с ним, что хотели: прицеплялись за движущиеся баржи, варили уху из рыбёшки, позаимствованной у рыбаков, «топили» девочек.

Как-то раз дядя привёз на дачу мотор. Я знал, что он его уже трижды относил на рынок и предлагал в комиссионный магазин, но его почему-то никто не брал.

Наутро, положив (потихоньку от тётя Маши!) на правое плечо подушку, а на неё мотор, дядя отправился со мной на водохранилище. По дороге он несколько раз останавливался, опускал мотор на землю и подолгу осматривал его. Я предлагал свою помощь, но дядя, сказав, что «он» лёгкий, дал мне нести только верёвочку. Пот с дяди

течёт ручьями, но он весело мне подмигивал и говорил:

— Любишь кататься, — люби и саночки возить! Сегодня мы его обязательно запустим. Поедем отсюда к чёрту на куличики, вылезем на берег и будем бегать, как Робинзон и Пятница. Хочешь? Я даже хлеба в карман захватил. А знаешь, я ещё мальчишкой мечтал о таком моторе. Особенно хотелось мне рулить...

Ну как дядя угадывал мои желания! Мне тоже думалось: вот сядем сейчас в лодку, запустим мотор, а потом я — за руль! Повороты буду делать, зигзаги и к какому берегу захочу, к такому пристану.

Взяв на лодочной станции однопарную шлюпку, мы укрепили на ней мотор, и я выгреб на середину разлива.

Дёрнули мы с дядей за верёвку часа полтора. Мотор даже не чихнул. Наконец, дядя снял с себя рубашку и лёг на дно лодки.

— Чёрт с ним! — сказал он. — Всё равно приятно, что у нас мотор. Суши вёсла!

Мимо нас проплыл белоснежный пароход. Какой-то пассажир помахал нам соломенной шляпой: дескать, хорошо на моторке!

Вода в заливах, окаймлённых дремучим лесом, была словно чёрная тушь. На красных пузатых бакенах сидели чайки и удивлённо поглядывали на автоматически зажигающиеся лампочки. А справа и слева от водохранилища, похожего на огромное озеро, лежали зелёные луга, перелески и снова луга. Вдали, на возвышенностях, стояли речные маяки, словно трёхногие марсиане с глобусными головками.

Потом я опять взялся за вёсла, и мы подъехали к берегу. Он был пустынный. Мы развели костер и на тоненьких прутиках поджарили свой хлеб. В лесу я нашёл землянику, собрал полную пригоршню и сказал дяде:

— Закрой глаза, открой рот!

Он жевал землянику и не открывал глаз до тех пор, пока не проглотил её всю.

В этот день мы объездили два залива, причаливали к затопленным деревьям и забирались на их макушки.

Домой дядя снова тащил три километра на подушке свой мотор и приговаривал:

— Нет, а здорово мы с тобой отдохнули, а?

У калитки нас встретила тётя Маша.

— Опять за старое, Серафим?! — сказала она. — Меня не слушаешь, так хоть бы людей постыдилась. На кого похож: брюки подвернул, босой, шея в сажу. Смотреть даже противно! А ведь ты начальник отдела...

И тётя почему-то стукнула меня по спине. Вскоре тётя Маша уехала на целый день в Москву, и я на даче остался один. Я пригласил к себе в гости Толяю — он приехал на велосипеде — и показал ему мотор.

— Не работает? — спросил он.

— Нет.

— Чепуха! — заявил Толяй. — У меня работает.

Он, оказывается, уж однажды возился у себя на лодочной станции с таким мотором.

Мы привязали мотор к велосипедному багажнику и повезли на водохранилище.

Толяй жил неподалёку от лодочной станции. Он принёс бутылку чистого авиационного бензина, и мы установили мотор на лёгкую шлюпку.

Я отрёб подальше от берега, и Толяй дёрнул за верёвку. Мотор так рванул вперёд, что мы чуть-чуть не выпали из лодки! Под носом зашумела вода.

— Хватай за руль! — закричал я и кинулся к Толяю. В этот момент тонкая, а может быть, и подгнившая доска на корме, к которой был прикреплён мотор, разломилась надвое и наш мотор бухнулся в воду.

— Ты что сделал?! — закричал я и схватил Толяю за воротник. — Прыгай за ним!

— Отпусти, — сказал Толяй. — А то банок заработаешь... Что же делать? Здесь глубина — семь метров!

Проплыл быстроходный катер, большая волна отнесла нас в сторону, и через минуту мы уже не могли точно сами себе указать, в каком месте были погребены три лошадиные силы.

Ехать на велосипеде с водохранилища Толяю было легко. Но мне тяжело: душа у меня разрывалась от горя. Дядька, я чувствовал, меня, пожалуй, убьёт за такую потерю. Да и от тётки влетит. Хоть она и была против мотора, но всё-таки это вещь и денег стоит. Провались пропадом вся эта дача и всё это водохранилище! И надо же было сегодня туда поехать! Да и от мамы попадёт: она ведь должна будет вернуть долг. Тётка не простит его...

На даче за столом сидели уже приехавшие из города дядя Сима, тётя Маша и с ними какой-то человек в галстуке и в очках.

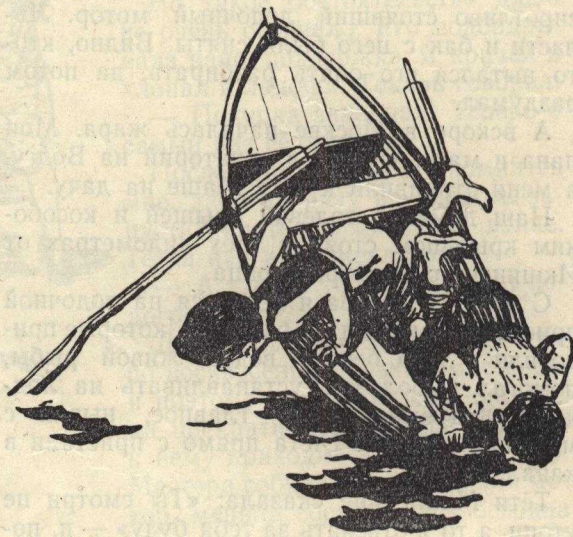
— А-а... племяшек, купался?! — сказал дядя. — Вот познакомься: инженер Соломон Моисеевич, самый что ни на есть конструктор этих лодочных моторов. Готовь наш аппарат. Он его живо наладит. И сегодня же мы отправляемся в ночной поход.

Тётя Маша опять постучала рукой себя по лбу и принялась разливать чай.

— А чего его готовить? — тихо сказал я. — Он уже... готов.

— Что же, ты его уже отнёс на канал? — поинтересовался дядя.

— Да.

— И где ты его оставил?

— На дне, — ответил я в открытую, — мы стали запускать, а он... он потонул.

— Утонул?! — обрадованно спросила тётя и, подскочив ко мне, поцеловала меня. — Вот умник! Вот спасибо! Честное слово утонул! —

А дядя ни слова мне не сказал. Он задумчиво подпёр кулаком подбородок и стал смотреть в окно, за которым искрилась полоска водохранилища и виднелся высокий серебряный маяк.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Два капитана

Дорогая редакция!
Скажите, пожалуйста, когда была открыта Аляска и кто её открыл.

Женя Сухов,
ученик 4-го класса
средней школы № 14, г. Киев.

Уже в 1714 году один казак, побывавший на Чукотке, слышал от чукчей о большой земле по ту сторону пролива.

Наши чукчи издавна совершали плавания через Берингов пролив: летом — на своих крепких байдарках из моржовых шкур, а зимой — просто пешком по льду. Ездили они туда для меновой торговли, а то и просто в гости к аляскинским эскимосам.

В 1732 году лейтенант русского флота Гвоздев дошёл на своём судне до Аляски, но на картах Гвоздева нанесён только кусок берега. Не видно очертаний полуострова, не видно, что это часть североамериканского материка.

В 1741 году капитан-командор Беринг и капитан Чириков, выйдя в плавание на пакетботах «Святой Пётр» и «Святой Павел», достигли южных берегов Аляски, нанесли их на карту и показали, что земля по ту сторону пролива является большим полуостровом. Поэтому Берингу и Чирикову принадлежит главная заслуга в открытии Аляски.

В этом плавании были сделаны и другие открытия: на карту Тихого океана положены многочисленные острова Курильской гряды и группа Командорских островов, названных так в честь славного капитан-командора.

Сам Беринг не вернулся из этого плавания. Заболев цынгой, он умер и был похоронен на одном из Командорских островов, как и многие матросы и офицеры «Святого Петра». Только небольшая часть экипажа уцелела и вернулась под командой лейтенанта Вакселя к родным берегам.

Плавание «Святого Павла» прошло более счастливо. Хотя ещё в начале плавания корабли, разделённые туманом, потеряли друг друга, капитану Чирикову удалось достичь берегов Аляски и благополучно привести свой корабль в Петропавловскую гавань на Камчатке.

Капитан 1-го ранга
М. Близнаков.

Защита и нападение

Дорогая редакция!
Мне хочется знать, отчего жалится крапива? Это у неё для защиты или ещё почему?

Игорь Невзоров,
деревня Гудки, Кировская область.

Ты не ошибся, Игорь, предположив, что крапива «жалится» для защиты. Если бы у крапивы постепенно не развились жгучие волоски, она бы вся перевелась, потому что растёт она на свалках, на пустырях да по обочинам дорог, где мало других трав. На лугу среди множества растений легче уцелеть, а тут её быстро истребили бы травоядные.

Не только у крапивы, но и у других растений, существующих изолированно, развиты защитные приспособления. Так, почти все травы и кустарники пустыни защищаются колючками. Самый яркий этому пример — кактус. У него сочный, мясистый стебель, иногда толщиной с древесный ствол, а листьев нет. Вместо листьев кактус, словно ёжик, покрыт иголками. В этих иголках трудно узнать изменившиеся листья.

Многие растения защищаются шипами и колюч-

ками различной длины и формы. Но среди тех, которые встречаются у нас, только крапива имеет жгучие, ядовитые волоски. Они очень интересно и хитро устроены. На рисунке показано, как выглядят волоски крапивы под микроскопом. Ты видишь, что среди множества клеточек кожи листа некоторые резко отличаются по форме от других. Это и есть жгучие, «кусачие» волоски. Не напоминают ли они тебе тоненькие бутылочки, суженные сверху, с перехватом, будто горлышко? А вместо пробки утолщение вроде булавоочной головки. Внутри каждой бутылочки — ядовитый сок. На одном листе крапивы таких бутылочек тысячи. Пока их не трогашь, они остаются плотно закупоренными, но достаточно лёгкого прикосновения, как круглая головка отламывается. Она отламывается у всех бутылочек одинаково. Получается косой срез, и каждая бутылочка

сразу превращается в заострённое жало. Остриё это впивается в кожу, а ядовитая жидкость выдавливается в уколочное место. С помощью своих волосков крапива очень хорошо защищена. Она растёт, образуя густые, издали заметные заросли, словно предупреждая: «Вот я, берегись!» Кто хоть однажды мимоходом задел крапиву, постарается уклониться от встречи, обойти стороной.

От травоядных крапиве удалось защититься, но от гусениц не удалось. Гусеницы, как ни в чём не бывало, поедают жгучие листья и после нескольких линек превращаются в куколок, а потом в бабочек. Ты, наверное, догадываешься, почему красивые бабочки с яркими коричнево-чёрными узорами на крыльях называются крапивницами? Это как раз их гусеницы живут на крапиве.

Крапива и крапивница — пример того, что в природе защитные приспособления иногда не приносят полной безопасности. Всегда найдутся какие-нибудь живые существа, которые сами приспособятся к этим приспособлениям.

Есть, например, в тропических странах перец, очень жгучий; стоит его лизнуть, и кажется, будто язык кипятком ошпарен. Никто из животных его не ест, а птица перцем главным образом им и кормится.

Волоски крапивы под микроскопом.

Е. Минина,

кандидат биологических наук.

С е м ь д н е й

Дорогая редакция!
Прошу объяснить мне, что означают названия дней недели и во всех ли языках эти названия имеют одинаковое значение?

Игорь Притула,

г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР.

Знаешь ли ты, Игорь, что прежде день, в который отдыхали, назывался не воскресеньем, а неделей; в других славянских языках это название сохранилось и до сих пор (по-украински — неділя, по-польски — недзеля, по-белорусски — няделя)? Все эти названия идут от слов «не делать», «не работать». А если так, то уже нетрудно понять и название следующего дня.

Понедельник — день «после недели», по-недельник. Дальше идёт вторник, «второй день». Среда, или, как в старину говорили, «середа», — значит середина. Интересно, что и в немецком языке название среды — миттвох — означает «середина недели».

Ты, наверное, уже догадываешься, что четверг, или, по-старинному, «четверток», означает четвёртый день. Пятница, — конечно, пятый день. Но что означает слово «суббота» и почему вдруг вместо «недели» стали говорить «воскресенье»?

Оба эти названия пришли позднее, когда языческая религия была вытеснена христианством; слово «суббота» гораздо древнее, чем «воскресенье». Оно тоже было наименованием праздничного дня недели, а в наш язык пришло уже как название рабочего дня.

Конечно, теперь мы, употребляя эти названия, не вкладываем в них никакого религиозного смысла.

Но слово «неделя» не исчезло. Будто не желая оставаться «безработным», оно перекочевало на новое место в русской речи и стало обозначать все семь дней, вместе взятых; конечно, при этом оно утеряло свой первоначальный смысл.

Не во всех языках названия дней недели означают одно и то же. В немецком языке у некоторых дней сохранились имена древнегерманских языческих богов. Например, «фрейтаг» (пятница) — день Фрейи — богини весны, а «доннерстаг» (четверг) — день бога грома, которому поклонялись древние германцы так же, как славяне своему Перуну.

Во французском языке дни недели почти все посвящены планетам, потому что в старину считалось, что планеты влияют на судьбы людей. По-французски понедельник — день Луны, вторник — день Марса, среда — день Меркурия, четверг — день Юпитера, пятница — день Венеры.

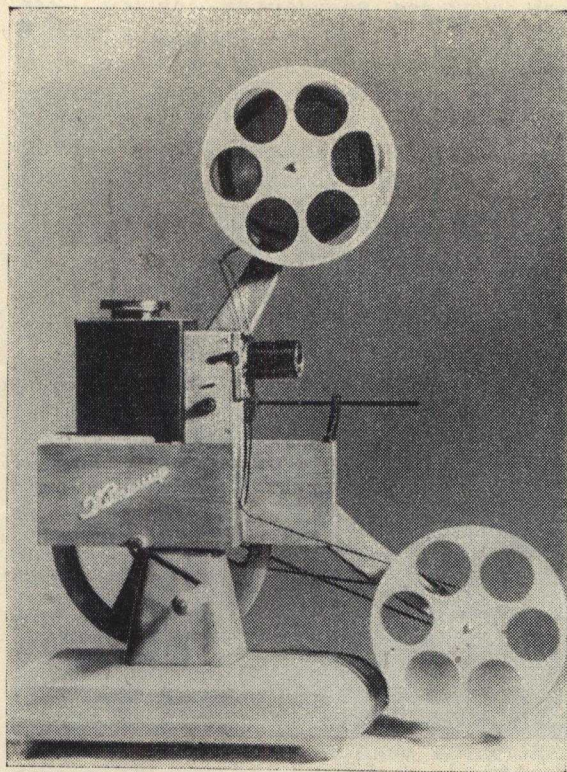
И до сих пор в астрономии планеты и дни недели обозначаются одинаковыми знаками. Художник нарисовал здесь эти значки. Первый из них — знак Солнца и воскресенья. Второй — знак Луны и понедельника. Дальше идут знак Марса и вторника, знак Меркурия и среды, знак Юпитера и четверга, Венеры и пятницы, Сатурна и субботы.

М. Рябова

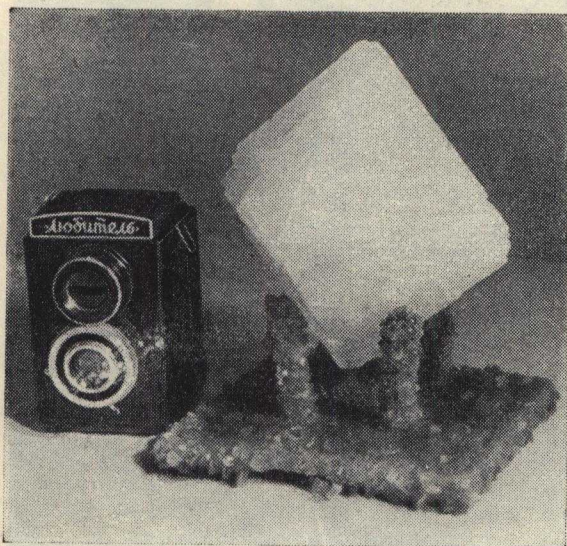

СМЕЛАЯ МЫСЛЬ, УМЕЛЫЕ РУКИ

Н. Митрофанов

Этот самодельный киноаппарат для демонстрации узкоплёночных кинофильмов подарили украинские юные техники русским пионерам в дни празднования трёхсотлетия воссоединения Украины с Россией.

Немало настойчивости и терпения понадобилось грузинским юным химикам для того, чтобы вырастить такой большой кристалл алюмокалиевых квасцов — весом более полутора килограммов. Кристалл растёт очень медленно, и ребята в течение нескольких месяцев поддерживали постоянную концентрацию и температуру раствора.

Московский политехнический музей — сокровищница русской техники. В нём собрано всё самое лучшее, что создали наши учёные и изобретатели.

Наряду с их замечательными машинами и приборами здесь можно увидеть работы самых юных конструкторов и изобретателей. Целый этаж занимает в музее Всесоюзная выставка технического творчества пионеров и школьников.

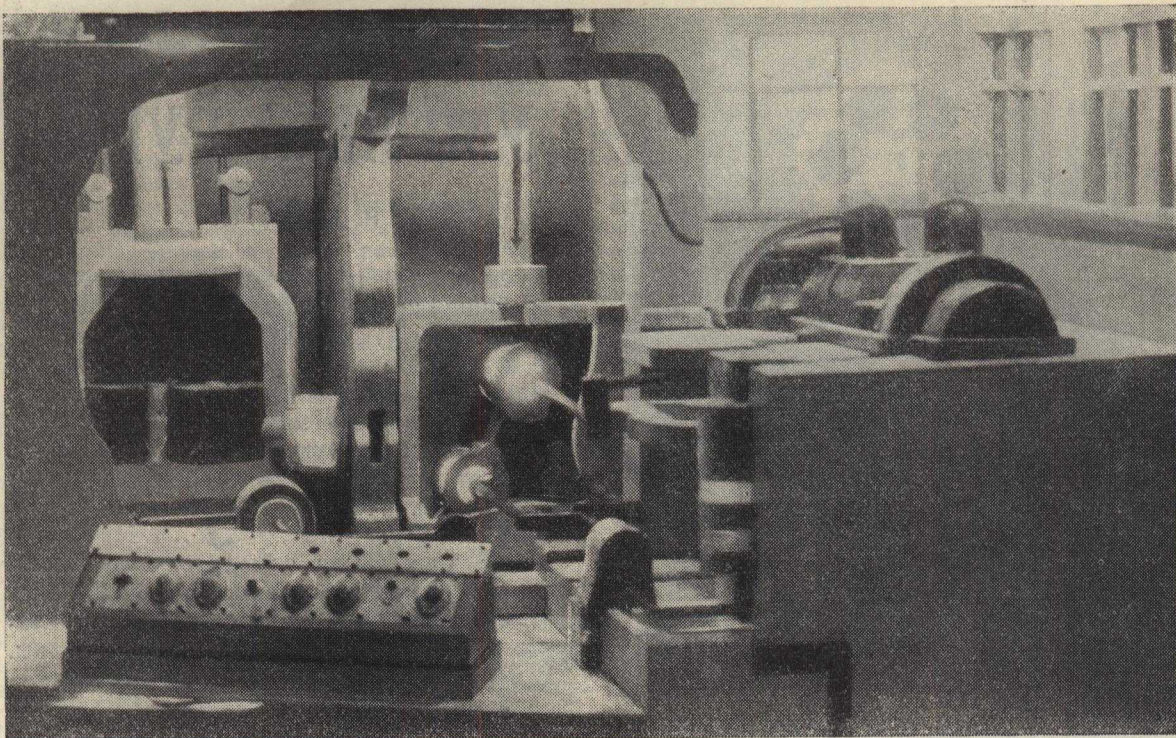
Более двух тысяч самодельных моделей, приборов, макетов, сделанных с изумительным мастерством и выдумкой, было прислано на выставку со всех концов нашей страны.

В первом зале посетители останавливаются перед большой моделью электростанции, работающей на атомной энергии; её прислали юные техники Урала. Экскурсовод нажимает кнопки пульта управления, и модель освещается цветными огнями. Становится понятным устройство реактора — атомного котла; видно, как отведённое из реактора тепло даёт пар для работы мощной паровой турбины, вращающей генератор электрического тока. За большими окнами машинного зала видны на поле электрические тракторы; в будущем они будут работать на покорённой энергии ядра атома.

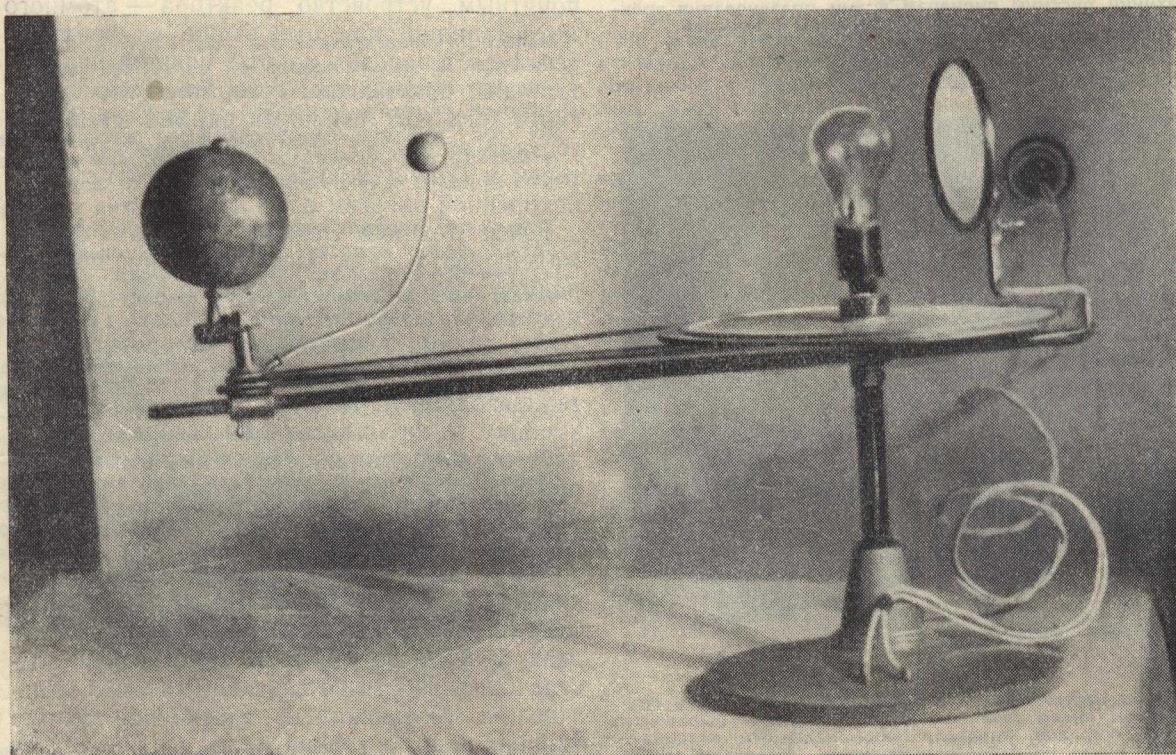
Юные техники Эстонии сделали совсем маленькую модель электростанции, почти в размер развёрнутой тетради, но как любовно и с какой выдумкой она сделана! Паровой котёл быстро готовит пар. Манометр показывает давление пара в котле. Паропровод с теплоизоляцией подаёт пар в маленькую турбину, которая гудит, как шмель. Маленький, очень остроумно сделанный генератор переменного тока вырабатывает электроэнергию и зажигает лампочку на пульте управления.

Много на выставке моделей машин. Прекрасны работы юных техников города Свердловска. Они сделали действующую модель прокатного стана. В клетки стана блещут валки. Крутятся подающие ролики рольганга, и «болванка» из пластилина быстро превращается в тонкий лист.

Другая модель свердловчан рассказывает о технике строительства дорог. Это грей-

Модель электростанции, работающей на атомной энергии, построенная кыштымскими юными техниками.
Слева — атомный реактор — котёл, посередине — теплообменник, справа — турбина с электрогенератором.

Этот прибор называется теллурием. Он наглядно показывает, как происходят затмения Луны и Солнца, смена дня и ночи, зимы и лета. Построили его юные техники города Воронежа.

дер — машина, снимающая верхнюю часть грунта и разравнивающая его. К маленькому трактору прицеплен грейдер, лента транспортёра подаёт в автомашину грунт, снятый грейдером.

Строительной технике посвящено много работ. Особенно красивы подъёмные краны. Их высокие ажурные башни и длинные стрелы сразу бросаются в глаза. Маленькие электромоторы вращают стрелы и поднимают «грузы».

Модель portalного крана, присланная из Белоруссии, сделана так точно, что по ней можно изучать устройство настоящей машины.

Из города Щербакова прислали модели пневматического молота и гидравлического пресса. Они сделаны из органического стекла и великолепно работают. Пневматический молот быстро бьёт бойком по наковальне. Повернув рукоятку управления, можно заставить боёк ударять с большей силой или чуть-чуть касаться наковальни. Через прозрачные стенки цилиндров отчётливо видно движение поршней, каналы для воздуха, работу регулятора.

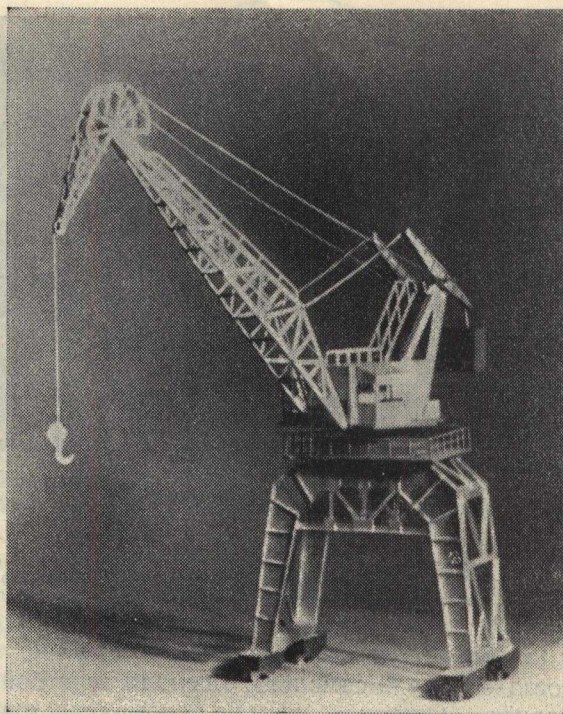
Красноярские юные техники представили сделанный ими токарный станок. На нём есть даже приспособления для передвижения суппорта с переменной скоростью.

В разделе «Химия» выставлены модели и макеты химических заводов, электрифицированные карты химических производств, много приборов для опытов на уроках. Юные химики Грузии прислали выращенные ими два громадных кристалла. Один из них — кристалл медного купороса — весит два с половиной килограмма.

Особенно много на выставке самых разнообразных приборов по физике. Тут можно видеть и простенькие пособия по механике и такие сложнейшие приборы, как осциллографы. На экране трубки осциллографа можно показывать разнообразные явления, происходящие в электрической цепи и в радиотехнических схемах. Построить осциллограф почти так же трудно, как построить телевизор, и посетители-инженеры изумлённо покачивают головами, удивляясь мастерству юных техников.

В этом разделе выставлены разнообразные электрические часы и секундомеры. Некоторые часы управляют распорядком школы: они точно по расписанию дают звонки на перемены и уроки.

Как всегда, прекрасны работы учащихся школы № 9 города Баку. Их приборы очень добротно и точно сделаны и ничем не усту-

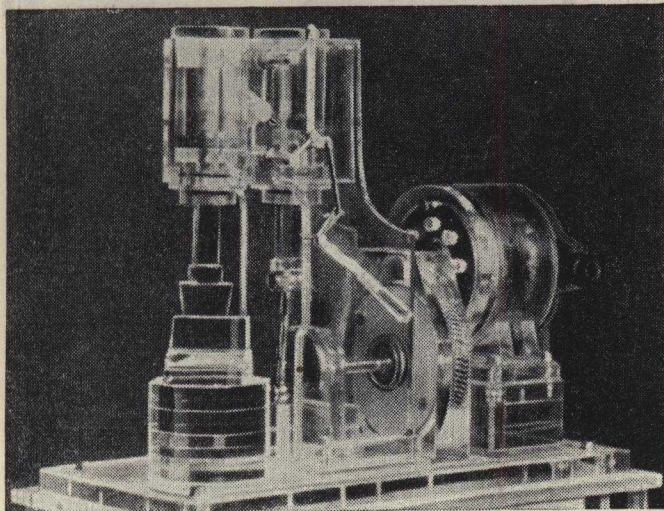
Во всех городах нашей страны строятся новые дома, прокладываются новые улицы. И всюду строителям помогают машины. Металлическую действующую модель одной из таких машин — portalного крана — прислали на выставку белорусские юные техники.

пают приборам, изготовленным на фабриках учебно-наглядных пособий.

В отделе творчества юных радиолюбителей десятки радиоприёмников различных устройств и схем. Тут и детекторные приёмники-коробочки, и передвижные походные приёмники, и даже десятиламповый супергетеродин-радиол, сделанный юными техниками Ставропольского края. И в этом отделе видна забота юных техников о своей школе. Здесь выставлено несколько образцов школьных радиоузлов. С их помощью в школе передаются радиогазета, музыка, различные сообщения.

Большой интерес у ребят к автоматике. На выставке множество приборов, основанных на действии фотоэлемента — фотореле. Юные техники Ленинграда прислали модель транспортёра, на котором движутся изделия. Электрический «глаз» точно подсчитывает, сколько изделий прошло мимо него, и показывает их количество на специальном счётчике.

Под потолком реют модели авиамodelистов: эскадрильи планёров, резиномоторных, бензомоторных моделей, самолёты, управляемые по радио, и даже целый воздушный

А эту интересную модель пневматического молота сделали юные техники города Щербакова. Сквозь прозрачные стенки из пластмассы хорошо видно, как работает молот.

поезд — модель самолёта, тянущая за собой планёр. Опытные глаза авиамоделистов сразу замечают обтекаемые формы скоростных моделей, новые конструкции реактивных двигателей. Особенно хороши модели Украины, установившие рекорды СССР.

У юных авиамоделистов появились приборы для замеров тяги винта, аэродинамические трубы разнообразных конструкций и размеров. Среди них стоит высокая белая парашютная вышка, с которой то и дело бросается вниз игрушечный парашютист.

Глаза разгораются, глядя на ряды моделей кораблей. Тут и исторические парусники и современные скоростные электроходы. Подолгу любители рассматривают ювелирную работу судомоделистов. В моделях крейсеров и линкоров любовно сделаны все надстройки и вооружение. Стремительные торпедные катера блестят полированными бортами.

На столе стоит большой аквариум, но вместо рыб в нём виден корпус затонувшего

судна. Стоит включить помпу, и поплавки поднимут судно на поверхность воды. Здесь наглядно показано, как ведутся спасательные работы.

Юные фотолюбители прислали несколько сот работ. На стенах развешаны пейзажи, портреты знаменитых людей, снимки, показывающие жизнь школы, фотографии, сделанные юными туристами и натуралистами. Тут же стоят приборы для фотолабораторий. Очень хорош универсальный лабораторный прибор для репродукции, микросъёмки и увеличения, сделанный школьниками Библиси. Москвичи выставили приборы для проявления плёнок и фотоувеличители.

Впервые на выставке показывают свои работы юные кинолюбители. В небольшом кинозале демонстрируются фильмы, снятые операторами

пионерских киностудий Москвы, Краснодара, Томска, Казани, Ялты, Житомира и других городов. В подарок русским пионерам юные техники Украины прислали кинопроектор, сделанный юными техниками Житомира.

Особый раздел занимают работы самых маленьких техников — членов кружков «Умелые руки». Здесь много работ из бумаги и картона. На стенах развешаны хорошо выполненные гербы шестнадцати союзных республик. Изящно сделаны работы любителей выпиливания и выжигания по дереву. И тут есть интересные модели земснарядов, кораблей, машин. Украшением отдела, да и всей выставки является огромный макет нового здания Московского университета на Ленинских горах, построенный в одном из подмосковных пионерских лагерей.

Все эти замечательные работы, показанные на выставке, говорят о том, что нашим учёным, изобретателям, новаторам производства растёт надёжная смена.

Дорогие ребята, на выставке показаны только самые лучшие, самые совершенные модели и самоделки. Все они требуют большого умения и мастерства, их не построить сразу. Поэтому начинать нужно с более простых работ. Здесь мы даём список книг, которые помогут вам найти себе интересное и посильное занятие.

- А. Абрамов — Десять моделей. Детгиз. 1952.
Д. Бунимович — В помощь юному технику. Детгиз. 1952.
С. Климентьев — Книга юного техника. Детгиз. 1948.

Е. Москатов — Самодельный радиоприёмник. Детгиз. 1954.

И. Костенко и Э. Микиртумов — Летящие модели. «Молодая гвардия». 1953.

С. Лучининов — Юный кораблестроитель. «Молодая гвардия». 1953.

П. Стрелков — Электротехника в пионерском отряде. Детгиз. 1950.

Н. Трунченков — Как построить летающие модели. Оборонгиз. 1951.

Напишите нам о том, какие модели вы строите, какие приборы вы сделали для своей школы.

Письмо к читателям

Дорогие ребята!

В журнале «Пионер» печаталась моя повесть «Старшая сестра». Сейчас я получаю много писем от читателей. Мне рассказывают о конференциях, которые проходят в школах и библиотеках по этой повести, рассказывают о спорах, которые возникают, задают множество вопросов...

Правильно или неправильно поступила Зина Стрешнева, что послушалась бабушку и понесла в церковь святить кулич?

— Правильно,— говорит одна девочка из московской школы,— мы должны слушаться старших. Я бы тоже так поступила.

— Да,— поддерживает её другая,— ведь Зина послушалась бабушку, чтобы не было раздора в семье и чтобы отец не расстроился.

Но вот пионеры из Сидоровской школы Вологодской области смотрят на это иначе:

— Не надо было ей идти в церковь, хотя и посылала её бабушка, а быть до конца принципиальной пионеркой.

Я, безусловно, поддерживаю вас, пионеры Сидоровской школы. Пионер даёт торжественное обещание служить делу Коммунистической партии, он даёт это обещание перед лицом своих товарищей под красным знаменем пионерской дружины. Как же он потом может нарушать его? Кто может нарушить своё слово в малом, тот может нарушить и в большом. Как же верить такому человеку? Пионерской принципиальности у него уже нет.

— Школа не запрещает нам ходить в церковь,— сказала одна девочка на читательской конференции,— но школа нам разъясняет, что бога не существует и что мир создавался вовсе не так, как велит верить религия. И если мы знаем, что бога нет, зачем нам идти в церковь? Это не забава.

Было бы хорошо, если бы все рассуждали так. Но мне, да и вам тоже приходилось не

раз видеть, как под пасху идут ребята в церковь с белыми узелочками святить куличи. Иногда видишь, что у человека красный галстук на шее, а он даже и забыл о том, что он пионер.

А другие, более лицемерные, снимают галстуки и прячут в карман. Смотришь, идёт парнишка, а у него из кармана торчит кончик красного галстука. Мальчик понимает, что поступает не по-пионерски, но на этот час он отрекается и от своей организации, и от своего галстука, и от своих пионерских принципов. А потом пришёл в школу, надел галстук и снова считает себя пионером. Так и создаётся у человека два лица: одно — в школе, другое — дома. А ведь пионер везде должен быть правдив и безупречно честен.

Многим читателям нравится Фатьма. Я этому очень рада. Я рада тому, что вы, ребята, поняли, какую бывает настоящая дружба. Такой дружбе не нужны и даже противны громкие слова, обещания, уверения. Такая дружба не бывает особенно ласковой, не любит себя. Но когда приходит тяжёлый час, такая дружба приходит без зова, и помогает, и делает для друга всё, что может сделать. Друзья познаются в беде. Такой друг не предаст, не струсит, не изменит, какая бы беда тебя ни постигла. Таким настоящим другом была для Зины Фатьма.

И совсем другой разговор идёт о Тамаре. «...Очень не понравилось нам поведение Тамары Белокуровой,— пишут мои читатели.— Ни один из наших пионеров не хочет быть таким, как Тамара Белокурова».

И нет ни одного письма, где бы читатели не осуждали Тамару Белокурову. Я, ребята, согласна с вами. Быть таким человеком, как Тамара,— тщеславным, неверным, эгоистичным — не много чести.

Однако многие интересуются её судьбой. А как она поступит дальше: поедет к сво-

ему отцу или нет? Исправится ли она? Поймёт ли, что мать воспитывает её неправильно? Найдёт ли Тамара свою прямую, хорошую дорогу в жизни?

Интересуются ребята также и судьбой остальных героев этой повести. Всё так же ли будут дружить Зина и Фатьма? Как сложится у них жизнь?

На все эти вопросы я не могу ответить в письме. Думаю, что придётся мне писать продолжение этой повести и рассказать обо всех: и о Зине, и о Фатьме, и о Тамаре, и о других героях.

Некоторые читатели уже придумали продолжение моей книги:

«Тамара исправилась и подружилась с де-

вочками. Зинина бабушка поняла, что нельзя принуждать детей ходить в церковь. Тамарина мама тоже поняла, что так воспитывать Тамару нельзя. Все всё поняли, и все подружились. И все были счастливы».

Это очень хорошо, когда все люди счастливы. Но, к сожалению, в жизни не всегда так бывает. Не всегда люди понимают, что они в чём-нибудь неправы. Не всегда человек может и хочет сломить свой недобрый характер. Не всегда обстоятельства складываются так, что все остаются счастливыми... А я, как и каждый автор, больше всего хотела бы, чтобы книга моя с наибольшей правдой отражала настоящую жизнь.

Л. Воронкова

О друзьях-товарищах

Недавно в Детгизе вышла новая книга об Артеке — чудесном пионерском лагере, который раскинулся на берегу Чёрного моря, в Крыму, у подножья Аю-Дага. Написал эту книгу крымский поэт Анатолий Милиевский. В своих стихах он рассказывает не только о ярком солнце и тёплом море, белых палатках и хорошем пионерском отдыхе. Автор знакомит вас с румынским пионером Георги Гита, который «разувшись ловит крабов, совсем как наши пареньки»; вы узнаете, чем занят на морском берегу чешский мальчик Володя Майстричек и о чём мечтает девочка из Тибета, что стоит на том самом месте,

Где Пушкин со скалы высокой
Прощался с морем навсегда.

Ведь в Артеке вместе с нашими советскими ребятами отдыхают пионеры и школьники свободного Китая, Чехословакии, Румынии, Польши, Албании, Венгрии, Монголии.

Сидят пионеры,
Ведут разговоры.
Когда они встретятся?
Может, не скоро...

...Но будет паролем
Для встречи навек
Заветное
Гордое слово —
Артек!

О большой, настоящей дружбе, о друзьях-товарищах из разных стран и рассказал в своей книге «Артек» Анатолий Милиевский.

К Н И Г И О К И Т А Е

Все мы хотим как можно больше знать о нашем великом друге — народном Китае. Книги О. Кравец «Заря над Ханьпу», М. Фоминой «Плечом к плечу» и З. Горбачёвой «Свободный Китай», вышедшие в Детгизе, расскажут вам о необъятных просторах великого Китая, о тяжёлом прошлом китайского народа, о его борьбе за своё освобождение, о строительстве светлой и радостной жизни в новом Китае.

Такая карта помещена в книге Н. Верзилина. А вы, ребята, можете назвать эти растения?

Зелёные путешественники

Многие ребята с увлечением читают книги о необыкновенных путешествиях в далёкие, таинственные страны.

Кто из вас в зимний вечер, когда ветер наметает сугробы снега за окнами, не переносился мыслями в дебри знойной Африки, в сырые тропические леса Бразилии, на берега реки Амазонки, в пустыни Мексики, в джунгли Индии?

А знаете ли вы, что на ваших окнах дома, и в классе, и в школьном живом уголке постоянно живут с вами рядом «путешественники», прибывшие к нам из самых отдалённых уголков земного шара?

Всем известны такие комнатные растения, как фикус, герань, фуксия, бальзамин, бегония, олеандр, амариллис, алоэ, или столетник, кактусы. Люби-

тели аквариумов хорошо знают растение элодею, или «водяную чуму».

Все эти комнатные растения совершили большие, интересные путешествия, прежде чем попали на наши окна.

Такое знакомое всем растение, как герань, оказывается,

самое древнее из комнатных растений; оно прибыло к нам из Южной Африки, с мыса Доброй Надежды, в конце XVI века.

Из далёкой Ост-Индии и из тропических лесов острова Занзибар переселился в Европу ещё в 1596 году бальзамин, известный у нас также под названием «Ванька мокрый».

Из пустынь Мексики и Перу, неизвестно каким образом перебравшись через океан, сама приплыла к нам «водяная чума» — элодея. Это растение впервые было замечено на европейском континенте в 1836 году; уже к 1892 году оно переправилось через Уральские горы, и теперь нет ни одного водоёма, ни одной реки, где бы нельзя было встретить элодею.

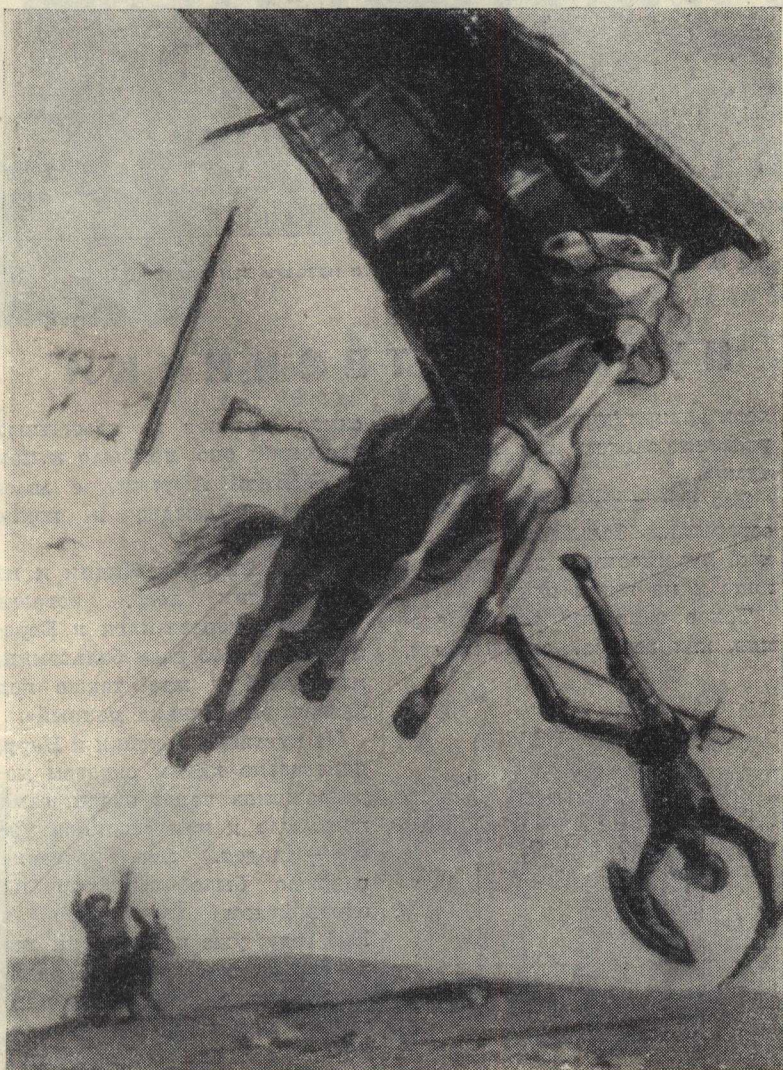
О растениях-«путешественниках», об увлекательных приключениях и событиях, сопровождавших их переселение на наши окна, о том, как человек, переселяя полезные растения из одной страны в другую, изменяет растительный мир целых частей света, о том, почему в комнатах северных жителей прижились и чувствуют себя, как дома, именно растения далёких пустынь или растения тропических лесов, вы

узнаете из книги Н. Верзилина «Путешествие с домашними растениями». Автор расскажет вам, какие опыты по перedelке растений, какие интересные наблюдения можно производить в школьном живом уголке или в своём домашнем «саду» круглый год, в дождь и в сильный мороз, не выходя из дома, какую «карту мира» помогут сделать на вашем окне растения-«путешественники» и какой интересный вечер с

зелёными друзьями-растениями можно устроить дома или в школе.

Не только юным натуралистам-мичуринцам, мечтающим переделать окружающий растительный мир на пользу советским людям, но и всем, кто любит природу, всем пионерам и школьникам эта увлекательная книга может стать большим и хорошим другом и помощником.

В. Константинов

«Дон Кихот»

«В некоем селе Ламанчи, имени которого мне не хочется упоминать, не очень давно жил один идалго из числа тех, что имеют родовое копьё, древний щит, тощую клячу и борзую собаку» — так начинается книга, которую любят и дети и взрослые, книга о «рыцаре печального образа», Дон Кихоте Ламанчском.

Триста пятьдесят лет прошло с тех пор, как впервые появился в печати «Дон Кихот», роман замечательного испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры.

Удивительная это книга! Вы читаете о плачевных подвигах сумасбродного мечтателя, и сначала вас просто забавляют его приключения, вы смеётесь от души, читая о поединке с великанами, которые оказываются ветряными мельницами, о битве с войском короля Алифанфарона, которое оказывается стадом овец...

Но чем дальше вы читаете, тем больше нравится вам незадачливый рыцарь. Вы начинаете любить его всё крепче, потому что, хотя в своём безумии он совершает ошибки и промахи, он храбр и великодушен, он всегда бесстрашно вступает за слабого, за обиженного.

На рисунке художников Кукрыникова к новому изданию «Дон Кихота» вы видите плачевное окончание боя с ветряными мельницами.

Алёшка

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ

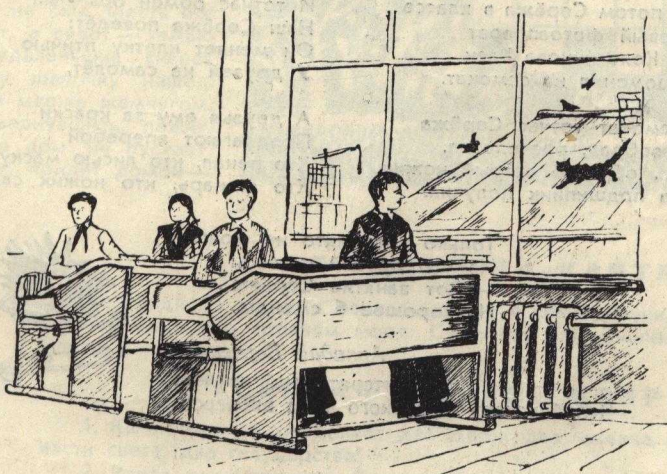

Вот каток от всей души
Расчищают малыши.
А здоровые верзилы
Не желают тратить силы...

Так случается, признаться,
И нередко, может быть:
Любят старшие кататься,
Младшим — саночки возить.

ЗЕВАКИН НА УРОКЕ

Алёша Зевакин серьёзен на вид.
Алёша спокойно за партой сидит.
Спроси про урок у такого Алёшки:
Он только и вспомнит, что кошку в оношке.

ОБРАЗЦОВЫЙ ВОВА

Вова — мальчик образцовый.
Может, знаете, его?
И смотреть не хочет Вова
На чужое озорство.
Пусть трещат деревья сада,
Пусть обрушится ограда,
Стёкла брызнут из окна!..
«Моё дело — сторона!»

МОЙ СОСЕД

Мой сосед, Бобров Серёжа,
Очень любит всё менять.
Перочинный острый ножик
Променил он на тетрадь.

А потом Серёжа в классе
Новый фотоаппарат
У Колесникова Васи
Променил на самокат.

Самокат тотчас Серёжа
Разобрал, расколотил.
И... обратно острый ножик
За подшипник получил.

Можно в комнате Серёжи
Утром, вечером и днём
Слышать всё одно и то же:
— Если хочешь, то «махнём».

И тотчас обмен обычный
Наш Серёжа поведёт:
Он меняет клетку птичью
У друзей на самолёт,

А друзья ему за краски
Предлагают вперебой
Кто пенал, кто лисью маску,
Кто фонарь, кто ножик свой.

Только вот никто не может
Из его друзей сказать:
— Вот занятие Серёже
На хорошее б сменить.

Аркадий Борченко
Литературный кружок
Челябинского городского дома пионеров.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Джангир Агаев, Толя Герасев и ученик новгородской школы Юра Борков.

В ЧАСЫ ДОСУГА

КАКАЯ БУКВА?

Я взял букву и прибил к ней часть лица — у меня получилось животное. Я прибил к той же букве травянистое растение — и передо мной было дерево. Я попробовал прибавить к этой букве морское животное — оно тут же обратилось в насекомое.

Буква обладала свойством делать кожаный пояс камнем, а рыб — кузнечным или столярным инструментом.

Узнайте, какая это буква.

НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

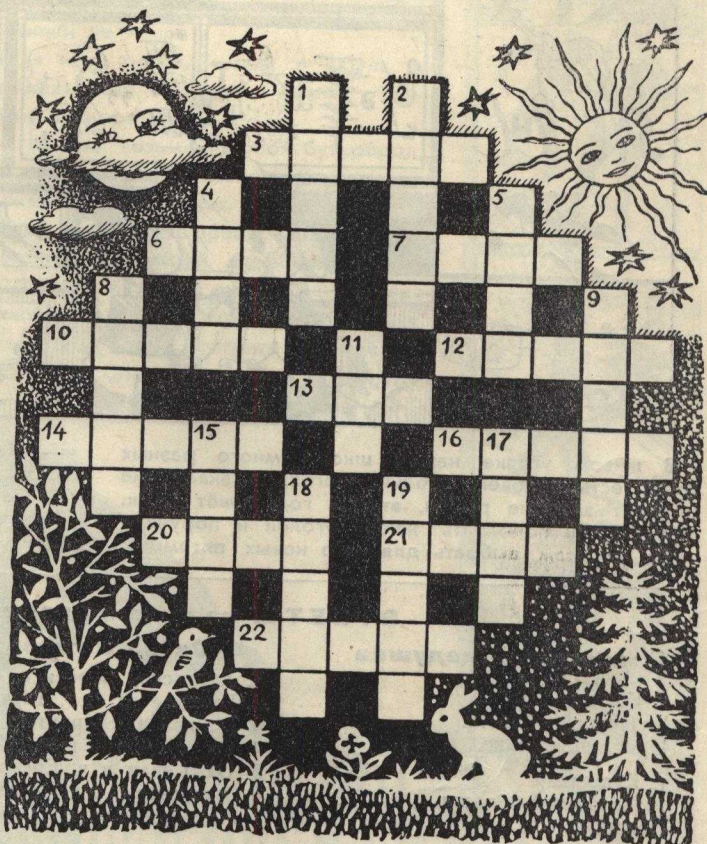
Кроссворд

По горизонтали:

3. Без рук, без ног, стучит, в избу просится. 6. Серый брат из-за куста хват. 7. Бежит, бежит — не выбежит, течет, течет — не вытечет. 10. Не зверь, не птица, нос, как спица. 12. По горам, по долам ходит шуба да кафтан. 13. Сидит дед, многими шубами одет, кто его раздевает, слёзы проливает. 14. Не куст, а с листочками, не рубашка, а сшита, не человек, а рассказывает. 16. Был ребёнок, не знал пелёнок, стал стариком, сто пелёнок на нём. 20. Ела, ела дуб, дуб, поломала зуб, зуб. 21. Маленький Иван — костяной кафтан. 22. Маленькие малышки, зелёные катышки, сквозь землю прошли, на тычинку вползли.

По вертикали:

1. Сама толста, щека тепла, а рот красен. 2. Без хвоста, без мордочки, два соболя на жёрдочке, им не спится, не сидится, хочется воды напиться. 4. Заря-зарница, красная девица, по лугу гуляла, бусы потеряла, месяц видел, а солнце украло. 5. Поля стеклянные, ограды деревянные. 8. Высока колода, да колюча борода. 9. Белый, а не снег, сладкий, а не мёд. 11. Чёрен, да не ворон, рогат, да не бык, шесть ног без копыт: летит — воет, а сядет — землю роет. 15. Маленький, удаленький, сквозь землю прошёл, красну шапочку нашёл. 17. В поле мешалкой, в мешке жемчугом. 18. Чёрная собачка, свернувшись, лежит, не лает, не кусает, а в дом не пускает. 19. Кланяется, кланяется, придёт домой — растянется.

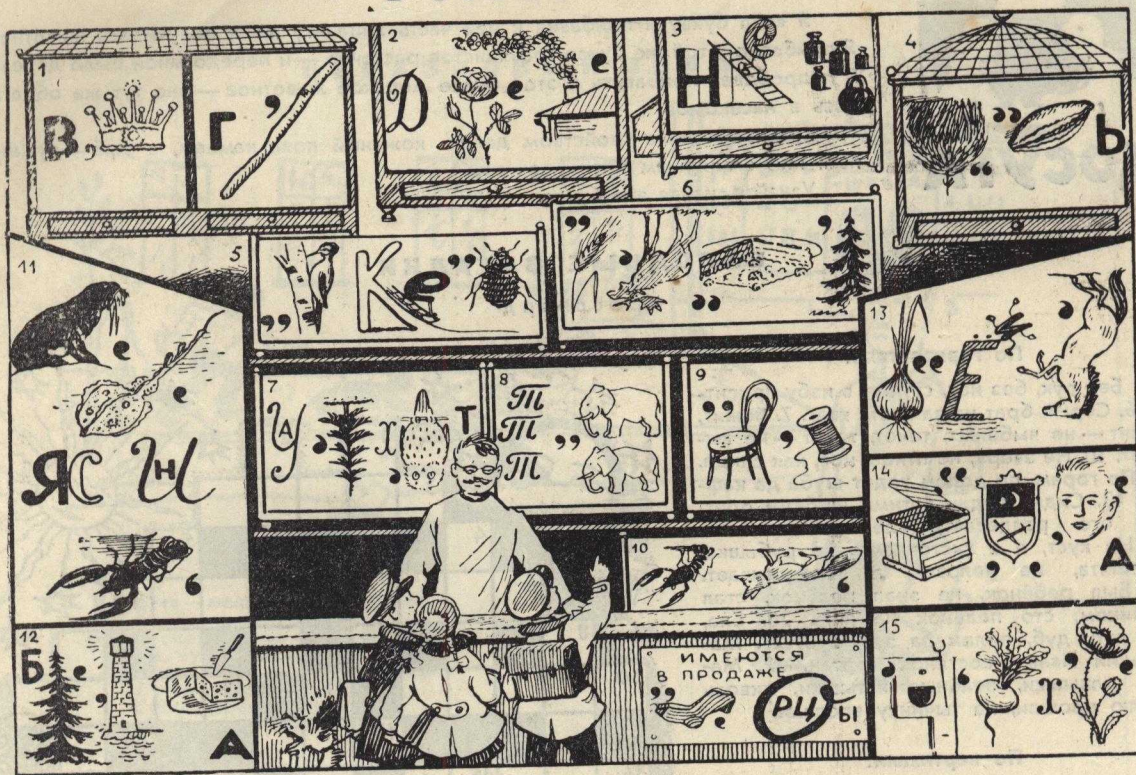
НЕ ГЛЯДЯ НА КАРТУ

Не глядя на карту и не заглядывая в справочники, скажите сразу, какие города выше над уровнем моря: Смоленск или Днепропетровск, Москва или Саратов.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1. Какой пролив разделяет два моря, два океана, два полуострова, две части света, два государства?
2. Какая река длиннее: Верхняя Тунгуска или Ангара?
3. В Европе есть два больших полуострова, один из них омывается четырьмя морями двух океанов, а другой — пятью морями одного океана. Какие это полуострова и какими морями они омываются?
4. Учитель спросил ребят, куда впадает река Белая. Один из учащихся сказал, что река Белая впадает в реку Каму, другой, — что в реку Кубань, а третий утверждал, что в Ангару. Кто из ребят прав?

В живом уголке нашей школы много разных птиц; есть соловей, зяблик, щегол; в аквариуме плавают золотые рыбки, второй год живёт ёжик. Мы решили пополнить живой уголок и поручили трём ребятам выбрать для него новых питомцев.

— Что вы можете нам предложить? — спросили ребята у работника зоомагазина.

— Пожалуйста, — ответил он, — выбирайте.

Решив эти ребусы, вы узнаете, что предложили ребятам в магазине.

ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в № 1

Рассеянный дедушка

г. Касимов
Рязанской области.
Пристань на Оке.

г. Кудымкар
Молотовской области.
Леспромхоз.

Ясная Поляна
Тульской области.
Музей-усадьба Л. Н. Толстого.

г. Махачкала.
Каспийское пароходство.

г. Курган-Тюбе
Таджикской ССР.
Хлопкоочистительный завод.

Озёра и города

1. Аральское море и г. Аральск.
2. Чудское оз. и г. Тарту.
3. Байкал и г. Иркутск.
4. Оз. Ильмень и г. Новгород.
5. Оз. Севан и г. Ереван.
6. Онежское оз. и г. Петрозаводск.
7. Ладожское оз. и г. Ленинград.

Какое число?

$$8+8=16; 8 \times 8=64; 64:16=4.$$

Занятное произведение
12345678987654321.

В чём ошибка?

Ошибка ребят заключалась в том, что за те несколько часов,

которые ребята провели в лесу, собирая грибы, солнце изменило своё положение.

Лунный серп

Существует очень древний способ узнавать о том, молодой на небе месяц или убывающий. Для этого нужно мысленно провести вертикальную линию слева от лунного серпа, и, если это молодой месяц, с первой четверти, — вы получите первую букву латинского слова «prima» — «первая», то есть первая четверть. Можно это узнать иначе: у убывающего, «старого» месяца серп похож на русскую букву «С».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова.

А 00227. Подписано к печати 3/II 1955 г. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 300 000 экз. Изд. № 157. Зак. 3972.

В воскресенье

Как проснулся, так сразу вставай, не валяйся в постели. Проветри комнату. Как обычно, сделай утреннюю гимнастику и обтирание.

Убери постель и садись завтракать, а через час после завтрака отправляйся с ребятами на лыжную прогулку, на каток или играть во двор.

Оденься тепло и удобно. Обувайся так, чтобы валенки или ботинки не жали.

На прогулке, в игре следи, чтобы в обувь и одежду не набивался снег. Помни: в сырой обуви и одежде можно обморозиться.

Если уходишь далеко, возьми с собой бутерброд, несколько кусков сахара. Катаясь на лыжах или на коньках, не пей воду, не глотай снег. Учись преодолевать жажду.

Вернувшись домой, до обеда, вымойся до пояса, вымой ноги. После обеда можешь помочь по хозяйству, почитать, послушать радио, сыграть в шахматы.

Спать ложись вовремя.

БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ ПРОВОДИ НА ВОЗДУХЕ

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

31000

ОБНОВА

Геннадий Мамлин

В субботу справлял
День рождения Вова.
В честь памятной даты
У Вовы обнова.

Два дня выбирали
Для Вовы в подарок
Портфель, чтобы прочен
Он был и не марок.

Теряли друг друга
В толкучке и шуме:
Его покупали
Не где-нибудь — в ГУМе.

Портфель замечательный,
Честное слово!
Шагал в понедельник
С обновой Вова.

Он нёс его,
Словно хрустальную вазу,
Он на пол его
Не поставил ни разу,

Пылинки сдувал он,
И целый урок
Он мелом под партою
Чистил замок...

Во вторник в портфеле
Разлились чернила,
И первая клякса
Портфель обновила.

— Жалеть уже поздно! —
Сказал он, и в среду
Дал бой он портфелем
Серёже — соседу.

В четверг для портфеля
Сыскалась работа —
Он был вместо штанги
Поставлен в ворота.

И в пятницу честно
Служил он,
Причём
Не штангою был он уже,
А мячом.

В субботу был связан
Портфель бечевой,
И нёс его Вова
Домой за спиною...

— Ах! — мама сказала,
Прошла лишь неделя —
Остались лохмотья одни
От портфеля.

Напрасно я выбрала
Этот подарок:
Портфель оказался
Непрочен и марок.

И долго с соседкой
Ругала артель,
Которая сделала
Этот портфель...

